

К Э Р Р И Л О Н С Д Е Й Л

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ

Насколько
хорошо
мы знаем
самих
себя?

«Ее романы обладают психотерапевтическим эффектом».

GODLITERATUREY.RU

Annotation

Элла Скай помнит каждого человека, у которого брала интервью, и каждого мимолетного знакомого. Но чего она вспомнить не может – так это своей беременности и автомобильной аварии, которая якобы лишила ее ребенка. Однажды Элла просто очнулась в больнице, а у постели сидел Дэмьен, ее муж, опустошенный произошедшим. Но что-то еще было не так. Первые вопросы начинают всплывать, когда Элла отправляется на давно запланированное интервью к Натану Доновану, звезде телеэкрана и известному путешественнику. Встреча поражает ее. Натан слишком сильно похож на Дэмьена и, кажется, знает Элли гораздо больше, чем она его. Чтобы разгадать загадку своей выборочной памяти, Элла последует за Натаном на заснеженные склоны Аляски. И однажды поймет – есть истории, которые лучше не вспоминать.

- [Кэрри Лонсдейл](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Примечание автора](#)
  - [Благодарности](#)
-

Кэрри Лонсдейл

Прошлым летом

Kerry Lonsdale
LAST SUMMER
Copyright © 2019 by Kerry Lonsdale Inc.

© 2019 by Kerry Lonsdale Inc
© Бялко А., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Все рассказанное здесь – придумано автором. Имена, персонажи, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или нет, совершенно случайно.

Эвану, моему любимому лыжнику. Пусть снега будет достаточно, воздух чист и горы покорятся тебе.

Пролог

Выдержки из записи интервью

18 августа 2018

Отель «Фармонт», Сан-Франциско, Калифорния

Интервьюер: Элла Скай, журнал «Люкс Авеню», ведущий журналист

Интервьюируемый: Амира Сильверс, актриса, обладатель премии «Оскар»

(Продолжение записи)

Амира: Моя мать всегда учила меня – чем больше шрамов от укусов на языке, тем счастливей брак.

Элла: Что она имела в виду?

Амира: Залог успешного брака не в том, чем вы делитесь со своим супругом. А в том, чем вы не делитесь. Вы замужем, Элла?

Элла: Да. Три года.

Амира: Как зовут вашего мужа?

Элла: Дэмьен Расселл.

Амира: Точно. Успешный предприниматель, создавший компанию, – прямой конкурент компании его собственного отца, да? Кажется, я где-то об этом читала.

Элла: Ну, я бы не называла это так.

Амира: Хм. Вы счастливы?

Элла: С Дэмьеном? Да, очень.

Амира: Тогда послушайте меня. Прикусите язык. И с вами не случится того, что со мной.

Элла: Вы недавно прошли через развод. Об этом везде писали, но до сих пор вы ни с кем не говорили об этом. Что же произошло?

Амира: Я поняла, что моя мать была права. Смешно, что это произошло таким образом. Я слишком много рассказала Гарри, вот и все.

Элла: Вы не хотели бы уточнить?

(Пауза)

Элла: Я понимаю, вам трудно говорить об этом, но...

Амира: Нет, если бы я не хотела говорить об этом, я не давала бы вам интервью.

Элла: Я не тороплю вас.

(Пауза)

Амира: Мне было четырнадцать, когда мой отчим продал меня в притон, чтобы расплатиться со своим поставщиком наркотиков. Я провела там полгода, занимаясь проституцией, пока власти не обнаружили этот притон, где держали меня и еще шесть девочек.

Элла: Господи.

Амира: Когда мне исполнилось восемнадцать, я в тот же день ушла из дома, чтобы никогда не возвращаться. Я изменила имя и похоронила прошлое. Я никому не рассказывала, через что мне пришлось пройти, до того как сказала Гарри.

Элла: Как долго вы были женаты?

Амира: Пять лет.

Элла: Почему вы ему рассказали?

Амира: Из чувства вины. Мне было противно иметь от него секреты.

Элла: И какой была его реакция?

Амира: О, он очень сочувствовал – пока не начал меняться.

Элла: Как это?

Амира: Сперва это было почти незаметно. Он напрягся, когда я его обнимала. Потом он перестал инициировать секс, а потом секс вообще прекратился. Когда он вручал мне документы о разводе, он едва мог взглянуть на меня. Он утверждал, что, когда он целует меня, у него перед глазами встают десятки мужчин без лица, и все они меня лапают.

Элла: Ну и козел. *(Пауза)* Простите, вырвалось.

Амира: Вы правы. Он козел. Тем хуже для меня, я все еще люблю этого мерзавца. Я так хочу забыть...

(Пауза)

Элла: Что вы хотите забыть?

(Пауза)

Элла: С вами все в порядке?

Амира: *(Плачет.)* Да... В смысле, нет.

Элла: Хотите прерваться? *(Пауза)* Нет? Хорошо, так что же вы бы хотели забыть?

Амира: Все. Все, что случилось со мной и с Гарри. Я хочу забыть, как любила этого козла, я хочу забыть его. И я знаю, как это сделать.

Элла: Вы – что?

(Пауза)

Амира: Уберите эту штуку.

{Конец записи}

Глава 1

Ноябрь 2018

– Элла.

Тихий шепот откуда-то прорвался в ее сон. Кто-то звал ее.

– Элла.

Снова шепот.

Дэмьен. Он снова зовет ее, вырывая из глубины сна. Она спит. Ей снилось... Что ей снилось?

Прикусить язык и хранить секрет.

– Элла, душа моя. Ну проснись.

Распахнув глаза, она уставилась прямо в глаза своего мужа – серо-голубые, с покрасневшими белками. Ей стало жаль его. Наверняка он снова работал всю ночь. Она попыталась сообразить, с каким же клиентом возникли сложности – новый коммерческий банк в Атланте? Или интернет-компания из Лондона, воображающая себя «Фейсбуком» для трансгендеров? Но она не знала. Сознание было смутным, словно камера, которая не может сфокусироваться.

Дэмьен склонился над ней. Темные бакенбарды почти до самого подбородка. Такие же темные пряди волос, упавшие на лоб. Он провел пальцами по густой гриве. Он всегда так делает, когда напряжен. И обеспокоен. Он определенно обеспокоен. Но чем? И почему на нем мятые джинсы и рубашка? Это так на него не похоже. Он выглядит, как будто сутками не переодевался.

Быстро обернувшись через плечо, он заговорщически улыбнулся ей, сверкнув безукоризненными зубами, и бросил на поднос с едой белый пакет из пекарни. – Я принес тебе омлет, как обещал.

Когда он такое обещал?

И откуда вообще взялся этот поднос?

Элла взглянула за плечо мужа, и ее сердце замерло. Их окружали белые стены крошечной комнаты. В воздухе висел запах лизола и антисептика. Гул незнакомых голосов доносился сквозь закрытую дверь. И дверь она тоже не узнавала.

Это не их спальня.

Элла глубоко вдохнула, и запах химикатов обжег ей гортань. Она быстро задышала, скользя взглядом по больничной палате. Как она сюда попала? Почему она тут? И почему Дэмьен ведет себя так, будто его ничего не удивляет? Он понимает, почему они здесь?

Дэмьен вытащил из пакета картонную коробку с едой навынос из кафе «Луна». Это было их любимое кафе неподалеку от дома на Русском Холме. Они часто ели там по субботам. Элла нахмурилась. Какой сегодня день?

Суббота. Она уверена в этом, потому что вчера была пятница. Она готовила Дэмьену ужин.

Дэмьен открыл коробку, отогнув края. Оттуда вырвался пар, наполненный запахом жареного лука и сладких перцев. Элле затошнило. Он поставил поднос на кровать, и Элла инстинктивно отшатнулась от него подальше. Ее пронзила острая боль внизу живота, и она же отозвалась в левом запястье, которое Элла задела во время движения. Она ахнула, и резко вдохнула.

– Тише, тише. – Дэмьен нажал кнопку на панели, идущей по бортику кровати. Изголовье кровати начало медленно подниматься. Элла устала на свое забинтованное запястье. Засунув другую руку под одеяло, она попыталась нащупать там источник боли, пока муж подсовывал ей под спину подушки. Ее пальцы нащупали бинты и пластырь в области таза.

– Что со мной?

Дэмьен устало улыбнулся ей и ласково погладил по щеке.

– Отдыхай, – и указал на еду, стоящую перед ней. – Поешь, пока сестра Цербер не унюхала и не заставила меня все выбросить.

Она наблюдала, как омлет остывал и облачко пара над ним уменьшалось. Ее продолжало тошнить от запаха, и она отвернулась.

Дэмьен открыл свою банку с овсянкой и засунул в рот ложку каши. Он ел свою овсянку без всяких добавок, и ел ее жадно. Он явно был очень голоден. Элла подумала – когда же он ел в последний раз? А она сама? Удалось ли ей съесть тот приготовленный ею ужин?

Он заметил, что она наблюдает за ним.

– Ты не голодна? Ты почти не ела всю неделю.

Всю неделю?

Дэмьен пододвинул к ней поднос. – Тебе надо поесть, чтобы восстановить силы.

Восстановить от чего?

– Почему я тут? – Она приподняла колени под простыней.

Ложка замерла на полпути между банкой и его ртом. – Что?

– Почему я в больнице? – Она действительно не знала и не могла вспомнить прошлой недели. Как попала в больницу. Как говорила с врачом. Как ела жуткую больничную еду. Она чувствовала, что воспоминания где-то тут, рядом. Она попыталась достать их, уловить, зацепиться хоть за что-то, чтобы понять, как она оказалась на больничной койке с распоротым запястьем и перевязанным животом. Но ничего не вышло, и она так и осталась растерянной, смущенной и ничего не понимающей.

Дэмьен смотрел на нее, как будто она задала самый идиотский вопрос на свете, что она, возможно, и сделала. Но Элла чувствовала, что должна узнать ответ. Она облизнула губы. Ей было больно глотать, и у нее болело вообще все: кости, мышцы и ткани. И вообще с ней все было не так – и ее тело, и это место, и Дэмьен, который вел себя так, как будто ее больничная кровать была новой нормой их жизни.

Дэмьен, все еще не издав ни звука, так и стоял с раскрытым ртом. Он смотрел на нее тяжелым взглядом, нахмутив брови. Ложку он бросил в банку с овсянкой, а ту поставил на поднос. Не дождавшись от него ответа, Элла отпихнула поднос с едой и откинула в сторону простыню. Больничная рубашка сбилась комом у нее на бедрах. Она дернула ее за подол, открыв живот, и ахнула. Ее живот был похож на надувной матрас, больше, чем она могла себе его вообразить, и рыхлый на ощупь. Он был прикрыт приклеенной пластырем марлевой пленкой.

Элла начала отдирать пленку. Она должна была увидеть, что под ней.

– Элла, перестань. – Дэмьен схватил ее за руку. Она зашипела от боли. – Извини. – Он отпустил забинтованное запястье, но крепко держал другое, отводя ее руку в сторону.

Она попыталась вырвать руку. Ей надо было посмотреть, что там.

– Пусти!

– Успокойся. Ты так все швы сорвешь.

– Швы? Что они со мной сделали? – закричала она.

– Ты серьезно? – спросил Дэмьен, наклоняясь к ней.

– Скажи мне.

– Не надо со мной так. Это нечестно. – Он отпустил ее и подался назад.

– Я клянусь тебе. Я не помню, почему я тут. Я ничего не помню.

– Ерунда, Элла. – Он яростно затряс головой. – Полная ерунда.

– Почему ты на меня злишься? Я не вру.

Дэмьен прошел через палату к окну. Свет, слишком яркий для утреннего, высветил резкие черты его лица. На скулах ходили желваки – верный признак беспокойства.

Элла натянула простыню до груди. Она чувствовала себя брошенной и потерянной. Ей не хотелось тут находиться. Она хотела домой. А еще лучше – проснуться, и чтобы все это оказалось сном. Наверняка так оно и есть. Все это ей только снится.

Она дотронулась до повязки на запястье – там ей, наверное, вводили иглу для инъекций. Под повязкой саднило. Раздражение усилилось. Комната, оборудование, ее раны. Все это было настоящим.

Дэмьен неуверенно смотрел на нее с другого конца палаты. Она в ужасе уставилась на него.

– Ну скажи что-нибудь. Я сейчас с ума сойду.

– Ты правда ничего не помнишь?

Элла медленно покачала головой.

– Ты помнишь аварию? На машине?

Ее сердце провалилось в желудок.

– Нет.

Дэмьен подошел к ней.

– А про Саймона?

– Кто такой Саймон?

Он побледнел.

– Наш сын, – прошептал он.

Если бы Элла не была в таком ужасе, она бы рассмеялась. У них не было детей. Дэмьен не хотел никаких детей.

– Это не смешно.

– Нет, это правда. Саймон погиб. Удар воздушной подушки разорвал плаценту. Саймон не выжил.

Он прижал к лицу руку, закрыв рот и нос, и смотрел на Эллу, качая головой.

– Это невозможно.

Что, она потеряла память? Может быть, она ушибла голову в этой аварии, о которой говорит Дэмьен. Амнезия показалась ей более убедительной, чем то, что Дэмьен говорил о ее беременности. Но забинтованный таз и драматические изменения ее живота, пожалуй, подтверждали его правоту.

– Ты забыла Саймона. Нашего ребенка. Господи, Эл. Ты не должна была забыть *его*. А экстренное кесарево? Это ты помнишь? А прошлую ночь?

– А что было прошлой ночью?

– Ты что, и правда не помнишь?

– Нет. Как я могу? Я даже не помню, что была беременна.

У Дэмьена упала челюсть. Буквально. Секунда. Две. Наконец он захлопнул рот.

– Не может... быть. – Он резко рассек ладонью воздух. – Не может быть, чтобы ты могла забыть об этом. Какого черта, Элла? Скажи мне, что ты шутишь.

– Да нет же! Я не помню никакого чертова ребенка! Скажи мне наконец, что происходит!

Дэмьен выругался и нажал кнопку на панели кровати. Элла вздрогнула.

– Что ты делаешь?

– Вызываю сестру.

Большими шагами он кинулся к двери.

– Ты куда? – Забыв о своих ранах, Элла села в постели, готовая вскочить и кинуться за ним. Она была напугана. Ее не так-то легко было напугать, но Дэмьену это удалось. Она не понимала, отчего он так разъярился. Почему он зол на нее? Ведь не нарочно же она все забыла. Казалось бы, от собственного мужа можно ожидать сочувствия и понимания. Даже если он и сам испуган.

Дэмьен замер в дверях.

– Пожалуйста, *ляг*. Ты повредишь себе.

– Не лягу, пока ты не скажешь мне, куда ты, – заявила она, спуская ногу с края кровати.

Он широко распахнул дверь палаты.

– Я иду за твоим врачом. Ты сводишь с ума *меня*.

Глава 2

Доктор Тэйт Аллингтон, невролог, стоял в ногах Эллиной кровати. Контраст ярко-белых волос и загорелой кожи. В загорелых руках – электронный планшет. На кончике обветренного носа – очки в тонкой серебристой оправе. Пока он изучал результаты томографии, которую Элле сделали на прошлой неделе, она отвлеченно размышляла. Интересно, по утрам доктор играет в гольф или в теннис? Или, может, он любит садовничать? Он говорил что-то о прекрасных виноградниках своей жены. Сразу после того, как объяснил, что ему остался месяц до выхода на пенсию. Хотя он-то лично не возражал бы работать до тех пор, пока его не унесут в больничный морг. Медицина – его страсть. Особенно он любит разгадывать загадки человеческого мозга. Но, понимаете, жена. Ей хочется путешествовать. Принюхавшись, Элла поняла, что от него пахнет кремом от загара. Аромат кокосового масла вносил нотку приятного разнообразия в стерильную больничную обстановку. А мысли о личной жизни доктора были приятнее, чем размышления о ее собственных проблемах, которые казались непреодолимыми. Она забыла, что была беременна.

Она снова принялась, и ее вдох привлек внимание Дэмьена. Он посмотрел на нее со странным выражением и вновь заходил по палате туда-сюда. Элла сложила руки на коленях и замерла в ожидании вердикта врача.

Он только что объяснил ей, что они уже встречались. Он осматривал ее, когда она поступила в больницу. Но ради Эллы и ее внезапной амнезии он повторил ей свое заключение. После экстренного кесарева сечения и в результате последствий автокатастрофы Элле сделали компьютерную томографию. Она показала, что никаких внутренних повреждений нет. Ни ушиба мозговых тканей, ни кровотечения, ни каких-либо повреждений. Кроме злосчастного выкидыша и вывиха запястья, ее травмы ограничивались несколькими синяками, царапинами, порезами от разбитого ветрового стекла и растяжением шеи от резкого рывка при торможении. Это объясняло легкую боль, которую Элла чувствовала в шее и плечах.

Элла предпочла бы, чтобы к ней пришла ее гинеколог, доктор Линн Норбега. Они давно знали друг друга. Они познакомились почти десять лет назад, им самим было едва за двадцать, и они встретились на вечеринке у общих друзей. Когда Линн открыла свою практику, Элла стала одной из ее первых пациенток. Она доверяла Линн. Ей хотелось спросить у нее о своей беременности. Была ли она случайной? Она не могла вспомнить, чтобы они с Дэмьеном обсуждали рождение ребенка. Единственный раз, когда они говорили о детях, был еще до свадьбы. Дэмьен выразил свою позицию предельно четко. Никаких детей. И Элла вышла за него замуж, сознавая это, – так когда же все изменилось?

Она не помнила этого, и это ее пугало. И Дэмьен тоже.

Он стоял в отдалении, неся свою вахту возле окна. Руки сложены на груди. Время от времени он поглядывал на нее, при этом избегая встречаться с ней взглядом.

Может быть, он тоже напуган и у него это выражается таким образом? Отстраниться и замкнуться в себе? За те четыре года, что они были знакомы, Элла никогда не видела, чтобы он чего-то боялся или не был уверен в себе. Он всегда мог справиться с любой проблемой. У него всегда был план. Он был прекрасным стратегом – что на работе, что дома. И никогда не забывал похвалить ее статьи или наряды, когда они выходили в оперу. Он мог помочь ей беседой, если у нее случался творческий кризис, и у него всегда была наготове бутылка шампанского, когда она получала престижное задание в редакции *Люкс Авеню*, опередив других своих коллег.

– Какое последнее событие вы помните? – спросил доктор Аллингтон, снова привлекая к себе ее внимание.

– Ужин с Дэмьеном, – Элла взглянула на мужа. Тот, не отрываясь, смотрел на доктора. – Я жарила свиные отбивные, – добавила она.

Она ясно помнила этот вечер. Дэмьен вернулся с работы, галстук развязан, приталенная рубашка красиво облегает широкие плечи и узкие бедра. Из кухни она слышала, как он, поздоровавшись с ней – *Я пришел, дорогая*, – повесил пиджак на вешалку у дверей, бросил портфель на пол и просмотрел почту, которую Элла оставила на столе в прихожей. Все как всегда. Затем он пришел к ней в кухню. Она помнит, как он дышал сзади ей в шею, обняв за талию, и как по ней пробежала горячая волна. Он поцеловал ее в плечо и ткнулся носом в

изгиб шеи. Она замерла в предвкушении того, что могло за этим последовать. Она всегда была очень отзывчива к его прикосновениям.

– Ты так хорошо пахнешь, – он положил подбородок ей на плечо. – И ужин хорошо пахнет. Ты сама готовишь. – Казалось, он потрясен.

– Я стараюсь. – Она не особенно любила готовить. И Дэмьен тоже. На кухне у них хорошо получались три вещи: варить кофе, смешивать коктейли и трахаться. А есть они с самого начала ходили в рестораны. Ну или заказывали еду домой. Но в последнее время Элле начали надоедать готовые обеды, и она стала чаще пытаться готовить сама. У них была прекрасно оборудованная кухня. Почему бы не пользоваться ею? Не вести более семейный образ жизни?

Это воспоминание смутило ее.

Семья?

Может ли быть, что она начала готовить именно потому, что забеременела? Дэмьен хотел сказать ей что-то важное.

Нам надо поговорить.

О чем?

– Когда это было? – спросил доктор Аллингтон, переводя взгляд с нее на Дэмьена.

Какая разница, когда был этот ужин? Разве то, что муж хотел сказать ей, не более важно? Как бы она хотела вспомнить, что это было.

– На прошлой неделе, – ответил Дэмьен вместо нее. – В тот вечер, когда случилась авария.

Доктор Аллингтон засунул планшет под мышку. – Элла, вы помните, что были тогда беременны?

– Я не знаю.

– Подумайте. Какой вы себя видите?

Элла сосредоточилась на воспоминании. Вот она прижимается плечами к груди Дэмьена. Его руки на ее животе. Она пытается увидеть то, что под ними, но там, внизу, все расплывается и становится нерезким, как на фотографиях, где пытаются скрыть чье-то лицо.

– Вы беременны? – снова спросил доктор, на этот раз более ласково.

– Я не могу сказать. Я что-то чувствую там. – Но она не видела этого и ничего не ощущала по отношению к тому, что должно было

расти внутри ее.

Дэмьен покачал головой и снова повернулся к окну лицом, а к ней спиной. Он отвергал ее или ее состояние? Как ей надо было это понять.

Доктор Аллингтон ушел, и они снова остались вдвоем. С тех пор как он вызвал сестру и ушел за доктором, прошло несколько часов, и это был сплошной хаос. Дэмьен не верил ей. И, как ни было ей обидно его недоверие, сама она тоже не верила ему. Только когда сестра Джиллиан показала Элле ее медицинскую карту, она смогла принять тот факт, что действительно была беременна и перенесла выкидыш.

– Бедняжка, – ворковала сестра, поправляя Элле подушки. – Я ничуть не удивляюсь, что вы все позабыли. После того, что вам пришлось перенести, да еще после того, что вчера тут устроил ваш посетитель, я бы тоже хотела все забыть. Маргарет – это наша старшая сестра по этажу, если вы не помните, – была совершенно права, когда вызвала охрану. А ваш муж, он никак не хотел уходить, пока вы не успокоились. Вы так ужасно плакали. Нам пришлось дать вам успокоительное, только тогда вы успокоились. А ваш чудесный муж все сидел с вами и держал за руку, почти всю ночь. Я и не должна была на это смотреть, но прямо не могла удержаться. Он такой заботливый, а уж какой красавец. – Она подмигнула Элле и похлопала ее по руке. – Доктор Аллингтон сейчас вернется.

И Джиллиан вышла из палаты, оставив Эллу еще более озадаченной.

Дэмьен обернулся, уперев руки в бока.

– Каков ваш диагноз, доктор?

– Избирательная потеря памяти, с учетом недавних событий и судя по частичному сохранению памяти. У вас сохранились воспоминания последнего времени, вы просто не можете восстановить их полностью в правильном порядке, – пояснил он, обращаясь к Элле. – Потеря ребенка на двадцать первой неделе срока очень травматична.

– Двадцать первой неделе? – недоверчиво ахнула Элла. Они с Дэмьеном пять месяцев разделяли счастье быть родителями. Это непостижимо. Они. Родители.

– А воспоминания вернутся ко мне? – спросила она у врача.

– Более чем вероятно. Вам нужно время. – Доктор Аллингтон поправил очки, надвинув их покрепче на нос. – Наш мозг, он такой хитрый. Он может представить нам ложные воспоминания там, где мы не можем чего-то понять, и отнять те, которые мы не можем вынести. Ваши воспоминания с вами, но пока, по какой-то причине, вы не можете ими воспользоваться.

– Но это случилось почти через неделю после аварии. Почему?

– Возможно, ваша потеря памяти чем-то вызвана.

– Она нарочно это делает, – заявил Дэмьен.

– Подсознательно – да. Как она себя чувствовала на этой неделе?

В эмоциональном смысле.

– В эмоциональном. – Дэмьен подошел к ней поближе. – Подавлена. Убита. И я тоже.

Доктор Аллингтон снова поглядел в свои записи.

– Я вижу, доктор Норьега наметила вашу выписку на завтра. Я бы порекомендовал вам поехать домой, отдохнуть и потом записаться на прием к психиатру. Вообще-то, – он указал рукой на Дэмьена, – моя рекомендация относится к вам обоим.

Доктор ушел, и Дэмьен закрыл за ним дверь. Обернувшись к Элле, он подошел, встал возле ее кровати, там же, где стоял доктор, и недоуменно уставился на нее.

– Ты все еще мне не веришь. – Произносить это вслух показалось Элле еще больнее, чем думать то же самое про себя. Почему он не верит, что она говорит правду?

– Я не знаю, что и думать. Мы обсуждали, – он осекся и поднес руку к губам. Затем поглядел на часы. – Пойду проверю, чтобы все бумаги к выписке были заполнены как следует.

– Дэмьен, – Элла потянулась к нему, – посиди со мной. Пожалуйста, хотя бы минутку.

Ей так нужно было его прикосновение. Она хотела, чтобы он ее разубедил.

Дэмьен взял ее за руку и поцеловал в лоб.

– Спасибо, – сказала она.

– За что?

– За поцелуй. Он был мне так нужен.

Его лицо смягчилось. Он поглядел на ее рот и провел пальцем по контуру нижней губы.

– Не расстраивайся. Все будет в порядке.

Элла очень на это надеялась. Она всегда гордилась своей памятью. Назвать то, что она испытывала, расстройством, было – не сказать ничего. Знать, что воспоминания где-то тут, но скрыты, недоступны и утекают от тебя, было невыносимо. Невыносимо.

Глава 3

Дэмьен отпирал дверь в их квартиру на Русском Холме, престижном районе Сан-Франциско с пологими холмами и уличными кафе. Элла стояла рядом с ним.

Звон ключей напомнил ей, как они пришли сюда самый первый раз, через два месяца после знакомства. Неделю назад Дэмьен сделал предложение. Ему было тридцать два, ей тридцать. Они не были двадцатилетками, любящими проводить долгие ночи в барах и выходные на музыкальных фестивалях. Им не нужна была пышная многочисленная свадьба, организованная по принципу «все самое лучшее». У них не было родителей, которых надо порадовать. Оба знали, чего хотят от брака и отношений, – так зачем откладывать женитьбу?

Кейт Ву, их риелтор, встретила их на улице возле дома. Ловко балансируя на двенадцатисантиметровых шпильках Джимми Чу, она поднялась с ними на десятый этаж, отперла дверь, и, сделав широкий приглашающий жест, отошла в сторону, пропуская Эллу и Дэмьена в квартиру. Элла влюбилась в этот дом с первого же момента, как только увидела панорамный вид из огромных, от стены до стены, высотой в пол, окон. Он простирался от Золотых Ворот до моста Бэй, с мысом Марин посередине и городскими улицами внизу. Да еще погода в тот день не могла быть лучше, с ровным голубым небом и заливом, залитым солнцем.

Кейт водила их по квартире, цокая каблуками по темному полу орехового дерева. «Все окна выходят на залив. Четыре спальни и две с половиной ванные комнаты. Из главной спальни виден мост Золотые Ворота, и залив Сосалито по ночам просто грандиозен, – объясняла она, разводя руками во все стороны, как стюардесса в самолете, указывающая на аварийные выходы. – И вся квартира была только что обновлена и отремонтирована».

Пока Кейт перечисляла длинный список достоинств, Элла забрела в кухню. Дэмьен шел за ней, приобнимая за спину. Она провела пальцем по мраморным прожилкам кухонного стола. Эта кухня была раза в три больше всей квартирки, которую она снимала в Коул Валли.

– Что скажешь? – спросил Дэмьен, когда Кейт остановилась перевести дух.

– А мы можем себе такое позволить?

Элла неплохо зарабатывала, а Дэмьен... Ну, когда он описал Элле свое портфолио, она долго собирала упавшую челюсть. Но все равно ей было беспокойно. А если с ним что-нибудь случится? Элла была в состоянии финансово поддерживать дом, который они с ее братом Эндрю унаследовали от своей двоюродной бабушки Кейти, тетушки их отца, вырастившей его, а после и их обоих. Ипотека по нему была давно выплачена. Когда Эндрю окончил школу, они продали дом, и этих денег хватило заплатить за их обучение в университете. Эндрю даже хватило его доли на то, чтобы запустить свой первый стартап.

Но эта квартира на Русском Холме, где стоимость недвижимости начинается с пяти миллионов? Это было далеко за пределами ее журналистских доходов.

Дэмьен обнял ее за шею, притянул к себе и поцеловал.

– Легко.

У Кейт затрещал телефон. Она взглянула на экран.

– Простите, я должна ответить. Оглянитесь вокруг. Я на минутку.

Она вышла во входную дверь. Дэмьен прошел за ней и закрыл задвижку на двери.

– Что ты делаешь?

– Выигрываю нам время. – Он ухмыльнулся и, взяв Эллу за руку, потянул ее обратно в кухню. И она совершенно точно знала, что он имеет в виду.

– Вот прямо сейчас? – Она взглянула на входную дверь. Несмотря на всю нервозность, у нее кровь застыла в жилах от предвкушения.

– Только чтобы убедиться, что нам тут нравится, – ответил он, подмигнув.

Она хихикнула.

– Наверняка есть и другие способы.

– Ну и какая в них радость?

Он улыбнулся своей хитрой, сексуальной улыбкой. Руки скользнули по ее бедрам, задирая вверх подол юбки, а затем он поднял ее, и одним движением посадил на кухонный стол. От прикосновения холодной мраморной поверхности к голому телу по ней побежали мурашки.

Он поцеловал ее полным ртом. Он пах дыней и апельсином, как салат, который они ели на обед. Он погладил ее грудь.

– Господи, да мы действительно это делаем!

Он хихикнул в ответ на ее гортанный шепот возле его губ, и она возбудилась еще больше. Не теряя времени, он резко вошел в нее. Оба вскрикнули.

– Да, – выдохнул он ей в ухо. – Да, мы делаем это. Прямо здесь и сейчас. – И продолжил быстрые, резкие движения бедрами.

Секс в чужой кухне, с риелтором, стоящим прямо за дверью, – это было так смело и вызывающе. Совокупление было быстрым и жарким. Элла вцепилась ему в плечи.

– Это потрясающе. Ты потрясающа. Прекрасна, – повторял он.

Им было прекрасно вместе. Они были нужны друг другу, всегда, везде и особенно в этом смысле.

Дэмьен куснул ее за ухо.

– Что мне в тебе нравится, Элла Скай, так это то, что ты позволяешь мне трахать тебя где угодно.

Она развязно ухмыльнулась:

– Нет, это ты трахаешь меня где тебе угодно.

Он рассмеялся.

После, усталый и запыхавшийся, он помог ей слезть и оправил на ней юбку. Ласково убрав с ее лица упавшие волосы, он долго и нежно поцеловал ее. «Я хочу, чтобы это был наш дом, – прошептал он. – Чтобы в конце дня, в конце тяжелой рабочей недели, после долгой разлуки и после ссоры... Господи, да после всего что угодно – я хочу, чтобы мы всегда могли прийти сюда и снова найти друг друга».

Эти слова стали для нее всем. Они значили даже больше, чем он сам имел в виду. Она вгляделась в его лицо. Он пытался что-то скрыть от нее, или боялся сказать о чем-то, опасаясь ее реакции. Она чувствовала в нем это с самой первой встречи. Но ничего. Она не станет давить на него – она верила, что он сам все скажет, когда будет готов.

Услышав, как Кейт поворачивает ручку входной двери, а затем вставляет ключ в замок, они улыбнулись друг другу, как заговорщики. Все вокруг пахло сексом. Кейт сразу поймет, чем они тут занимались. Но Элла не покраснела и не попыталась спрятаться за Дэмьена. Ей не

было стыдно. Она была влюблена. И, в конце концов, они все равно собирались купить эту квартиру, так что какая Кейт разница?

Здесь было четыре спальни. Одна для них, в одной будет ее кабинет, и две, надо надеяться, будут детскими. Мальчик, похожий на Дэмьена, и девочка, которую можно будет назвать Грейс, в честь ее детской подруги, которую она так рано потеряла. Она представила, как дети, смеясь, бегут по длинному холлу, а Дэмьен ловит их, целует и щекочет со счастливой улыбкой. Но это видение мгновенно исчезло. Дэмьен был предельно ясен. Он не хотел детей.

Если расстаться с мыслью о детях означало, что она будет с Дэмьеном, она была согласна. Она потеряла уже столько любимых людей. И не хочет терять еще одного. Дэмьен – ее жизнь. И, если не считать Эндрю, вся ее семья.

Звон ключей вернул Эллу к реальности. Дэмьен широко отворил дверь, но она замерла на пороге.

– Что такое? – спросил он.

– Я вспомнила, как мы пришли сюда в самый первый раз. Так странно... Я помню тот день до самых мельчайших деталей – что мы делали, что я чувствовала. О чем я думала... Но я не помню, что было два дня назад.

– Последнее, что ты помнишь, – это ужин в день аварии? – подозрительно спросил он. – Поклянись, что больше ничего не помнишь про тот вечер.

– Клянусь.

Он быстро прикрыл глаза и кивнул.

Она погладила его по щеке. Ладони было колко от шершавых небритых волос. Сегодня его одежда была чистой, но он все еще не успел побриться. Она попыталась поймать его взгляд. Он отвернулся.

– Дэмьен, – прошептала она, заставляя его посмотреть на себя. Его взгляд остановился где-то на уровне ее рта. Он ни разу не поднимался выше с того самого момента, как вчера она проснулась в больнице. Он смотрел или на ее рот, или куда-то на уровне плеч. Может быть, он тоже в шоке от ее выкидыша. Но им придется снова найти друг друга. Она не даст этой трагедии разлучить их.

– Я хочу все вспомнить, – серьезно сказала она и внезапно зевнула. – Извини. Это все из-за обезболивающих.

– Давай устроим тебя, чтобы ты отдыхала, – захопотал Дэмьен. Он запер замок и задвижку и с громким звоном бросил на столик свою связку ключей. Ключи от этой квартиры, от квартиры в Лондоне, от его офиса; две флешки; ключ с брелоком от его седана «БМВ».

Элла вздрогнула.

– Почему тут так холодно?

– Я выключил отопление. Меня все равно не было дома.

– Ты все время был со мной в больнице? – При мысли о Дэмьене, спящем в пластиковом кресле в углу ее палаты, она чуть не заплакала. Неудивительно, что его одежда была вчера такой мятой.

– В основном. Прошлой ночью я был в офисе.

– Всю ночь?

Он кивнул.

– Надо было разобраться кое с чем.

Очень понятно. Она нашла его руку.

– Спасибо, что ты был со мной. Наверняка это было тяжело.

Он кивнул, взял ее сумку и понес в спальню.

Элла выставила термостат на терпимые двадцать три градуса. Автомат забурчал, и решетки вентиляторов приоткрылись, наполняя квартиру искусственно нагретым воздухом.

Элла надела теплую накидку, сняв ее с вешалки, обхватила себя руками и, пройдя через гостиную, подошла к стеклянной стене с видом на залив и город внизу. Она отдернула шторы, открыв свинцовое ноябрьское небо. Над заливом висели низкие облака, море было беспокойным, на волнах различалась белая пена. Размывая вид, по стеклу стекали струи дождя. Смотреть туда было все равно что в зеркало. Внешний мир отражал ее собственное состояние. Все сумрачно и неясно.

У нее заныл шрам на животе, и она инстинктивно прикрыла его ладонью. Ей до сих пор было трудно поверить, что она более пяти месяцев носила ребенка. Когда Линн, ее гинеколог, удаляла ей последние швы перед выпиской, она назвала ее потерю выкидышем. «Выкидыши случаются по многим причинам, – сказала она. – Это происходит чаще, чем ты можешь подумать. Рассматривай это только как некоторую задержку в своем семейном планировании». Беременность протекала без осложнений. Она была уверена, что в следующий раз у Эллы не будет никаких проблем с вынашиванием.

Линн пыталась поднять Элле настроение, облегчить ее состояние. Но сама Элла знала правду. Она проверила это, взяв у Дэмьена телефон, потому что ее собственный разбился во время аварии. Она доносила ребенка до двадцати одной недели. А выкидыш считается до двадцати. Саймон был мертворожденным.

И это глубоко усугубляло трагедию его потери и попытку забыть обо всем.

– Саймон, – прошептала она.

Дэмьен предлагал ей произносить это имя вслух. Может быть, это поможет ей вспомнить его.

Но зачем? Она ощущала только пустоту и бессмысленность происходящего, которые, как она читала, и должны испытывать женщины после выкидыша. На своем прикроватном столике в больнице Элла нашла буклет: *Эмоциональное состояние после выкидыша*.

Даже персонал госпиталя не понимает, что нужно делать.

Вы попытаетесь снова, убеждала ее Линн.

С тех самых пор как они с Грейс, ее лучшей подругой, играли в детстве в куклы, Элла хотела ребенка. Отчасти она надеялась, что когда-нибудь она сможет переубедить Дэмьена. И, очевидно, ей это удалось. Казалось, что Дэмьен был рад появлению Саймона и переживал его потерю.

Может быть, они попытаются снова.

Но все в свое время. Сперва ей надо согреться.

Элла прошла на кухню и нашла свою любимую кружку – круглую, керамическую, с цветами, нарисованными от руки. Она сама выбрала и купила ее в дорогом магазине. Она начала искать стальной фильтр для заварки кофе, открывая дверцы всех шкафов. Сделав неудачное движение рукой, она вскрикнула от боли.

Дэмьен прибежал к ней.

– Что случилось?

– Я не могу найти фильтр, – ответила она, чуть не плача и прижимая к груди больную руку.

Он открыл посудомойку и вытащил оттуда фильтр.

Единственное место, где она не посмотрела. Она протянула за фильтром руку.

– Я сделаю, – он вставил фильтр в ее кружку.

– Спасибо, – пробормотала она, прижимаясь лбом к его плечу. Почувствовав, как напряглись его мускулы от ее прикосновения, она спросила: – С тобой все нормально?

– Да. – Он кинул в фильтр ложку молотого кофе, наполнил водой чайник и поставил его на плиту. И уставился на него в ожидании.

– Ты же знаешь, что говорят о чайнике, за которым следят, – пошутила она.

– Хмфр, – коротко фыркнул он, но не отвел глаз от чайника.

– Я тебя чем-то расстроила?

– Нет, почему? – он наконец взглянул на нее.

– Н-у-у-у... Я не знаю, но просто мы с тобой почти не разговариваем, с тех пор как я вчера проснулась. Ты с трудом можешь смотреть на меня.

– Извини. Я просто устал, – он успокаивающе похлопал ее по плечу.

Но это не успокоило Элли.

Он не может смотреть на нее и почти не дотрагивается до нее. Но ей нужны его прикосновения.

Она провела рукой по его спине, разглаживая складки на рубашке, с удовольствием ощущая под рукой мощные мускулы. Она обхватила его за талию. Кажется, с тех пор как они были близки, прошли месяцы. Может быть, так оно и было, откуда ей знать. Все, что ей было нужно, – чтобы он посмотрел на нее. Чтобы увидел ее, и увидел, как она напугана.

И снова он напрягся от ее касания. Вздохнув, Элла опустила руки. Она отошла в другой конец кухни и оттуда смотрела, как он ждет, пока закипит чайник. Надо спросить его про аварию. Как это произошло? Где? Пострадал ли кто-то еще?

О господи!

Что, если она была виновата и ранила или, еще хуже, убила кого-то?

Но нет, тогда бы за ней сразу пришла полиция, верно?

Но она убила кого-то. Их сына.

Ей стало тесно в груди. Ее охватил приступ тяжелой тоски.

– Дэмьен, – тихо-тихо прошептала она сквозь слезы, застилающие ее глаза. Она ждала, когда он посмотрит на нее, но, когда он обернулся, ее лицо сморщилось. – Я так виновата, так ужасно виновата...

Он нахмурился:

– В чем?

– Я убила нашего ребенка. – Она залилась слезами.

Лицо Дэмьена смягчилось.

– Нет. Нет, нет, нет. – Он подошел и обхватил ее обеими руками.

– Это был несчастный случай. – Он обхватил рукой ее голову и прижался губами к ее лбу. – Ужасный несчастный случай.

– Как бы я хотела это помнить. – Она обвила его талию руками, уткнулась головой ему в грудь и прошептала: – Мне так страшно.

– Мне тоже. Но мы с тобой справимся. Я обещаю.

Дэмьен прижался подбородком к ее голове и осторожно обнял ее, не слишком крепко, чтобы не повредить свежий шрам. Они долго стояли так, обнявшись и слегка покачиваясь. Она слушала, как за окном шумит дождь. Его сердце стучало у нее под ухом, и постепенно от этого тихого покачивания Элла почувствовала, как ее тело наливается тяжестью и ее клонит в сон.

Чайник засвистел, закипая, и Элла очнулась.

Дэмьен поцеловал ее в голову и обернулся к плите. Он медленно налил кипятка на кофейный порошок в фильтре. Порошок раздулся, как губка, и вода начала медленно капать в чашку.

Элла снова зевнула и туже запахла в кофту.

– А как произошла эта авария?

Он налил в кофе сливок и протянул ей чашку.

– Мужик на грузовике въехал тебе в бок на углу Джонс и Филберт. Вдавил твой «Рейндж Ровер» прямо в телефонную будку.

Она ахнула. Она знала этот перекресток. Она проезжала его каждый день.

– Он ехал в сторону залива?

Он кивнул.

– Он говорил, у него отказали тормоза. Полиция занимается расследованием.

Этот участок улицы Джонс был одним из самых крутых уклонов города. Разогнавшись на спуске с холма, он должен был крепко в нее впаяться. Она сказала об этом Дэмьену.

– Свидетели говорили, что он промчался без остановки несколько перекрестков. – Дэмьен заправил Элле за ухо выбившуюся прядь волос

и, приподняв ее лицо за подбородок, в первый раз за все время встретился с ней глазами. – Ты ни в чем не виновата, Эл.

Она кивнула, но ей было трудно в это поверить. Не потому, что она не верила ему. Он говорил правду. Но она чувствовала себя виноватой. Это она села в машину и выехала на этот перекресток. Почему она не увидела этот грузовик?

– Полиции нужно будет мое заявление.

– Они уже взяли его.

– Ну, думаю, это хорошо, если учесть, что я забыла все, что случилось. – Она даже не пыталась шутить, но Дэмьен слегка приподнял уголки рта. Она ответила слабой улыбкой.

Дэмьен отошел от нее. Моргнув несколько раз, он отвернулся к окну и прижал пальцы к уголкам глаз.

– Что с тобой? – спросила Элла.

– Я вспомнил, как мне тем вечером позвонили из госпиталя. Я примчался туда, как только смог, но ты уже была в операционной. Разрыв плаценты, сказали мне врачи. У тебя было кровотечение, и они не слышали сердцебиения Саймона. А когда они мне дали тебя увидеть... – Он резко замолчал и огляделся, словно не видя ничего вокруг. Его челюсти были тесно сжаты.

– Я пойду в душ. Тебе надо отдыхать. Через несколько часов придет Дейви, принесет поесть.

И он ушел. Это выглядело, будто бы он прогнал ее. Никогда в жизни она не ожидала от него ничего подобного.

Этот муж, который привез ее из больницы, вел себя совсем не так, как тот, которого она знала всего лишь неделю назад. И даже не так, как тот человек, которого она полюбила в первый же вечер, проведенный вместе.

Но, с другой стороны, со всеми этими пробелами в голове она тоже не была той самой женщиной.

Глава 4

4 года назад

Элла встретила Дэмьена Расселла одним февральским вечером в Лас-Вегасе. Она немедленно узнала его, как только он вошел в лобби бара казино «Ария», где она проводила давно намеченный совместный выходной со своей университетской подружкой Дейви Майер.

Дэмьен явно обладал своего рода природным магнетизмом, который притягивал внимание. Она не была единственной женщиной, захваченной его привлекательным видом. На него оборачивались. Ему смотрели вслед. Высокий, атлетически сложенный, с гривой темно-каштановых волос и пронзительным взглядом, он казался божеством. Проще говоря, он был не из тех мужчин, которым Элла предложила бы переночевать у нее на диване. Он спал бы в ее постели – ну, конечно, если бы ей удалось его туда залучить.

Дейви обернулась посмотреть, что привлекло внимание Эллы. Ее светло-золотистые волосы сверкнули, и она непроизвольно охнула:

– Вау. Кто это?

– Дэмьен Расселл. Основатель и директор Phantom Defense Networks, частной компании по кибербезопасности из Сан-Франциско.

– О-о-о-о-о... Такой крутой, и из местных.

– Я читала в прошлом году в *Форбсе*, что он своего рода мастер бизнес-стратегий. Его интеллект зашкаливает.

– Крутой и умный? Фигня. Таких мужчин не существует, ну или они уже женаты. Кстати, а он?

Элла потрясла головой:

– Кажется, разведен. Но слушай сюда – он раньше работал у своего отца, Клайда Расселла. Слышала о таком? Владелец CyberSeal.

– Это которые недавно вышли на биржу? Кажется, я читала что-то такое в *Cronicle*.

– Точно. Дэмьен должен был встать во главе компании после ухода отца на пенсию, но внезапно ушел из нее пять лет назад.

Дейви выловила оливку из своего мартини.

– Почему?

– Никто точно не знает. Но он немедленно основал собственную компанию по кибербезопасности. Поговаривали, что он планировал это, еще работая на отца, и что он нарочно сделал свою фирму его прямым конкурентом.

– Ну да, и Клайд Расселл так и не ушел на пенсию. А вместо этого его компания вышла на биржу. Что говорит нам о семейной драме, – закончила Дейви ее фразу, жуя оливку.

– Я серьезно.

С тех пор как CyberSeal вышла на биржу, лицо Дэмьена не сходило с обложек журналов и постоянно мелькало в интернете, как полагала Элла, к ужасу Клайда. Она так и представляла, как он смотрит на стопки журналов с изображением собственного сына, которые должны были бы писать о его компании.

Но какая же тут драма? Просто драма хорошо продается, и лицо Дэмьена тоже. Плюс к тому, Дэмьен не говорил ни слова, что только подогревало интерес журналистов. *Что думает Дэмьен о выходе компании его отца на биржу? Собирается ли он сделать то же самое с PDN?*

Чего бы она ни дала, чтобы провести с ним хотя бы час наедине. Сегодня.

Они с Дейви смотрели, как Дэмьен уселся на освободившийся у барной стойки стул и заказал выпить.

– Сейчас пойду и представлюсь ему, – заявила Элла, оставив недопитый джин с тоником.

Дейви ухмыльнулась:

– Как ты лично или как журналист?

– Если бы он дал мне интервью... *Настоящее* интервью...

– О, да ты всерьез. Прямо сейчас?

Прикусив нижнюю губу, Элла кивнула.

– Ты не против?

Дейви подняла руку, отмахиваясь от ее вопроса.

– Да господи, вовсе нет. Если бы у меня был шанс заговорить с таким парнем... – Она покачала головой. – Иногда я тебе завидую. Ты общаешься с такими людьми... Да *Люкс Авеню* поставит твое имя на обложку с таким интервью. – Дейви указала пальцем в сторону Дэмьена.

И это была бы ее первая обложка, о чем она мечтала с того момента, как пришла работать в *Люкс Авеню*. Об этом, и о том, как станет ведущим журналистом. У журнала была большая женская аудитория. Лицо Дэмьена Расселла на обложке вызвало бы лавину продаж.

Элла улыбнулась, а Дейви вздохнула, но тут же улыбнулась в ответ.

– Хотела бы я побыть мухой на стене во время этого интервью. Но мне придется удовлетвориться статьей. Уже поздно. Я пойду спать.

Она допила свой коктейль и поднялась.

Элла тоже встала и обняла подругу.

– Я завтра все тебе расскажу, – пообещала она.

– И заплатишь за мой завтрак. Я бы пожелала тебе удачи, но, думаю, ты в этом не нуждаешься.

Элла проводила Дейви взглядом и рассмеялась.

– Ты офигенно выглядишь! – крикнула она ей вслед, стараясь перекрыть шум игорных автоматов.

Дейви послала ей воздушный поцелуй. Ответив тем же, Элла направилась к бару. Человек, сидевший рядом с Дэмьеном, как раз оплатил счет и встал со своего стула.

Ей повезло.

Она села на еще теплый стул, но ее появление осталось незамеченным. Дэмьен наблюдал за игрой *Warriors* на экране барного телевизора. Она же, напротив, вся была поглощена его присутствием. От него слабо пахло чем-то классическим и современным одновременно, и этот аромат был так соблазнителен. Она готова была поклясться, что это было что-то от Тома Форда.

Привлекая внимание бармена, она попросила налить ей выпить:

– Бурбон со льдом. – Это было то же, что пил Дэмьен. Еще раньше она заметила, что смешивал ему бармен, и была довольна, что ее заказ заставил Дэмьена наконец взглянуть в ее сторону. Он скользнул скучающим взглядом по ее уложенным светло-русые волосам и платью от «Хельмута Ланга», и выражение его лица не изменилось, но она улыбнулась ему, не давая сбить себя с толку, и он сделал бармену знак.

– Запишите это на мой счет.

– Да, сэр.

И Дэмьен снова вернулся к игре.

Когда принесли напиток, Элла приподняла стакан в сторону Дэмьена.

– Спасибо.

Он приподнял свой.

– Не за что.

– Я – Элла Скай, – представилась она, отставляя стакан и протягивая руку.

Он протянул свою.

– Дэмьен Расселл. Но, полагаю, вы и так это знаете.

Она наморщила нос.

– Правда? Почему?

– Ваш выбор напитка. И имя. Звучит знакомо.

Элла просияла. Она не могла сдержаться. Значит, он читал ее статьи? Иначе откуда бы ему знать ее имя?

– Возможно, вы читали мои статьи. Я пишу для *Люкс Авеню*.

Он откинул голову с легкой гримасой.

– А, так вы репортер. – Покачав головой, он снова стал следить за игрой.

– Ну вот. Уже в черном списке.

– Все вы одинаковы. Да! – Он взмахнул рукой, потому что один из игроков забил гол.

– Возможно, я окажусь другой, – сказала Элла, стараясь не обижаться.

– Вы все задаете одни и те же вопросы. «Почему вы ушли из CyberSeal? Почему вы еще не женаты?» О, черт! – выругался он в сторону экрана, когда другой игрок сделал удар и промазал.

– Так *почему же* вы не женаты? – осмелилась Элла поддразнить его. Пальцем она поглаживала уголок своей салфетки.

Не отвлекаясь от игры, он отхлебнул из своего стакана и ответил:

– Брак делает несчастным не недостаток любви, но недостаток дружбы. И это все, что вы услышите от меня. Моя личная жизнь – не предмет обсуждения.

Элла выгнула спину и подняла брови.

– Вы сейчас цитировали Ницше?

Дэмьен отставил стакан и обернулся к ней лицом.

– Впечатляет. Не так уж много людей знают о нем.

– Или изучали его. Я провела учебный семестр в Германии.

– Где вы учились?

– В Университете Фрайбурга. А окончила я Университет Сан-Франциско. А вы сделали степень бакалавра по компьютерам в Беркли и магистра по бизнесу в Стэнфорде, – перечислила она факты его публично известной биографии. – Но у меня есть важный вопрос.

Она хлопнула рукой по барной стойке возле его локтя.

Он неуверенно улыбнулся:

– Это какой?

– С какой стороны стадиона вы садились на футбольных матчах? – Два его университета издавна были злейшими соперниками.

Он сделал длинный выдох. Уголок рта приподнялся в добродушной усмешке.

– Трудный вопрос. В зависимости от того, с кем я приходил на матч.

Они обменялись улыбками, и Элла сделала глоток. С минуты, как она спросила про философа, Дэмьен ни разу не взглянул на экран. Она решила, что это хороший признак.

– А знаете, ваша цитата говорит сама за себя.

– Да?

– Вы обижены на бывшую жену. – Она нарочно решила говорить прямо. Это было рискованно, но он процитировал Ницше. Занятия по политической философии, где она изучала труды этого немецкого философа, вечно нагоняли на нее сон. Но личная жизнь Ницше была ей интересна. Женщины предали Ницше дважды, при жизни и посмертно. Женщина, которую он любил и которой сделал предложение, вышла замуж за его друга, а после его смерти сестра, которая стала его наследницей, истолковала его работы к своей личной и политической выгоде.

Лицо Дэмьена осталось невозмутимо.

– Вы приступаете прямо к делу.

Она пожала плечами:

– Это во мне говорит репортер. Дурная привычка. Мы можем вместо этого поговорить о ваших отношениях с отцом.

Она шевельнула ногой, позволив туфле от «Кристиана Лабутена» упасть на пол.

– Или... – опутив подбородок, он проводил взглядом упавшую туфельку. – Мы можем поговорить о том, что вы делаете тут, в Вегасе.

– Выходные с подружкой.

– Но вы же здесь. Одна.

– Дейви в номере.

– Дейви это?..

– Моя лучшая подруга из университета. Она пошла в номер, когда я сказала, что собираюсь представиться вам.

– Так я с самого начала был вашей намеченной жертвой... – Кажется, он разочарован.

Элла помешала соломинкой в бокале, отрянула ее о край и положила рядом. Он очень быстро потеряет к ней весь интерес, если она не придумает что-то, что будет увлекательнее игры в телевизоре. И он должен доверять ей, иначе она ничего не узнает. Честность не всегда лучшая политика, но честность вызывает доверие. И сейчас честность может пойти ей на пользу. Она приведет к интервью, к материалу, достойному обложки.

– Я буду откровенной, – начала она.

– А до сих пор вы что, не были?

– Верно, но... – она сделала глубокий вдох. – Вы очень красивы, и, если бы вы мне не понравились, меня можно было бы считать мертвой. Вы действительно мне очень нравитесь, и я бы хотела провести с вами время. И я была рада, что у меня есть шанс с вами познакомиться. – Ее лицо горело от собственной смелости. Никогда раньше она не была настолько откровенной с мужчиной. Это было даже слишком. Она чувствовала себя открытой и уязвимой. Но она хотела, чтобы он точно знал, что она чувствует, что ее привлекает к нему не только профессиональный интерес. Осмелившись дотронуться до него, она провела пальцем по лацкану его спортивной куртки. Мускулы внизу напряглись, и Элла заставила себя убрать руку. Она сможет трогать его всю ночь. – Но если серьезно, то взять у вас интервью я тоже хочу.

У него вырвался понимающий смешок:

– А я-то думал, у нас завязался интересный разговор.

– Конечно. Но я готова поставить на то, что вам понравится поговорить со мной еще раз, под запись и без нее.

– Готова поставить, говоришь? – Он провел пальцем по губам. – Между прочим, мы в Вегасе.

– Да.

Он поднял бокал и сделал большой глоток, не отводя от нее глаз. Затем медленно поставил его обратно и отер уголки рта большим и указательным пальцами. – Хорошо.

Она моргнула:

– Хорошо? Вы согласны?

– С двумя условиями. – Он показал ей два пальца. – Мы не говорим о моем отце, и я куплю тебе еще выпить.

– Заметано, – просияла она, одновременно соображая, как бы заставить его сказать ей все, что нужно.

Дэмьен взял ей еще один бурбон со льдом и рассказал, что привело его в Вегас. Он был основным докладчиком на конференции по сетевой безопасности. Элла поделилась впечатлением от КА, шоу цирка Дю Солей, которое они видели с Дейви. Они обсудили любимые рестораны в Сан-Франциско – Элла настаивала, что в Fog Harbor Fish подают лучший в мире суп из ракушек – и свои путешествия. У Дэмьена была квартира в Лондоне. Один коктейль следовал за другим, и все это привело их к лифту и в его номер, откуда Элла послала сообщение своей подруге.

Элла: Не жди меня

Дейви: Утром жду отчета. Развлекайся.

Их разговоры с Дэмьеном в баре были будто наэлектризованы и подпитывались то взглядом, то касанием. В лифте он положил жестом собственника ей руку пониже спины, и в ту же секунду, как за ними закрылась дверь его номера, их губы соединились. Поцелуй, начавшись неспешно, становился все более жадным.

Это был не первый раз, когда Элла очаровывала объект интервью настолько, что он делился с ней своими секретами на простынях, но она не была уверена, не станет ли Дэмьен последним. В нем было нечто, страшно притягательное для нее, хотя она не могла точно определить, что именно. Может быть, она чувствовала, что они родственные души? Но она не была уверена в этом, и у нее не было никаких доказательств. Это было скорее инстинктивное ощущение. Но

когда тебя столько раз бросают, как это было с Эллой, ты начинаешь постоянно ощущать внутри некоторое одиночество. Она почувствовала то же самое в Дэмьене, и ей захотелось не просто вытянуть из него рассказ про отношения с родителями и про бывшую жену. Она захотела его.

Секс был ярким, долгим, жестким и таким, какого Элла раньше не позволяла ни одному мужчине. Он раздвигал пределы, заставляя ее пьянеть от возбуждения. Когда занялся рассвет, она села в кровати, чувствуя, как все тело саднит в разных местах, но эта боль скорее приносила удовольствие. Ей было немного грустно покидать Дэмьена, но она обещала купить Дейви завтрак. Кроме того, Элла предпочитала никогда не оставаться на ночь, чтобы избежать ситуации «наутро после». Она думала, что они обменяются телефонами и договорятся об интервью, но Дэмьен поймал ее за руку до того, как она успела выбраться из постели.

– Останься.

Элла помедлила. Взглянула на него, сонного, взъерошенного и страшно секси. Если она не будет осторожна, он разобьет ей сердце.

– У меня есть правило, – сказал он хриплым голосом. – Никогда больше не влюбляться.

– Ты что, влюбился в меня за одну ночь? – И подмигнула ему. Он было побледнел, но затем понял и расхохотался.

– Нет, но я не возражал бы против дружбы с тобой.

– О, так ты задвигаешь меня во френд-зону?

– Господи, нет же. – Он захохотал и сильно потянул ее за руку. Она рухнула ему на грудь. – Помнишь мою цитату? – Элла кивнула. Он взял ее лицо в ладони и покрыв поцелуями. – Я думаю, дружба – это неплохое начало.

Элла не могла не согласиться. Она-то уже почти влюбилась в него.

Глава 5

Элла стала ведущим журналистом, но это повышение она заслужила статьей о Шарлиз Терон, а не о Дэмьене Расселле. Она так и не сделала интервью с ним. Вместо этого она полюбила его и обнаружила, что его личная жизнь была вовсе не той, о которой взахлеб писали глянцевого журналы и интернет-сайты. Ну и, кроме всего прочего, если бы кто-то написал о нем снова, самой большой новостью этой статьи стала бы она сама.

Они провели вместе несколько чудесных лет, прежде чем с ними случилось это несчастье, думала Элла, осторожно потирая рукой болезненную область вокруг шрама. Как пара может прийти в себя после потери ребенка на позднем сроке, да еще если жена не может вспомнить свою беременность? Ответа у нее не было, но ей хотелось поговорить с Дэмьеном обо всем: о них, о ребенке, об аварии и о том, что она может сделать, чтобы вернуть свои воспоминания.

Она допила кофе и пошла искать мужа.

В их спальне она прислушалась, не льется ли вода в душе, но услышала только шум дождя. Капли бились в окно и стекали по стеклу, словно слезы. Она позвала Дэмьена. Он не ответил.

Он незаметно ушел из дому, пока она растекалась там на кухне, предаваясь воспоминаниям об их первой встрече? Слава богу, что она не забыла ту ночь. Если бы она забыла и своего мужа, ее потеря была бы гораздо тяжелее. Это было бы все равно что жить с незнакомцем.

Элла вернулась в холл. В ее домашнем офисе было пусто, но дверь в одну из гостевых спален была приоткрыта. Заглянув туда, она замерла, прижав руку к раскрытому рту. Вместо двуспальной кровати с туалетным столиком там была полусобранная детская. В одном углу на куске линолеума стояли банки с краской и инструменты. В другом – колыбель вишневого дерева с матрасом, еще обернутым пленкой. Две стены были покрашены в веселый желтый цвет, и на одной был набросан контур букв, составляющих имя – Саймон.

У Эллы закружилась голова, и она покачнулась. Чтобы не упасть, она схватилась за дверной косяк. Беременность, авария, потеря Саймона – в этот момент все стало для нее реальнее, чем когда-либо

прежде. Детская, готовая наполниться любовью и смехом, запахами тальковой присыпки и детского крема, теперь навсегда останется пустой.

У нее запершило в горле, словно бы гортань связало узлом. Из глаз покатались слезы. Она смахивала их тыльной стороной ладони, всхлипывая и отчаянно желая вспомнить, что она чувствовала, нося их сына. Разговаривала ли она с ним? Читала ли ему вслух? Пела песенки? Играла ли ему музыку?

Ее внимание привлек слабый шорох, донесшийся из угла комнаты. Дэмьен сидел там в старинном кресле-качалке, прижимая к себе голубого плюшевого зайца. Блестящими глазами он смотрел куда-то мимо Эллы.

– Дэмьен, – хриплым шепотом позвала она.

Он крутил заячье ухо.

Она подошла и неловким осторожным движением опустилась на пол возле его ног. Положила руки ему на колени.

– Поговори со мной.

Он прижал пальцы к уголкам глаз, убирая собравшиеся там слезы, и хрипловато откашлялся.

– До меня как будто только что дошло, что никакого малыша не будет.

Ее глаза снова наполнились слезами.

– Мне так жаль.

– Я никогда не думал... Я не мог представить, что ты забудешь каждый... – Он тяжело сглотнул.

– Забуду каждый что? – переспросила она, пока он не закончил. Он хотел сказать: «Забудешь *все*»? Как будто у нее был выбор. Как будто это возможно.

Он поднялся с тяжелым, усталым вздохом и бросил зайца в кресло.

– Я пойду в душ.

Дотронувшись до ее плеча, он вышел из комнаты.

С раскрытым ртом Элла проводила его взглядом. Он снова ушел от нее. Он сам сказал, что в аварии нет ее вины, но вел себя так, будто был уверен в обратном. Очевидно, что он горюет, причем делает это в одиночку.

Но почему?

Она тоже потеряла Саймона. И даже если она не помнит этого, это не значит, что она ничего не чувствует. В шесть лет Элла потеряла своих родителей, в пятнадцать – лучшую подругу Грейс, а в восемнадцать – двоюродную бабушку Кейти. Она знает, что такое горе. И слишком любит Дэмьена, чтобы дать ему горевать в одиночестве. Она не даст ему замкнуться в его горе. Она сама делала так не один раз и знает, что это само по себе хуже ада. И чем дольше ты замыкаешься в горе, тем труднее потом будет выплеснуть его из себя.

Поднявшись на ноги, Элла вышла из детской и пошла в спальню. Дэмьен как раз вышел из душа. Он надел спортивные штаны и белую майку. Взглянув на Эллу, он снял покрывало с кровати. Она подошла к нему и взяла за свежесбривший подбородок так, чтобы он вынужден был посмотреть на нее. Его кожа была влажной, и он пах мылом и кремом для бритья.

– Мне очень жаль. – Конечно, извинений тут было мало. Они не вернут им сына. Не помогут ей вспомнить. И не избавят ее мужа от боли. Но когда она произнесла эти слова, ей стало чуть легче. Может быть, ему тоже поможет.

Дэмьен мягко взял ее здоровую руку и поцеловал внутреннюю сторону запястья.

– Не казись. Ты ни в чем не виновата.

– Ты считаешь, что я виновата в потере памяти, – ответила она.

Он поглядел на кровать.

– Приляг со мной. Я совсем не спал прошлой ночью.

– Почему тебе надо было работать всю ночь?

– Надо было закончить несколько дел. И я беспокоился о тебе, трудно было заснуть.

– Ясно. Но, пожалуйста, не прячься от меня. Я хочу всегда быть с тобой рядом.

Он обхватил ее руками, прижал к себе, как она и хотела.

– Ты рядом. – Он поцеловал ее в лоб. – Ложись. Тебе надо отдохнуть.

Элла забралась под одеяло. Дэмьен лег рядом и обнял ее. Она зевнула и прошептала:

– Я люблю тебя.

Дэмьен не ответил, а молча поцеловал ее в плечо. Слишком измученная, чтобы думать, что это значит, Элла погрузилась в

глубокий сон.

Эллу разбудил звонок домофона. Она поглядела на часы на прикроватном столике. Голубые цифры показывали семь вечера, и она удивленно моргнула. Она проспала три часа. Приглушенный свет окрашивал комнату в темно-серый. Дождь прекратился, и теперь до нее долетал знакомый городской шум. Раздраженные гудки такси и вой полицейских сирен. Крики людей и резкий визг тормозов фуникулера, едущего вниз с Хайда. Отдаленный гул корабельной сирены. Чисто умытый город сиял внизу, и этот свет отражался от низко висящих облаков. Дождь смыл всю уличную грязь, по крайней мере, на этот вечер.

Элла медленно поднялась с постели. Тело во сне затекло, и все раны еще отдавались болью. Большой ушиб на левом плече и ребрах налился ярко-лиловым.

Дэмьена она обнаружила в гостиной. Он был босиком, в темных джинсах и приталенной черной майке. Она немного понаблюдала за ним, пытаясь понять, как он себя чувствует после отдыха. Он менял музыкальные станции в Айпаде, который был привязан к колонкам. Она подошла к нему сзади, обняла за талию и поцеловала в шею. Он вздрогнул, но быстро опомнился и притянул ее к себе.

– Как ты спала? – спросил он.

– Спасибо, хорошо. Кто звонил?

– Дейви. Она уже поднимается.

– Хорошо.

– Она обещала принести лазанью.

– Мммм. – Как ни странно, мысль о еде была приятной. С другой стороны, это была лазанья Дейви, которую она готовила по рецепту своей мамы-итальянки. Никто не мог устоять перед лазаньей мамы Майер.

Дэмьен выбрал станцию и установил громкость так, чтобы музыка звучала фоном.

Элла потерла глаза:

– Эти лекарства просто вырубили меня.

– Если ты не в форме, я могу отправить Дейви домой.

Какая-то ее часть хотела, чтобы Дейви оставила ужин на пороге и ушла. Им с Дэмьеном надо было о многом поговорить. У нее еще

оставалась масса вопросов. Но ей хотелось есть и она соскучилась по подруге. Если память не подводила ее и в этом случае, то они уже довольно давно не виделись.

– Нет, я в порядке, – сказала она. – Я рада видеть ее и ее лазанью. Умираю от голода. Пойду умоюсь.

В ванной Элла разделась и закрыла повязку на руке специальным чехлом, который ей дали в больнице, чтобы не мочить руку. Шрам от кесарева сечения Линн заклеила стерильными повязками и велела Элле их не трогать. Они должны были отпасть сами. Но их можно было мочить, она только не должна была чесать область шрама.

Встав под горячий душ, она быстро намылилась, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Но все равно она не могла не заметить, как изменилась ее фигура. Грудь стала тяжелой, живот мягким, а бедра гораздо полнее. Столько набранного веса, и никакого младенца в оправдание.

Она выключила воду.

После душа она аккуратно вытерлась и насухо промокнула стерильные повязки. Потом выбрала и надела просторную блузку на пуговицах и эластичные штаны для йоги с высокой талией – единственные небеременные вещи, что ей удалось обнаружить среди одежды, которой она не помнила.

Дейви с Дэмьеном сидели в гостиной возле бара. Дэмьен смешал «Манхэттен» для Дейви, а себе сделал виски со льдом. Увидев Эллу, Дейви заплакала. Она поставила свой бокал, кинулась к Элле и обняла ее так, словно не видела много лет. Но Элла почувствовала, как он нее пахнет духами «Шанель Шанс», и вспомнила, что они покупали их вместе на прошлой неделе. Дейви искала туфли для презентации в сан-францисском Музее изящных искусств, где проходила выставка ее клиента.

– Ох, Элла, – говорила Дейви со слезами на глазах. – Твой малыш... – Она всхлипнула, охваченная эмоциями, и снова крепко обняла Эллу. – Мне так ужасно жаль...

– Все в порядке, – ответила Элла, хотя все было совсем не так. Это ей было ужасно жаль. Это она все испортила, сев в ту машину после...

После чего? У нее возникло смутное чувство, что они с Дэмьеном как будто ссорились.

Из-за чего?

Дейви выпустила ее из объятий, но продолжала держать за руку.

– Все совсем не в порядке. Все просто ужасно. Я даже представить себе не могу, через что тебе пришлось пройти. Ты забыла о своем ребенке.

– Дэмьен рассказал тебе о моей амнезии? – Она поглядела на мужа. Он смотрел в свой стакан, как будто пытался разрешать какую-то особенно сложную задачу по кодированию.

– Да, пока ты была в душе. А ты помнишь, как мы на той неделе ходили по магазинам? – Элла кивнула. – А как в прошлом месяце смотрели *Гамильтон*?

– Да, мне очень понравился этот мюзикл.

– И мне. Но ты не помнишь ничего про аварию?

Элла покачала головой.

– И про беременность тоже. – Она не помнила, ни как обставляла детскую, ни как носила беременную одежду. Когда она только что выбирала себе одежду после душа, ей казалось, что она роется в чужом шкафу. Ее гардероб, состоящий из дизайнерских джинсов и платьев, сменился свободными расклешенными рубашками и брюками с эластичным верхом.

– Как это странно, – пробормотала Дейви.

– Что я могу вспомнить, как покупала майку *Гамильтон* большого размера, но не помню, почему это делала? – Она носила самый маленький размер. По крайней мере раньше.

– Ну, и это тоже, но главное – что ты потеряла память, точнее, фрагменты памяти...

– Ну да, это хорошее описание произошедшего, – согласилась Элла.

– Правда же да? Я хочу выпить, где мой бокал? – Дейви обернулась к бару. – Я имею в виду, что потеря памяти случилась у тебя только через пять дней после аварии.

– Я знаю. Это необычно.

– Доктор не сказал почему?

– Он считает, потеря ребенка стала для меня слишком большим потрясением.

– Не случилось ли в больнице чего-то такого, что могло это вызвать? – прошептала Дейви. Она взглянула на Дэмьена, который

вышел в кухню, чтобы поставить лазанью в духовку.

«Интересно, он что-то знает?» – подумала Элла.

Дэмьен вернулся к бару и смешал себе новый коктейль.

– Понятия не имею, – ответила Элла, отворачиваясь от подруги. – Если что-то и было, моя память заблокировала это.

Снова раздался звонок домофона.

– А это кто? – спросила Элла у Дэмьена, который по пути к двери протянул Дейви салфетку. Взяв ее, она стала изящно промокать глаза.

– Эндрю. Он звонил, пока ты была в душе.

– Как поживает твой противный младший братец? – спросила Дейви. – Я уверена, он все такой же противный.

Вошел Эндрю, одетый в широкие спадающие джинсы и выцветшую красную худи. Он пожал руку Дэмьену, а затем увидел Эллу и изменился в лице. В два прыжка он подскочил к ней и крепко обнял. От резкой боли в животе Элла взвыла. Он тут же отпустил ее.

– Ой, сестричка. – Он сделал гримасу, увидев, что Элла осторожно потирает свой шрам.

– Ничего, ничего, я в порядке.

– Правда? А то Дэмьен сказал мне про твои проблемы с головой, черт возьми.

– Ну, если повезет, все обойдется. Доктор сказал, шансы очень высокие.

Кивнув, как будто все понял, Эндрю закусил губу. Казалось, что Эндрю, всегда такой легкомысленный, готов вот-вот расплакаться. Она не видела, чтобы он плакал, с того времени, как умерли их родители. В тот год им обоим пришлось много плакать.

Элла хлопнула в ладоши.

– Поверь мне, все будет прекрасно.

– Ну если ты так говоришь, сестричка.

– Я это знаю. – Она сделает для этого все что можно.

Они сели ужинать. Лазанья, чесночный хлеб и печеные овощи. И, несмотря на все мрачные события прошлой недели, ужин прошел оживленно. Дэмьен всегда был звездой застольных разговоров и поддерживал легкую беседу, расспрашивая Эндрю о его последнем проекте, КамОвер Ровер, приложении, которое помогает организовывать встречи для собак, живущих по соседству.

– Мной уже заинтересовались два инвестора, – заявил Эндрю.

– Фантастика! Я знала, что ты их найдешь, – Элла ткнула брата в плечо. Это приложение было не первым его проектом. Эндрю разрабатывал и продавал приложения с девятнадцати лет. То же самое он сделает и с этой, когда она ему надоест. Бедные собачки.

Дэмьен добавил себе лазаньи.

– Как я понимаю, мой отдел кадров не скоро дождется от тебя звонка.

– Ты же знаешь, Эндрю не выносит вашу мясорубку с-восьми-до-шести, – сказала Дейви, кивая на предложение Дэмьена подлить ей вина. – Он экономит тебе время и силы на его увольнение.

– Это правда, милый. Он никогда не станет работать на тебя, – согласилась Элла. – Утро он проводит в спортзале, день – в кофешопе, а вечер – в барах, – стала перечислять она, но тут же поправилась. – Ошибка. Вечера он проводит у голубого экрана.

– Я смотрю футбол. А что, разве не все так делают?

Все трое помотали головами.

– Так что извини, Дэмьен, мой брат работает только по ночам, в пижаме.

– Я не ношу пижаму.

Дейви наклонилась вперед и заинтересованно оперлась о ладонь подбородком. – Правда? – Она любила поддразнивать Эндрю. Это был безобидный флирт, потому что на самом деле она считала его занудой.

– Я ношу шорты! Спортивные штаны! И майку, если не очень жарко. – Он бросил на тарелку кусочек хлеба, но тот свалился на пол. – И вообще! Чего вы ко мне пристали? Это допрос?

Это прозвучало раздраженно, хоть Эндрю и улыбался. Элла знала, что ее брата очень легко вывести из себя.

– Я на днях думал о твоём приложении. ТиндерГов, да? – спросил Дэмьен с совершенно серьезным лицом.

– КамОвер Ровер, – буркнул Эндрю.

– Тебе надо нарисовать туда заставку, где собака гавкает, чтобы найти себе пару. Один раз – «да», два – «нет». И надо научить их пролистывать картинки.

Элла и Дейви расхохотались.

– Ой! – вскрикнула Элла, хватаясь за живот. Ей было больно, но она не могла остановиться. Когда Дэмьен входил в раж, он был чертовски смешным.

– Да ты сегодня в ударе, Расселл. – Эндрю засунул в рот полную вилку лазаньи. – Так-то я бы тебе быстро ответил, не задержался, но с учетом того, что у тебя была дерьмовая неделя, я помолчу.

Лицо Дэмьена помрачнело.

– Эндрю! – воскликнула Элла.

Он обернулся к ней:

– А что?

У Дэмьена задрожал подбородок. Он положил вилку и быстро поднялся из-за стола.

– Извините.

Они провожали его взглядом. Опустив голову, он быстро прошел по коридору и захлопнул за собой дверь кабинета.

– Что случилось? – не понял Эндрю.

Дейви мрачно обернулась к нему:

– Он только что потерял ребенка. Оставь его в покое. Ему и так тяжело.

– Черт, – Эндрю прикрыл руками рот и нос. – Я кретин, – произнес он в сложенные руки и обернулся к Элле: – Я не подумал. И в любом случае он первый начал.

– Да что ты? Правда? Тебе сколько лет?

– Тридцать два.

– Это был риторический вопрос, тупица, – Элла шутливо ткнула его в плечо. Помолчав, она тихо сказала: – Ты тут ни при чем. Дэмьен переживает, что я не могу вспомнить Саймона.

– Конечно, он переживает. Но ясно же, что ты бы помнила, если бы могла. И все придет, нужно только время, – сказала Дейви. Она подошла, наклонилась и обняла Эллу.

От тепла Дейви и сладкого запаха ее духов Элла слегка расслабилась и почувствовала, как к глазам снова подступают слезы. – Мне надо пойти посмотреть, как он там.

Дейви погладила ее по спине:

– Нет, тебе надо поплакать. Пошли. – Дейви протянула ей руку. – Эндрю, извини нас.

Эндрю тоже встал из-за стола.

– Пойду, что ли, найду его и извинюсь.

Элла прошла за Дейви по коридору в свой кабинет, который был рядом с кабинетом Дэмьена. Сквозь стену были слышны их

приглушенные голоса. Интересно, о чем они говорят? Ее брат не был большим мастером извинений.

– Да я в порядке, – сказала она Дейви, после того как та закрыла дверь. Вытащив салфетку из коробки на столе, она вытерла глаза и высморкалась.

– Мне кажется, Дэмьен считает, что я вру.

– О чем? – спросила Дейви, опускаясь в кресло напротив письменного стола.

– О своей избирательной потере памяти.

– Правда? Он так и сказал?

– Не совсем. Это скорее ощущение.

– Забудь на минутку о том, что ты думаешь, и что ты думаешь, что он думает. – Дейви помахала перед собой руками. – С чего бы ты стала изображать такое? В этом нет никакого смысла.

– Именно.

– Не надо так себя мучить. Вы со всем разберетесь и справитесь, когда сможете. И память вернется. Нужно только время. – Дейви поджала под себя ноги. – Знаешь, я же навещала тебя в больнице.

– Когда? – спросила Элла, присаживаясь на край стола.

– Хммм... Дай подумать. Пять дней назад.

– Какой я была?

– Несчастной. И Дэмьен тоже. Вы оба были в шоке.

– Это объяснимо. – Опустив взгляд, Элла заметила, что ее педикюр поблек и облез.

– Твоя беременность не была запланированной, – тихо сказала Дейви.

– Что?

– Я же не знаю, сколько и что ты помнишь. Но я подумала, ты захочешь знать это.

У Эллы забилося сердце.

– Но Дэмьен *хотел* Саймона, да?

– Да, он был в восторге.

– Это хорошо, – Элла с облегчением выдохнула.

– Но... Он не сразу свыкся с этим. Это то, что ты мне рассказывала.

Элла пожевала губу, возвращаясь в уме к реакции Дэмьена на ее амнезию. «Ты не должна была забыть *его!*» – воскликнул он. Почему

он сказал именно так?

– Я ничего не говорила в больнице? Что-нибудь странное?

Дейви нахмурилась:

– Типа чего?

Элла помотала головой, не понимая до конца, почему фраза Дэмьена показалась ей странной, и как объяснить это Дейви, не произведя впечатления ненормальной. В конце концов, Дэмьен мог просто быть в шоке и не отдавать отчета в своих словах.

– А что ты знаешь об аварии? – спросила она вместо этого.

– Только то, что сказал мне Дэмьен. – И Дейви повторила ту же историю, которую Дэмьен рассказал Элле утром.

– И больше ничего?

Дейви покачала головой:

– Я так понимаю, аварию ты тоже не помнишь.

– Нет. – Но у нее было ощущение, что они с Дэмьеном поссорились перед этим. Она спросила об этом у Дейви.

– Если и так, ты мне не говорила.

Из-за двери Элла услышала смех. Музыка, звучащая из динамиков в ее кабинете, вдруг остановилась.

– Пришло время игры! – прокричал им Эндрю.

Дейви застонала и глубже зарылась в кресло. Элла же была рада, что у Дэмьена улучшилось настроение.

– Пошли. Будет весело. – Элла подумала, что сможет как-то использовать безумный вечер с «Картами против человечества». Соскользнув со стола, она потрепала Дейви по коленке.

– Ладно, – пробурчала та, поднимаясь. – Только чтоб это не было снова «Изучение котят». Я отказываюсь еще раз чесать живот твоему братцу.

– Ты не должна была делать это в буквальном смысле.

– Но он наврал, что такие правила.

– Если тебе повезет, сегодня он тебе помурлыкает.

– Иди к черту.

Глава 6

На следующее утро Элла проснулась со смутным воспоминанием, как Дэмьен целовал ее на прощание.

– Постараюсь вернуться пораньше, – прошептал он. Но за его мягким тоном скрывалось беспокойство. Перед сном он прочел письмо от своего вице-президента по продажам. От них собирались уйти Imperial Properties, компания по торговле недвижимостью национального значения.

Элле не хотелось, чтобы Дэмьен уходил. Она предпочла бы провести день в постели в его объятиях. От обезболивающих хотелось спать. Но после недельного отсутствия ему было необходимо появиться в офисе и зайти в отдел продаж. Нужно было выяснить, что происходит с Imperial. Так что Дэмьен ушел еще до рассвета, пообещав принести ей к ужину стейк из ресторана «Стейки и отбивные Боба». Элла любила их стейки.

Элла вскипятила воды и заварила кофе, но завтракать ей не хотелось. Аппетит, похоже, снова пропал. С чашкой кофе в руках она прошла в свой офис, не переодев смятую ночную рубашку и потрепанный махровый халат. Она была готова погрузиться в работу, радуясь возможности отвлечься. Дэмьен оставил дверь в детскую закрытой, за что Элла была ему благодарна. Было проще думать, что там все еще гостевая комната, которая пуста по совершенно другой причине – в доме нет гостей, а не детей.

Она со стоном опустилась в кресло и поставила чашку на стол. Там лежала белая коробочка Айфона, перевязанная серебряной лентой, поверх которой была записка от Дэмьена.

Заряжен и настроен. Не смог найти такой же чехол, так что купил несколько. Они в пакете на полке. С любовью, Д.

Элла развернулась на кресле и заглянула в пакет. От эмоций у нее перехватило горло. Прошлая неделя была для Дэмьена совершенно ужасной. Одной из худших в жизни. И все же он подумал и нашел

время, чтобы купить ей новый Айфон вместо разбитого. Господи, как она любит его.

Один из чехлов был похож на тот, что был у нее раньше, с рисунком совы. Она распаковала чехол и включила телефон. Там было все, что сохранилось после последнего бэкапа прошлого аппарата, вся старая почта и сотни новых писем. Ее ящик для голосовых сообщений был переполнен, за прошлую неделю скопилось множество неотвеченных звонков, которые нужно просмотреть. Дэмьен даже синхронизировал телефон с ее облаком. Все настройки были те же самые.

Она расплакалась. Сглатывая слезы, она рассмеялась сама над собой, рыдающей над дурацким телефоном. Но это был не просто телефон, а телефон, который купил ей муж, пока она лежала, прикованная к больничной койке. Вот так.

Она послала ему сообщение: «Спасибо тебе».

Он не ответил, но она и не ожидала этого, учитывая, как сильно он занят. Ей тоже было бы неплохо заняться делом.

Включив компьютер, она открыла почтовый ящик и чуть не упала с кресла. Семьсот пятьдесят восемь неотвеченных писем. Ей будет чем заняться. Но вместо того чтобы просмотреть их, она открыла самое свежее письмо от Ребекки, своего редактора. Присланный ею изящный букет из белых лилий и садовых роз, который Дэмьен забрал из госпиталя, стоял тут же, на каминной полке. Ребекка могла быть жестким редактором, но она же всегда готова была поддержать Эллу, и это было не просто так. Элла была одним из основных авторов *Люкс Авеню*. Она никогда не пропустила ни одного дедлайна и не собиралась делать этого впредь, невзирая ни на какую потерю памяти.

Письмо от Ребекки пришло сегодня с утра.

Отдыхай и позвони мне, как сможешь. Целую, Ребекка.

Элла тут же позвонила ей.

– Я сказала, как сможешь, а не как только выйдешь из больницы, – Ребекка подняла трубку после второго звонка.

– Но я в порядке, – возразила Элла.

– Я знаю из надежного источника, а именно от твоего мужа, что доктор предписал тебе двухнедельный отдых. Вот тогда и звони. Если

понадобится больше времени, не волнуйся. У меня есть для тебя несколько заданий, и я хочу, чтобы ты была для них в самой лучшей форме. – Ребекка, как всегда, говорила со скоростью тысяча слов в минуту, и спорить с ней, когда она была в таком настроении, было бесполезно. Со вздохом Элла глубже уселась в кресло.

– И да, Элла, – голос Ребекки смягчился. – Дэмьен мне все рассказал. Мне очень жаль, что так получилось с ребенком.

– Спасибо, – ответила Элла, выпрямляясь. Интересно, что именно рассказал ей Дэмьен? Знает ли Ребекка о ее амнезии?

– Что он еще говорил? – спросила она.

– Не очень много. Мы недолго разговаривали, это было через день после аварии, и больше он мне не звонил.

Отлично. Ребекка не знала про амнезию, и Элла хотела, чтобы это так и осталось. Незачем давать ее редактору повод усомниться в ее возможностях и отдать ее задания кому-то другому.

С другой стороны, это, к сожалению, означало, что Ребекка не расскажет ей об аварии и о том, что привело к ней, ничего больше, чем то, что ей уже удалось узнать от Дейви. Впрочем, если подумать, она бы удивилась, если бы кто-то из них что-то знал. Если они с Дэмьеном поссорились, он не стал бы ни с кем это обсуждать. Он всегда был закрытым, и не хотел делить ее ни с кем.

– Послушай, давай вместе пройдемся по твоему расписанию, – предложила Ребекка. – Я могу передать кому-то то, над чем ты работаешь прямо сейчас, а остальное мы можем отложить. Твоя задача на ближайшие две недели – поправляться. Мы все тут страшно переживаем за тебя, включая Пола.

– Как поживает Шеф? – спросила Элла. Их издатель редко позволял себе даже улыбку.

– Все так же. Каждый дедлайн чересчур долог, а каждая статья – коротка. Между прочим, он передавал тебе наилучшие пожелания.

За следующие десять минут Элла с Ребеккой прошлись по ее расписанию. Закончив, Элла повесила трубку и нырнула в свой компьютер, щелкая по ссылкам на документы и закладки, и читая почту. Она искала и смотрела, стараясь обнаружить хоть что-нибудь, что могло бы подтолкнуть ее воспоминания. Должно было быть хоть что-то, что объясняло бы, почему она их блокирует. Но она ничего не нашла.

Около часа дня пришел Эндрю с ланчем. Как бы ни было мило с его стороны навестить ее и принести поесть, ей хотелось остаться одной, чтобы дальше пытаться разгадать свою загадку. Что же с ней произошло? Она впустила его в подъезд, нажав кнопку домофона, и отперла задвижку на двери, но сама вернулась в кабинет, собираясь продолжить работу.

Она слышала, как он вошел, и через несколько секунд он появился на пороге, не сняв с головы бейсболки. Приподняв свои зеркальные очки-авиаторы, он присвистнул:

– Это с какой же страной ты воюешь? Похоже, на твой офис провели ракетную атаку.

Пол покрывал лоскутный узор из коричневых конвертов. Стол Эллы был усеян бесконечными стопками бумаг и газетными вырезками. Сама Элла так и не переделалась с утра. Она даже не причесалась.

– Кажется, я схожу с ума.

Эндрю ухмыльнулся:

– Тоже мне новости. – Войдя в комнату, он плюхнулся на один из стульев напротив Эллы и вскинул ноги в неоновозеленых найках на ее стол. – Что у тебя тут творится?

– Я потеряла ребенка, о котором не помню, – саркастически отрезала она.

– Вау! Ты поосторожнее с доставщиком обеда, – Эндрю огляделся. – Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Она затрясла головой:

– Я надеялась, что найду хоть что-то, что могло бы помочь мне вспомнить. И еще мне было интересно, нет ли у меня неоконченной работы, о которой я бы забыла. – Она указала на кучу на полу, а затем, всплеснув руками, беспомощно уронила их вдоль тела. – Почему я все забыла, как ты думаешь?

– Э-э... У тебя был шок? – Он ухватил с ее стола мягкий шарик для снятия стресса и сжал его. – Ты уже назначила визит к психиатру?

– Терапия не вернет мне Саймона. – Она не была противником терапии, но все вечно советовали ее после смерти родителей, и позже Грейс, как будто это было ответом на все вопросы.

Плавали, знаем.

Хотя она обещала Дэмьену пойти к психиатру. Строго говоря, они должны были пойти туда вместе. По распоряжению врача.

– Я позвоню ей позже, – ответила Элла, собирая папки в кучу.

– Умничка. – Эндрю улыбнулся ей и продолжил уже другим тоном: – Я волнуюсь за тебя.

– Я знаю, – сказала Элла, слегка улыбнувшись ему. – Спасибо.

Бросив папки на стол, она нагнулась за следующей порцией. Но выпрямилась слишком быстро, и кровь, отлив от головы, прилила к низу живота. Она покачнулась, ошеломленная неприятным ощущением, и ухватилась за край стола, чтобы не упасть.

Эндрю немедленно вскочил и схватил ее за плечи, чтобы поддержать.

– Эй, ты в порядке?

Элла отбросила с лица волосы. На то, чтобы голова перестала кружиться и внутри все успокоилось, понадобилась пара минут.

Брат не сводил с нее глаз.

– Когда ты последний раз ела?

– Вчера вечером...

– Это многое объясняет, – ухмыльнулся он. – Хорошо, что я принес ланч.

Они уселись возле центрального высокого стола на барные стулья. Эндрю протянул ей белую картонную коробку и палочки в бумажном чехле, не заботясь о тарелках и вилках. – Овощной чу-мейн.

– Мой любимый. – Элла открыла коробку и принялась за еду.

Эндрю расщепил свои палочки и потер их друг об друга, удаляя зацепки. – У вас с Дэмьеном все нормально?

– Ну, если не считать моей головы и потери ребенка, то да. Я думаю, да. А что?

– Я не хотел вчера говорить при Дэмьене, но, когда я в последний раз видел тебя в больнице, ты была очень возбуждена.

– Что ты имеешь в виду? – Она взглянула на него с любопытством.

– Ты плакала. А Дэмьен, казалось, готов был разбить кулаком стену. Ты все повторяла о каком-то обещании. Ты хотела, чтоб он что-то для тебя сделал.

Она нахмурилась.

– А ты не знаешь, что это было?

– Понятия не имею. Вы мне не сказали.

– А ты спрашивал?

– Ага, чтоб предоставить твоему муженьку мою морду в качестве мишени? – сказал он, выставляя перед собой палочки и коробку мяса с брокколи как щит. – Без шансов.

– Дэмьен в жизни бы тебя не ударил. – Он мог быть безжалостным на совете директоров, но Элла никогда не видела его жестоким.

Эндрю, казалось, был в сомнении.

– Ты просто не помнишь того выражения его лица.

Ну что ж, Дэмьен мог напугать кого угодно, Элла не могла этого не признать.

– Когда это было? – спросила она.

– В среду вечером.

Вечер накануне того дня, когда она все забыла. Вечер беспорядка, о котором говорила сестра Джиллиан. Что же случилось тем вечером?

И не только тогда. Что случилось прямо перед аварией? Куда онаехала? Почему она уехала сразу после ужина? Она хоть съела те отбивные, которые готовила?

– А я говорила в больнице что-то еще? – с любопытством спросила она.

– Типа чего?

– Мне кажется, мы с Дэмьеном поссорились прямо перед аварией. Но я не уверена. Просто у меня такое ощущение.

– Ты мне ничего не говорила. А у Дэмьена ты спрашивала?

Элла покачала головой. В раздумье пожевала лапшу. Пожалуй, она спросит его вечером.

– Значит, у вас с ним все в порядке?

– Ну да. – Она надеялась, что это так и есть.

К вечеру Элла приняла душ и, вытираясь, посмотрела на свое отражение в большом зеркале. На этот раз она не избегала его. Отбросив полотенце, она внимательно рассмотрела себя со всех сторон, от пополневшей груди до расплывшейся талии и раздутого, пустого живота. Осторожно потрогала бумажные наклейки, закрывающие свежий шрам. Линн говорила, что краснота и отеки вокруг него совершенно нормальны и что линия шрама будет лиловой

примерно полгода после кесарева сечения, а потом постепенно побледнеет до бледно-розового. «Даже в бикини она будет едва заметна», – заверяла она.

Обернувшись, Элла рассмотрела свои ноги и спину сзади. Мышечный тонус ушел. Наверное, она заменила заплывы от Марина Грин до моста Золотые Ворота на занятия йогой для беременных. Определенно, она не получала той нагрузки, для которой была создана. Раньше была, подумала она с гримасой.

Снова обернувшись передом, она прикрыла ладонью шрам.

– Прости меня, – прошептала она той маленькой жизни, которой больше там не было.

Вдруг в ее голове пронеслось даже не воспоминание, а нечто вроде легкого, скользящего чувства. Ощущение крылышек бабочки, легкий трепет чего-то внутри ее живота. Она начала плакать, отвернулась от зеркала – и уткнулась прямо в Дэмьена.

– Извини, – неловко произнес он.

– Как долго ты тут стоишь? – Она была так сосредоточена, что даже не слышала, как он вошел. Смутившись, Элла схватила полотенце и завернулась в него. Ей не хотелось, чтобы он видел ее тело в таком виде – бесформенное и незнакомое даже ей самой. Она сама с трудом себя узнавала.

– Элла, – Дэмьен встал рядом с ней и обнял обоими руками. – Ты можешь не прятаться от меня. Для меня ты всегда прекрасна.

Его привычный запах, счастье его объятия – все это было для нее слишком. Она уткнулась ему в грудь и затряслась в рыданиях. К счастью, Дэмьен лишь молча обнимал ее.

Спустя какое-то время Элла приподняла голову. Муж протянул ей полотенце. Она утерла лицо. Она не рыдала так с тех пор... Она уже и не помнила, с каких пор. Рубашка Дэмьена была мокрой насквозь. В уголках его глаз тоже блестели слезы. Он смахнул их большим пальцем.

– Наверное, это гормональное, – извиняющимся тоном сказала она.

– Да тут, наверное, много всего. – Дэмьен поцеловал ее волосы, снова притянул к груди и прижал к себе еще крепче. Как будто бы боялся отпустить и потерять ее.

Откинувшись назад, он заглянул ей в лицо и осторожно убрал с него прилипшие пряди влажных волос.

– Ты в порядке?

Элла кивнула:

– Уже да.

– Поужинаешь со мной?

Она снова кивнула.

Он быстро поцеловал ее в губы.

– Иди, одевайся. Я подожду тебя там.

Дэмьен накрыл на стол и приглушил свет. Снаружи, за стеклянной стеной, светились в вечерней темноте мост Золотые Ворота и Сосалито через залив.

Дэмьен открыл бутылку каберне.

– Вина?

– Совсем немножко, – сказала Элла. Она принимала обезболивающие и боялась реакции. Она села за стол, к блюду с запеченными ребрами и бланшированной зеленой фасолью. – Пахнет прекрасно.

Дэмьен присоединился к ней, постелив салфетку на колени.

– Что на работе? – спросила она. Такой нормальный вопрос, когда все в целом так ненормально.

Посмотрев на нее, он приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, но не решался. Что-то было не так.

– Что?

Он положил вилку с ножом.

– Мне через пару дней надо лететь в Лондон.

– Погоди. Что?

– Я не хочу лететь.

– Ну так не лети. – Почему ему нужно улетать? Они только что потеряли ребенка, она тут сходит с ума. И они даже не успели обсудить это.

Он потянул свой галстук, снял его через голову и бросил на пустой стул рядом.

– Мы потеряли Royal Gateway.

Компания по выпуску кредитных карт. Один из самых крупных клиентов.

– Это второй клиент за неделю. – Элла обеспокоилась. А уж Дэмьен-то, наверное, как.

Он яростно вгрызся в мясо.

– Через несколько дней я встречаюсь с их директором. Я должен попытаться спасти ситуацию.

– Ты что-то подозреваешь?

– Два клиента за неделю после нескольких лет прекрасного сотрудничества. Это не может быть совпадением.

– Тебе надо лететь, – сказала она с пониманием. Ей тоже случилось внезапно улетать по делам. Приходило задание, и Элла по приказу Ребекки через несколько часов оказывалась в самолете. Но они с Дэмьеном всегда возвращались друг к другу.

Дэмьен взял ее здоровую руку и поцеловал запястье. Они посмотрели друг на друга.

– Ты справишься тут без меня?

– Все будет в порядке. – Она должна справиться, для него. Ей не хотелось добавлять ему проблем больше, чем было неизбежно.

Вдруг его глаза просияли.

– Поехали со мной.

Она подумала об их лондонской квартире. Прогулки вдоль Темзы. Пастуший пирог с картошкой. Магазины в Camden Passage. Искушение было сильным. Но она покачала головой:

– Я только буду тебе мешать. Ты будешь беспокоиться обо мне, вместо того чтобы думать про бизнес.

Дэмьен кивнул, словно бы с облегчением. Остаться дома было правильным решением.

– Я все равно беспокоюсь о тебе, со мной ты или нет.

– Я знаю. Поэтому и не против твоей поездки. Мы подождем с визитом к психиатру до твоего возвращения.

Дэмьен мгновенно напрягся. Он выпустил ее руку и, отрезав кусок мяса, быстро сунул его в рот. Она услышала стук вилки о его зубы.

– Я вижу, ты не хочешь идти. В чем дело?

Его лицо стало закрытым, отстраненным.

– Это пустая трата времени. Разговоры не вернут нам Саймона.

Его слова повторяли ее собственные недавние мысли, но слышать их от него было больно. Она решила подождать с вопросами о том

вечере в больнице. Что-то в его поведении останавливало ее. Так она только его оттолкнет. Годы, проведенные в разговорах с замкнутыми политиками и скрытными актерами, охраняющими свою личную жизнь, научили ее многому. Терпение. Кроме того, Дэмьен всегда предпочитал обдумать и переварить все в себе, и ему нужно было для этого время. Когда-нибудь он все расскажет. Так было всегда.

Но аппетит пропал. Глубоко вздохнув, Элла посмотрела на свою тарелку.

– Эй, – Дэмьен снова потянулся к ее руке. – Я однажды уже ходил на терапию.

– С Анной? – догадалась она.

Он молча кивнул.

Первая жена. Брак, заключенный сразу по окончании университета, и развод через пять лет.

Он сжал ее руку:

– Я люблю тебя. Но мне все это тяжело.

– То, что мы потеряли Саймона, или что я его забыла?

– И то, и другое, если честно. Будь терпелива со мной, – его голос дрогнул на последнем слове.

Она встала, а Дэмьен отодвинул свой стул от стола. Она забралась к нему на колени. Он обнял ее, а она прижалась головой к его подбородку.

– Я буду. Но меня беспокоит, что мне вчера сказала Дейви.

– И что это?

– Это правда, что моя беременность была случайной?

Дэмьен закрыл глаза и уронил голову Элле на плечо.

Элла запустила руку в его волосы.

– Дэмьен?

Он почти незаметно кивнул.

Элла зарылась лицом ему в волосы и попыталась переварить это признание. Саймон был ошибкой.

– А почему я не сделала аборт? Ты же не хотел детей.

– Но ты-то хотела, – сказал он, поднимая голову и встречаясь с ней глазами. Кончиками пальцев он погладил ее по щеке. – Ты была так напугана, говоря мне об этом, но даже тогда не могла скрыть своего счастья. Я не мог отнять его у тебя.

– Но ты не хотел Саймона.

– Я хотел. Я полюбил его. И теперь я страшно жалею о каждом шаге, который мне не удастся пройти вместе с ним. Господи, Эл. – Он прижался губами к ее лбу и замер.

– Мне так жаль, что я заставила тебя пройти через такое, – выговорила она сквозь слезы.

– Нет, господи, Элла. Ты не виновата. Я уже говорил тебе об этом. Мы вместе. Я тут, с тобой. Мы команда.

Команда. Почему же ей так одиноко?

Это все амнезия, решила она. Она дезориентирована.

– Я люблю тебя, – сказала она, обнимая его.

– Я тоже тебя люблю. Очень сильно. Я не знаю, что бы я делал, если бы потерял и тебя. Ты самый главный человек в моей жизни. Единственная моя семья. Ты для меня весь мир, Элла. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я все сделаю для твоего счастья.

– Я знаю. – Она поцеловала его.

Они рано пошли спать. Дэмьен обнял ее и прижался к ней. Элла быстро заснула, а когда она проснулась, Дэмьен уже ушел.

Чертовы лекарства, подумала она, жалея, что проспала его поцелуй на прощание. Но он оставил ей записку, как часто делал. К этой прилагался пакетик из пекарни «Луна».

Э. Я принес тебе с пробежки маффин. Постарайся сегодня отдыхать. Не теряй в меня веры. Я люблю тебя. Д.

Не терять в него веры. Конечно, она не будет. Как странно, что он так написал.

Глава 7

Четыре года назад

На третьей неделе их с Дэмьеном отношений они пошли на утреннюю пробежку в парк Золотых Ворот. В Сан-Франциско была поздняя весна. Дни были окутаны серым светом, потому что над городом нежеланным гостем висел туман. Они пробежали мимо тренирующейся футбольной школьной команды. Случайный мяч вылетел с поля и попал Элле в коленку. Она споткнулась, но Дэмьен поймал ее за руку и не дал упасть.

– Я тебя держу.

– Спасибо, – выдохнула она, запыхавшись. – Это не было бы прелестным зрелищем, – и сама засмеялась своей неловкости.

Дэмьен замедлил скорость, пока она снова не вошла в свой ритм. Она наблюдала, как два игрока бегут за мячом, и улыбнулась на их родителей на краю поля, укутанных в теплые куртки, согревающихся кофе из принесенных термосов. Когда-нибудь они с Дэмьеном могут оказаться на их месте, с футболом по субботам и семейными походами в кино. Она начала влюбляться в него с первого же вечера, и теперь, хоть и не признавалась ему в этом, была безумно влюблена. Она уже рисовала себе картинку счастливого будущего, наполненного детским смехом, летними каникулами на Гавайях и зимними играми в снегу Тахо. Дэмьен будет чудесным отцом. Он терпелив и заботлив, но в то же время может служить примером и вдохновением. Их дети будут прекрасно воспитаны и с хорошим характером. А если они пойдут в отца, то будут успешны во всем, что бы ни делали.

– Ты интересуешься детьми? – спросил Дэмьен, труся рядом с ней.

Элла испытала прилив радости, что они думают об одном и том же, но в этот момент судья, мимо которого они как раз пробежали, резко дунул в свой свисток. Пронзительный свист ударил Элле в ухо, и она затрясла головой.

Дэмьен улыбнулся:

– Вот и я нет.

– Что – нет?

– Не интересуюсь детьми.

Что?

Элла резко остановилась. Дэмьен обернулся через плечо, удивляясь, что она отстаёт, и бегом вернулся к ней.

– Что с тобой? Ты в порядке?

Она прищурилась на него. Может, она неправильно расслышала?

– Ты не хочешь детей? – недоверчиво спросила она.

– Нет.

– Почему? – Подождать заводить детей было нормально, но сознательно решить, что вовсе их не хочешь? Это совсем другая история, и Элле не нравился ее возможный конец.

Дэмьен пожал плечами. Чувствуя себя неловко под ее взглядом в упор, он вытер лицо краем майки.

– Что? – спросил он через минуту.

– Это такое определенное решение, Дэмьен. Ты явно немало думал об этом. Я правда хочу понять почему.

Он стукнул носком ноги по ножке парковой скамьи.

– Анна хотела детей.

Дэмьен рассказал Элле, что они с Анной развелись из-за непреодолимых разногласий. После этой новой информации она была готова поспорить, что их брак закончился из-за детей. Анна хотела детей. А Дэмьен нет. И если Элла скажет ему правду насчет того, чего хочет на самом деле, он порвет и с ней тоже. Их отношения кончатся, едва начавшись.

– Я не вижу детей в своем будущем, – сказал он. Такое ясное, но мощное заявление. Смерть мечтам.

Уперев руки в бока, Элла отвернулась от него, провожая свои планы на счастливое материнство, улетающие от нее, как тот мяч. Она любила Дэмьена, в этом не было никаких сомнений. Но готова ли она отказаться от детей, чтобы быть с ним? Она даже еще не знала, любит ли он ее.

– Элла?

Она обернулась к нему. Дэмьен казался обеспокоенным, практически убитым, и Элле стало нервно и немного грустно.

– Если ты всерьез хочешь детей, то, может, нам будет лучше... – Он нервно сглотнул. – Элла, я люблю тебя. Я не хочу тебя потерять, но

в то же время я не хочу лишать тебя того, что ты хочешь. Ты не будешь счастлива со мной. Если ты оставишь...

Элла не дала ему закончить. Она подошла к нему и с бьющимся сердцем посмотрела ему в лицо.

– Ты любишь меня?

Он широко улыбнулся.

– Да. Да, люблю. Очень люблю, – страстно прошептал он.

Она просияла. Схватив его за плечи, она поднялась на цыпочки и поцеловала его.

– Я тоже тебя люблю.

Он снова улыбнулся, но эта улыбка быстро поблекла.

– Но... дети?

Элла поняла, что если она будет с ним честной, здесь и сейчас, то ее слова разрушат все, что уже было и что только могло бы быть между ними. Элла могла не разделять его отвращения к детям, но у нее было время. Может быть, когда-нибудь потом, когда он поймет, как им хорошо вместе, она сможет убедить его передумать.

Она нежно улыбнулась.

«Я хочу *тебя*, Дэмьен. Больше всего на свете. Больше любых детей», – молча подтвердила она, надеясь уговорить сама себя, что это и было то, что она чувствует.

Глава 8

Март 2019 г.

В пять утра Элла стукнула по верещащему будильнику и выкатилась из постели. Быстро умывшись, она почистила зубы, натянула костюм для пробежки и схватила кроссовки.

Дэмьен ждал ее у выхода. «Доброе утро, дорогая». Он крепко поцеловал ее в губы с утробным урчанием, от которого по ней в предвкушении побежали мурашки.

– Может, черт с ней, с пробежкой, вернемся в кровать?

– Не-а, – отпихнула она его. – Сперва пробежка.

Вчера они так и не вышли за дверь. С тех пор как Линн разрешила ей вернуться к активному образу жизни, включая аэробику в спальне, Дэмьен не мог оторваться от нее. Это было два месяца назад. Секс был прекрасным. Ладно, крышесносным. Но ей стало казаться, что секс превратился в повод отказываться от разговоров. И действительно, они уже четыре месяца толком не разговаривали – по крайней мере, не разговаривали так, как было бы нужно. Дэмьен или все еще переживал произошедшее, или был слишком занят на работе. Как бы то ни было, Элла ощущала себя в подвешенном состоянии. Воспоминания к ней так и не вернулись. Разглядывание своих беременных фотографий и встречи со знакомыми людьми в знакомых местах, которые советовал при выписке из больницы доктор Аллингтон, нисколько не помогли. На сегодняшний день она знала о причинах аварии и о том, что потом случилось в больнице, ничуть не больше, чем в прошлом ноябре. Только Дэмьен знал, что заставило ее выбежать из квартиры и сесть в машину, но он отказывался об этом разговаривать.

И еще он отказывался пытаться завести нового ребенка.

На осмотре через восемь недель после операции Линн спросила, собирается ли она вернуться к предохранению. Элла была так рада обсудить с Дэмьеном возможность новой беременности. Но он был непреклонен: ни за что. Он не готов. Как она может думать о другом ребенке, когда он все еще переживает потерю Саймона? А если с этим ребенком тоже что-то случится? Или, хуже того, если на этот раз он

потеряет ее? Она хоть представляет, что он пережил, увидев ее всю израненную на больничной койке?

Линн также спросила ее о визите к психиатру. Она была у него?

– Один раз, – ответила Элла. – Одна.

И этот визит ничем ей не помог. Элла провела час, рассказывая о своих переживаниях насчет Дэмьена и его печали о потере Саймона, но не смогла ответить на большинство вопросов, которые задавал врач. Почему они решили завести ребенка, если ее муж так явно его не хотел? Отчего он передумал? Куда она ехала, когда попала в аварию? Верно ли, что они ссорились, и если да, то из-за чего?

– Вопросы шли и шли. И я не могла ответить ни на один, – объяснила Элла. – Я хотела привести Дэмьена на повторный визит, но со всей его работой и отговорками... – Пожав плечами, она поправила сползший больничный халат. – Так что я плюнула на это. Перестала просить его сходить туда и сама больше не пошла.

Линн коснулась ее руки:

– Я видела мужей, которым понадобилось несколько лет, прежде чем они смогли это обсудить, не говоря уж о попытке завести нового ребенка. Они тяжело переживают, когда жена теряет беременность.

Элла кивнула. Она хотела сочувствовать Дэмьену, но, в конце концов, это она носила Саймона в себе. И, получи она шанс, сделала бы это снова. Посмотрев на свои руки, лежащие на коленях, она ковырнула заусенец.

– Я тебе говорила, что Саймон получился случайно? Наверное, я забыла принять таблетку.

– Нет, я не знала. Но, кроме таблеток, есть и другие способы. – Линн подкатилась на стуле к краю гинекологического кресла, сделала Элле знак опуститься на спину и заглянула между ее поднятых колен. – Такие, что тебе не надо помнить о ежедневных таблетках.

– Я могу подумать?

– Да сколько угодно, – улыбнулась Линн.

Дэмьен отодвинул задвижку на двери, возвращая Элли к реальности. Она нагнулась зашнуровать кроссовки. Дэмьен нахмурился, просматривая почту в телефоне.

– Все в порядке? – спросила она.

С января из PDN ушло четыре клиента, не считая Royal Gateway. Дэмьен говорил, что его поездка в Лондон оказалась потерей времени. Он не смог убедить их остаться. И эти потери не просто огорчали его. Он принимал их близко к сердцу. Потому что все клиенты ушли в CyberSeal, компанию его отца.

– Не уверен. – Складки между его бровями стали глубже, пока он читал сообщение. Дочитав до конца, он выругался, закрыл почту и включил музыку. Он протянул Элле один из наушников, чтобы они могли слушать ее вместе. – Ладно, потом разберусь. Ты готова?

– Ага. – Она вставила наушник в ухо. Дэмьен включил трек для вторников. Это была смесь U2, Gang of Youths и другой альтернативной рок-музыки, которая помогала им держать темп.

Они бежали свой семимильный маршрут по городским улицам до Эмбаркадеро, откуда продолжили вдоль набережной. Воздух был влажным, но небо очистилось, и солнце осветило город, заливая все вокруг золотым светом.

На бегу Элла планировала свой день. Ей надо было поехать в Сакраменто, взять интервью у одного губернатора во время ланча, а на обратном пути она надеялась наконец назначить двойное интервью с Эмили Блант и Джоном Красински насчет их последнего проекта. Если повезет, она будет дома к ужину с Дэмьеном или, может быть, сделает ему сюрприз, нагрянув прямо в офис с тайской едой навынос. Он был сильно загружен в последнее время, работал допоздна и очень много путешествовал, стараясь сохранить своих клиентов.

Они добежали до последнего отрезка пути и уже повернули к холму, на котором стоял их дом. Дэмьен сменил плей-лист, и Элле в уши внезапно ударил Эминем.

– Да ладно? – Она вырвала из уха наушник, думая, что это сразу остановит музыку.

Но Дэмьен даже не остановился. Наоборот, он прибавил скорость, и Элле пришлось приложить усилия, чтобы удержаться рядом с ним. Она позвала его, но он не ответил и не замедлил бег. Расстояние между ними все увеличивалось, и музыка оборвалась, потому что ее наушник потерял связь с телефоном Дэмьена. Он опережал ее уже на целый квартал, и Элла сбавила темп, предоставляя ему бежать куда хочет, выплескивая все, что там бурлило у него в голове. Кроме того, этот подъем на холм и так был нелегким.

Когда Элла добежала до угла их дома, у нее горели лодыжки и колело в боку. Дэмьен ждал ее возле дома, медленно прохаживаясь туда и сюда, чтобы остыть.

– А я тебя потерял, – заявил он, увидев ее.

– Какого хрена, Дэмьен? – выдохнула она, упираясь руками в колени и еле переводя дыхание. – Что на тебя нашло?

Ему хватило совести смутиться. Элла раздосадованно покачала головой и глянула на часы. Было уже поздно, ей надо было быстро идти в душ и выезжать. На выяснение отношений не было времени. Ни на что никогда не было времени.

Злобно взглянув на него, Элла распахнула дверь подъезда и зашагала через холл к лифту. Дэмьен последовал за ней. Она нажала на кнопку вызова.

– Элла? – осторожно позвал он.

Пошел бы он к черту. Ее достало ждать, пока он раскроется.

Она обернулась к нему. Даже весь в поту, воняющий, как мужская раздевалка в спортзале, он все равно был неотразимо хорош собой. Она могла бы напрыгнуть на него прямо тут, в холле, наплевав на всех прохожих. Но прямо сейчас она была в ярости.

– Ты меня бросил. Что на тебя нашло? Это все из-за работы или с тобой происходит что-то еще?

– Ну ты же знаешь, сколько всего происходит, – его голос стал мягким. Она сомневалась, что он признает это, но наверняка он понял, что его рывок в гору был вызван реакциями низа.

– Ну так поговори со мной об этом. Не отталкивай меня. И не убегай вместе с музыкой. И кстати, твой Эминем – отстой.

Уголки его рта поднялись.

Двери лифта раскрылись, они зашли внутрь. Дэмьен нажал на кнопку их этажа.

– Давай поговорим позже, – предложил он, глядя на ряд кнопок.

– Давай я угадаю. Ты еще не готов.

– Нет. Мне нужно на работу, а тебе – ехать в Сакраменто.

– А ты понимаешь, что прошло уже четыре месяца? – Он нахмурился, но Элла подошла к нему ближе. Лифт не был маленьким, но она хотела быть уверенной, что он не сможет отвести от нее взгляд.

– Четыре месяца, две недели и три дня. Вот сколько прошло с тех пор, как мы потеряли Саймона. И мы все еще не поговорили об этом.

Не поговорили о нем.

Он провел рукой по влажным волосам.

– Ты так ничего и не вспомнила?

– Ты же знаешь, что еще нет. И то, что мы не говорим об этом, тоже не способствует, – отрезала она. – Мне кажется, у тебя было достаточно времени. Не откладывай свое горе. От этого только хуже.

Дэмьен сжал челюсти. Ей было наплевать. Ее терпение кончилось, и настроение было боевым. Она хотела вернуть свою память, и только он мог ей в этом помочь.

Лифт звякнул, и дверцы открылись. Элла первой прошла в квартиру и не останавливалась до самой ванной, скинув кроссовки по пути. Дэмьен стянул с себя майку. Он смотрел, как она раздевается и включает душ, но ничего не говорил. Элла попробовала температуру. Он молча снял кроссовки и стянул шорты. Он стоял перед ней во всей красе, и ей хотелось забыть о своих обидах и заняться с ним горячим потным сексом прямо тут, на их двойном умывальнике. Но быстрый перетрах не разрешит их проблем и не снимет ее разочарования. Почему он с ней не разговаривает? Что с ним такое? Отчего он прикусил язык?

Прикусил язык.

Элла не успела как следует подумать, где она недавно уже слышала эту фразу, потому что Дэмьен позвал ее по имени, когда она вошла в душ и встала под струи горячей воды. Обернувшись, она встретила с ним глазами.

– Прости меня, – сердечно сказал он.

Она вздохнула, в последний раз сердито взглянула на него и протянула руку.

Дэмьен не заставил себя ждать. В три прыжка он оказался в душе, а она – в его объятиях. Он целовал ее, глубоко и страстно, а его руки были везде.

Она позволила ему выпустить напряжение. Он взял ее резко и быстро, прямо тут же, возле кафельной стены, и потом снова, уже в кровати, их кожа была мокрой и скользкой, волосы влажными. Он входил в нее с той же яростью, что на пробежке. Но на этот раз он не бросил ее позади.

Когда дыхание выровнялось, а сердце унялось, Дэмьен скатился с нее, лег рядом и закрыл локтем глаза.

– Дэмьен, – позвала Элла. – Что с тобой?

Он вздохнул.

– Я хочу помочь, но ты же со мной не разговариваешь.

– Мне написал Бен. – Это был юридический советник PDN.

Дэмьен повернулся на бок, лицом к ней. Рассеянно погладил Эллу по голове, намотал на палец прядь ее волос.

– Я попросил его команду присмотреться к ценным бумагам наших клиентов.

– И что они обнаружили?

– Один из моих служащих продал наш клиентский лист в CyberSeal.

– Господи! Но это же незаконно. Почему он это сделал?

– Ну ты же знаешь, отец всегда хотел перекупить мою компанию.

– Ага, и ты всегда отказывался. – Элла на секунду замолчала, пытаюсь сообразить. – Он хочет разрушить твой бизнес.

– У нас пока нет доказательств, что он вовлечен напрямую. Но да, меня это не удивит. Он мечтал об этом с тех пор, как я основал свою фирму. – Дэмьен провел рукой по лицу. Он выглядел и звучал уставшим.

Элла никогда не понимала, как отец может поступать с сыном так, как Клайд с Дэмьеном. Но Дэмьен никогда ничего особо не рассказывал ей об их отношениях, кроме того, что они испортились, когда рухнул их с Анной брак.

Дэмьен взглянул на часы у нее за плечом.

– Мне пора в офис. Бен хотел встретиться.

Элла тоже взглянула на часы.

– Черт. Мне тоже надо бежать.

Дэмьен потрепал ее по волосам.

– Извини еще раз за пробежку.

Элла состроила ему гримасу.

– Забыли. Но больше так не делай.

Он поцеловал ее.

– Обещаю.

Часом позже Элла упаковывала свой лэптоп и диктофон для записи интервью, когда ей позвонила Ребекка.

– Ты уже выехала? – спросила она.

– Буквально стою в дверях, – ответила Элла, засовывая компьютер в чехол.

– Можешь не торопиться. Я передала это задание Джордан Тэлбот. Она уже в пути.

Какого черта? Элла застыла на месте.

Джордан была их новым сотрудником. Ребекка переманила ее из журнала *Таун&Кантри*. У нее был опыт работы, но по сравнению с Эллой она была новичком. Элле она напоминала ее саму, только начавшую работать в *Люкс Авеню*.

– А почему ты так решила? – спросила Элла очень сдержанным тоном, стараясь не показать свои злость и ужас. Ребекка узнала об ее амнезии и считает, что она не справится с заданием? Элла перебрала в памяти всю свою работу, начиная с начала декабря, и не могла понять, где она сделала хоть какую-то ошибку, которая могла бы поставить под удар всю ее работу, включая ведущую позицию и получение важных интервью.

– Позвонил Натан Донован.

– Кто?

– Ты слышала. Натан Донован собственной персоной вернулся и уверяет меня, что готов снова работать с нами. Если интервью будешь делать ты.

В легких Эллы не осталось ни капли кислорода. Она медленно опустила в кресло и невидящим взглядом уставилась в окно.

– Это задание важнее всех остальных. Ты уже потратила на него столько времени. Разве не здорово, что оно наконец выйдет в печать? Секунду, я возьму контактную информацию. Он не был уверен, что она у тебя сохранилась. Ага, вот. – Ребекка продиктовала ей данные, и Элла заметалась в поисках клочка бумаги, чтобы их записать, но не могла ничего найти под рукой. Тогда она схватила старый номер *Люкс Авеню* с края стола и быстро записала там телефон и адрес Натана Тракки. Больше трех часов езды от Сан-Франциско, и то если погода и дороги будут удачными.

– В этот раз он хочет встретиться с тобой у себя дома, а не на непонятно каком горном перевале. Я вообще не понимаю, как ты это выдержала, пять дней с рюкзаком в какой-то богом забытой горной глуши, без горячей воды. Ты гораздо храбрее меня, но потому ты и самая лучшая.

Руки Эллы дрожали так, что она уронила ручку.

– Он будет разговаривать только с тобой, так что не профукай, как в прошлый раз. И не надейся уговорить меня отказаться от этой статьи. Звони Натану сейчас же. Он хочет начать интервью завтра.

Начать интервью? Это значит, что готовится значительная статья. Интервью будет глубоким и длинным. Обычно Элла разбивала такие задачи на несколько частей, и работала несколько дней. Иногда это занимало неделю, в зависимости от расписания того, с кем она работала.

– Хорошо. Звоню прямо сейчас, – выдавила она подтверждение.

– И не переживай за губернатора. С Джордан он в хороших руках. Я думаю, пора кинуть малышку в воду и посмотреть, как она выплывет. Свяжись со мной через пару дней, расскажи, как идут дела. А я пока перераспределю твои другие задания, чтобы ты могла подготовиться к завтрашнему. Пол хочет поставить статью с Донованом в майский выпуск.

– Конечно.

Ребекка отключилась. Медленно, осторожно Элла положила телефон на стол.

Кто, черт возьми, такой этот Натан Донован?

Глава 9

Элла распаковала компьютер и запустила поиск на имя *Натан Донован*. Открывая страницу за страницей, через несколько минут она получила основные сведения. Натан Донован, знаменитый путешественник, искатель приключений, звезда популярного сериала *Ближе к Природе!* который выпускала его компания Nat Geo Wild. Тридцать семь, разведен, отец единственного сына, который трагически погиб полгода назад, сразу после чего показ дальнейших серий *Ближе к Природе!* был отменен прямо посреди сезона.

Элла кликнула на ссылку изображений, и ее экран заполнился мозаикой всевозможных фотографий, от профессиональных и вырезанных из телевизионных серий, до размытых, сделанных папарацци на улицах. Темно-каштановые волосы, ярко-голубые глаза, тело, отточенное военной подготовкой и различными трюками, необходимыми для выживания, которыми был полон сериал. Натан Донован был отрадой для глаз. А еще он выглядел точной копией ее мужа, словно был двойником Дэмьена. Конечно, за вычетом военной подготовки и статуса знаменитости. Дэмьен любил долгие пробежки и отжимания, но Натан был подсажен на адреналин и жизнь среди дикой природы.

Вау, подумала Элла. Это надо же, как они похожи. Странно.

Ей было неуютно. Натан был знаменитостью. Она должна была хоть что-то слышать о нем и его телесериале. И уж точно должна была помнить, как встречалась и брала у него интервью.

Но не помнила. Ни единого момента. Даже такой мелочи, как телефонный звонок или имейл, не говоря уж о личном интервью, ради которого она потащилась в какую-то богом забытую горную глушь, как говорила Ребекка.

Она просто вычеркнула это из памяти. Точно, как Саймона.

Элла скользнула взглядом по двери своего офиса. Напротив, через коридор, была детская Саймона. Дверь в нее была плотно закрыта. Она не заходила в эту комнату с декабря. А до того ходила туда каждый день, целый месяц, и стояла посреди комнаты, надеясь, что запах свежей краски и звуки музыкального мобиля, висящего над

колыбелькой, пробудят ее воспоминания. Но этого не случилось, и она перестала пытаться.

Но она больше не будет сдаваться. Если она на самом деле интервьюировала Натана Донована, у нее должны были остаться результаты. Должна сохраниться переписка и множество телефонных звонков. Материалы предварительных исследований и загруженные записи разговоров. Но она не встречала этого имени или материалов этого интервью, когда просматривала содержимое своего компьютера четыре месяца назад в поисках хоть чего-нибудь, письма или документа, которые могли бы подтолкнуть ее воспоминания. Тогда, в ноябре, она просмотрела столько файлов. Может быть, она не заметила. Или забыла. В отчаянии она начала искать снова. Она открывала файлы и пролистывала закладки. Просматривала письма, отосланные, стертые, черновые. Открыла ящик с удаленными письмами. Снова и снова загоняла в поиск имя Натана. Ничего. Ни единого письма, ни ссылки, ни расшифрованной записи разговора.

Телефон. Что-то может быть в нем. Входящий или исходящий звонок. Конечно, она должна была звонить ему, хотя бы чтобы назначить то интервью, подтвердить время и место. Дэмьен сгрузил в ее телефон все данные, сохраненные в облаке.

Элла перерыла все звонки и контакты, но не нашла номера, который дала ей Ребекка. Записи местонахождения телефона были включены, но история не сохранилась, так что она не могла определить, куда она путешествовала.

Все выглядело так, словно этого интервью никогда не было.

Элла прекратила поиски и поняла, что дрожит. Ее мутило, и она опустила голову и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы унять тошноту. Она сходила с ума.

Она не могла спросить об этом у Ребекки. Тогда всплыла бы ее амнезия, и редактор засомневалась бы, сможет ли она продолжить интервью с Донованом. Натан откажется от эксклюзивного интервью, и Пол ее просто уволит. Или, еще хуже, поручит ей впредь писать только сопливые статьи про голливудские разводы и модные промахи звезд.

Она решила, что сама скажет об этом Натану. Все равно он все обнаружит, когда поймет, что надо переделывать интервью заново, потому что у нее нет записей предыдущего. Так лучше сказать ему об

этом прямо. Так шансов на то, что он скинет ее с горы, если уж она поднялась туда, будет меньше. И в любом случае она намеревалась уговорить его сделать все заново. Если нужно, она умела быть очень убедительной.

А пока ей надо накопать как можно больше информации о нем и о времени, которое они провели вместе. Кто может что-нибудь знать?

Дэмьен.

Она позвонила ему, но сразу попала на автоответчик. Не оставляя сообщения, она отключилась и позвонила Дейви.

– Элла Белла. Ты насчет завтрашнего ланча? – ответила та.

– Ну да, типа того. Нам придется его перенести. У меня новое задание. Придется завтра ехать в Тракки. Что ты знаешь про Натана Донована?

– Кроме того, что он бог и я была страшно расстроена, когда твоя статья так и не вышла?

Значит, статья все же была.

– Ты знаешь, когда я с ним виделась?

– А ты не помнишь?

– Не-а. Я ничего про него не помню.

– Совсем? Вау. – Дейви явно недоверчиво растягивала слова. – Так ты будешь снова его интервьюировать?

– Да, он утром позвонил моему редактору.

– Боже, Элла. Как же ты будешь? Получается, что ты как будто встретишься с ним снова.

– Ну, я думаю, что скажу ему всю правду. У меня нет другого выхода. Это эксклюзив, и он сказал, что будет разговаривать только со мной.

– Ну, ради твоей работы и ради всех нас, девочек, умирающих от желания узнать все сочные подробности, я надеюсь, он не откажется повторить тебе свою историю. Ты провела с ним *столько* времени.

– Сколько? – неуверенно спросила Элла.

– Я думаю, дней десять.

– Десять? – Ребекка говорила о пяти.

– Ты поехала туда сразу же, как вы с Дэмьеном вернулись с Мальдив.

Эту поездку она помнила. По утрам – солнечные ванны на их персональной террасе, днем ныряния с маской в бирюзовой воде,

вечером – ужин деликатесной свежей рыбой. Часы, проведенные в объятиях Дэмьена. Долгие разговоры о любви, о жизни, о работе и об их будущем, тихий шепот и много смеха под звездным покрывалом или в солнечных лучах. Они отмечали третью годовщину своего брака.

– Значит, это было в прошлом июне?

– Хммм, да.

– А ты не знаешь, почему статья так и не вышла?

– Не-а. Ты мне не говорила. Но ты никогда ничего такого не говоришь. Профессиональная этика. Из тебя никогда ничего не вытянешь, пока статья не выйдет в печать.

Закусив нижнюю губу, Элла зашла на сайт и заглянула в историю своих телефонных переговоров. Что, если она почему-то действительно сама удалила эти звонки и контакты? Если все остальные следы интервью пропали, это тоже было бы логично. И действительно, в распечатке звонков в отчете за июнь, она нашла его. Один исходящий звонок на номер Натана Донована.

– Как ты думаешь, надолго ты уедешь? – спросила Дейви.

– Не знаю. Мне пора бежать. – Элла закрыла отчет и вышла с сайта. – Мне еще надо разыскать про него кучу всего.

– Я могу тебе как-то помочь? – спросила Дейви.

– Да нет, но, если я что-то узнаю, я тебе расскажу.

– Ладно. Ой, да, – успела сказать Дейви до того, как Элла отключилась. – Мой клиент устраивает на той неделе выставку. Я думаю, тебе бы понравились его работы. Хочешь пойти?

– Конечно, – согласилась Элла немного рассеянно, открывая в компьютере несколько окон сразу.

– Отлично. Я внесу тебя в список.

Поблагодарив, Элла отключилась и нырнула в исследование жизни Натана. Она прочла все статьи о нем, которые смогла найти, и быстро проглядела несколько выпусков *Ближе к Природе!* Он был очень способным, умелым, сильным и подвижным. Иногда, когда он устраивал трюки для своих знаменитых гостей, он казался почти ненормальным. Он был очень крутым, с улыбкой, от которой можно было умереть, и заразительным смехом, перед которым Элла не могла устоять. Неудивительно, что Ребекка так хотела заполучить его эксклюзивное интервью для *Люкс Авеню*. Шестьдесят пять процентов зрителей *Ближе к Природе!* были женщины, так что лицо Натана на

обложке журнала сделало бы этот номер бестселлером на много лет вперед.

Но каков он в реальной жизни?

С тех пор как сериал перестал выходить, о нем практически не было никакой информации. Согласно заявлениям его директора, Натан был безутешен после потери своего сына, Карсона. Затем он неожиданно отменил выпуск сериала, и с тех пор исчез со сцены и жил где-то практически отшельником.

Как погиб Карсон и почему Натан внезапно прекратил выпуск *Ближе к Природе*?!

Интересно. Элла не могла найти даже намека на ответ ни на один вопрос.

Дэмьен вернулся домой после девяти вечера. Элла встретила его у дверей. Она повесила его пиджак и помогла снять галстук, чтобы скорей спросить его, что он знает о Натане Доноване.

– Я там сделала тебе ужин. Сейчас разогрею, – сказала она, поцеловав его.

– Спасибо. Умираю с голоду. – Бросив галстук, Дэмьен пошел за Эллой в кухню. – Что в Сакраменто?

Элла поставила его ужин разогреваться в микроволновку и установила время. – Я не ездила. Ребекка дала мне другое задание. Я весь день занималась поиском материала.

– Как жаль. А я так ждал рассказа про ланч с губернатором. – Бросив на стойку свои ключи, он положил портфель и прижал палец к биометрическому замку. Замок со щелчком открылся.

– Я тоже. Но Ребекка поручила мне эксклюзив. Интервью с Натаном Донованом.

– Да что ты? – спокойно спросил он.

Если бы Элла не смотрела на его руки в тот момент, когда произнесла имя Натана, она бы не заметила, как Дэмьен замер на секунду, вынимая компьютер из портфеля.

Элла нахмурилась. Что за замешательство? Это из-за Натана?

– Я думал, ты отменила эту статью, – сказал Дэмьен.

– Ее вернули. Натан сегодня утром звонил Ребекке.

– Правда? – Дэмьен вынул из портфеля несколько папок и положил поверх ноутбука. Элла прочла название на одном из корешков.

ReAlign Software Inc. Один из английских клиентов PDN.

– Дэмьен. – Она нарочно сделала паузу, чтобы он посмотрел на нее. – Я его не помню.

Его глаза потемнели.

– Так же, как не помнишь Саймона?

Элла кивнула:

– Точно так же.

Звякнула микроволновка. Элла вынула блюдо с едой, достала приборы и накрыла на стол. От разогретых феттучини с соусом песто шел ароматный пар. Кухню наполнил запах базилика и кедровых орешков. Но Дэмьен не сел с ней за стол.

– Хочешь вина? – спросила она.

– Когда ты встречаешься с Донованом?

– Он хочет начать интервью завтра. – Она налила в свой бокал каберне и протянула пустой бокал Дэмьену.

Он покачал головой и нахмурил брови.

– Ты чего?

– У меня тут некоторые изменения. Я должен завтра лететь в Лондон, встречаться с нашими английскими юристами. Почему бы тебе не отменить это интервью и не полететь со мной? Мы бы сходили в театр.

– Театр? Дэмьен, я ничего не помню про этого Донована. Он вообще не существовал для меня, пока Ребекка не позвонила сегодня утром. Я провела с ним неделю или даже больше, и не помню ни секунды этого времени. Спасибо за приглашение, но нет, я не могу лететь в Лондон, по крайней мере сейчас. Я должна встретиться с Натаном и попытаться понять, что за фигня со мной происходит.

– А если я попрошу тебя отказаться от этой работы?

Она остолбенела:

– С чего бы тебе такое просить?

– Элла, ответь на мой вопрос.

– Нет! Мы говорим о моей работе. Я же не говорю тебе, какие компании брать в клиенты, – она махнула рукой в сторону его клиентских папок. Дэмьен стоял, замерев на месте. – Почему тебя так беспокоит этот Донован?

Дэмьен убрал компьютер и папки обратно в портфель. Кинул сверху ключи. Внимание Эллы привлекло что-то красное. На кольце

для ключей висели флешки. Две. Они были новыми. Они появились там уже после ее выкидыша. Но она не успела даже подумать, чтобы спросить о них, не то чтобы спросить. Дэмьен захлопнул портфель.

Ключи.

– Что, если этот Натан станет ключом к моей памяти?

– Почему именно он?

Элла с силой поставила бутылку на стол.

– Ничего, из того, что я делала, не помогало, и ты тоже. Почему бы не попробовать Натана? Что мне терять?

Возможно, само задание? Элла внутренне сжалась. Она надеялась, что Натан сможет ее понять. А еще она надеялась, что от него будет больше помощи, чем от ее мужа. Господи, что же с ним такое? Она и вправду не понимала, отчего с ним стало так трудно. Дэмьен закрыл лицо руками и потер его, явно снимая напряжение, а потом вздохнул.

– Ты права. Это твоя работа. Поезжай.

Да, черт возьми, хотела огрызнуться она. Но, стиснув зубы, заставила себя успокоиться.

– Что ты знаешь о том интервью, что я делала с ним прошлым летом?

– Не очень много.

Элла расстроено вздохнула.

– Я хочу вспомнить Саймона, – пояснила она, мечтая, чтобы Дэмьен наконец поговорил с ней, по-настоящему поговорил обо всем, что им пришлось пережить.

Он засунул руки в карманы джинсов и поглядел на носки своих туфель, кивая и думая о чем-то.

– Сделай мне одолжение, – сказал он через минуту. – Подумай, прежде чем поехать туда. Спроси себя, действительно ли ты хочешь все вспомнить.

Она была ошарашена:

– Конечно, хочу. Как я могу не хотеть?

Он пожал плечами. Выражение его лица было болезненным, испуганным. Этому должна была быть причина. Но, впервые за все эти месяцы, его сопротивление остановило ее. Что, если то, что он скрывает от нее – а она уверена, что это так и есть, – может разрушить их брак?

Готова ли она потерять его ради того, чтобы вспомнить ребенка, которого они даже не планировали заводить?

Она снова подумала: что же должно было произойти до аварии? И ее внутреннее ощущение укрепилось. Они поссорились за несколько минут до этого. Из-за чего?

Или, вернее, с учетом его реакции на имя Натана, из-за кого?

Глава 10

Три с половиной года назад

Одним воскресным утром, через четыре месяца после свадьбы, Элла сидела рядом с Дэмьеном на диване. Они смотрели напряженный футбольный матч. В третьей четверти второго тайма нападающий опять промахнулся, и Дэмьен с разочарованным воплем пнул ногой кофейный столик. Его пиво расплескалось, залив чипсы, которые Элла только что принесла.

– Дэмьен! – Элла схватилась за салфетки, не дожидаясь, что пиво прольется со стола на ковер.

– Он слишком долго возился с этим мячом! – возмущался Дэмьен, не замечая, какую грязь он развел.

– А ты все чипсы загубил, – принесенным из кухни полотенцем Элла вытерла стол насухо.

– Прости, милая, – он похлопал ее по бедру, не отрываясь от экрана.

Элла кинула мокрые салфетки поверх испорченной еды и унесла блюдо в кухню. Там она скинула салфетки и все остальное в мусор и сунула блюдо в раковину. Фаянсовая тарелка раскололась пополам.

– Черт. – Это было блюдо тетушки Кейти.

– Все в порядке? – крикнул Дэмьен из гостиной.

– Просто зашибись, – огрызнулась она.

Еле сдерживая слезы, она вынула обломки из раковины. Это было единственное блюдо, оставшееся ей от тетушки. Может быть, еще удастся его склеить.

Потом, решила она. Сейчас она не в настроении. Но и футбол ей больше смотреть не хотелось.

– Пойду поработаю, – объявила она.

– Как, ты не хочешь смотреть игру?

Их команда проигрывала. Они вообще сливали этот сезон. И ее настроение, по непонятным ей самой причинам, было мрачным.

– Нет, у меня завтра дедлайн. Смотри без меня. Если забьют, скажешь. – Хотя она лично в этом сомневалась.

Убрав разбитое блюдо, Элла ушла в свой кабинет. Но она не включила компьютер, а просто сидела за столом и смотрела в пустой темный экран. Ей было нервно и неудобно. Все, что сегодня делал Дэмьен, раздражало ее. Он был простужен и чихал, и она заставляла его прикрывать рот. Он высморкался, и она велела ему вымыть руки, прежде чем прикасаться к ней. А он захотел поцеловать ее. Потом он устроил бардак с пивом. Если бы не он, она не разбила бы тетушкино блюдо. Тетушка Кейти всегда ставила его на стол, когда у них были гости. И в тот последний раз, когда к Элле пришла ее лучшая подруга Грейс, тетушка как раз подавала на нем макароны с сыром.

Грейс.

Элла пошевелила мышью, оживляя компьютер, и посмотрела на число. Четырнадцатое октября. День, когда Грейс умерла.

Неудивительно, что она была так подавлена.

Набежали слезы, но Элла не вытирала их. Уронив голову на руки, она расплакалась.

Спустя какое-то время Дэмьен постучал в косяк открытой двери.

– Элла?

Она подняла голову и вытерла лицо рукавом свитера.

Выражение лица Дэмьена изменилось с любопытного на обеспокоенное.

– Что случилось? – Войдя в кабинет, он опустился перед ней на колени и развернул ее лицом к себе.

Элла вынула салфетку из коробки на столе, вытерла глаза и высморкалась.

– Грейс.

– Кто такая Грейс? – нахмурился он.

– Это моя подруга. Она умерла, – всхлипнула она.

– Господи, Элла. Мне очень жаль. Когда? Как? – Он схватил ее за руку. – Ты в порядке?

Взмахнув другой рукой, она покачала головой.

– Нет-нет, она уже давно умерла. Мне просто грустно. – Кинув салфетку в мусор, она глубоко вздохнула. – Она умерла как раз четырнадцатого. Я не понимала, что это сегодня, пока только что не увидела дату.

– Похоже, она была важным для тебя человеком. – Дэмьен ласково погладил ее ладонь большим пальцем. – Кто она?

Дэмьен знал об Элле многое, но она никогда не рассказывала ему про Грейс. Она никому не рассказывала про Грейс. Воспоминания были слишком болезненны.

– Моя лучшая подружка. Мы познакомились, когда с Эндрю переехали к тетушке Кейти в Лос-Альтос после смерти родителей. Она жила в соседнем доме. Нам было по семь лет, и мы были хулиганки. Она умерла в год перед выпуском. Ей было всего пятнадцать.

Дэмьен тяжело вздохнул.

– Такая юная. Мне так жаль, Элла.

– Мне тоже. – Элла всхлипнула.

Немного помолчав, Дэмьен спросил:

– Ты не хочешь рассказать мне о ней?

Элла пожала плечами:

– Чем вы с ней занимались?

– Ой, ну я не знаю. Да всем чем угодно. Всякие девчачьи штуки типа одеваться и краситься. Мы играли в куклы и в домики, когда были маленькими. Ей тоже нравилось писать. В старших классах мы вместе делали школьную газету. Хм-м, что еще? Ее папа по воскресеньям водил нас в сквер Джирарделли за мороженым. Воскресное мороженое, говорил он. И мы всегда смеялись. Нам было весело вместе.

Дэмьен сжал ее руку.

– А как она умерла? – тихо спросил он.

Элла совсем упала духом. Всплывающее сквозь воспоминания чувство вины охватывало ее.

– У Грейс были проблемы, – начала она. – Ну, то есть у нас у всех были проблемы, но ей стало еще хуже, когда ее родители развелись.

Она рассказала Дэмьену, что после развода родителей Грейс, которая была очень близка с отцом, впала в депрессию, потому что он уехал на другой конец страны. Родители решили, что Грейс останется с матерью в Лос-Альтос. Здесь были ее школа, друзья, Элла и все остальное. Чем меньше перемен в жизни, тем лучше для Грейс, считали ее родители.

Но Грейс было трудно справляться и с теми переменами, что уже произошли. У нее под глазами появились непроходящие синяки. Она говорила, что занимается по ночам. Но Элла подозревала, что у Грейс

бессонница и что занятия тут ни при чем. Грейс вовсе не занималась. Ее отметки ухудшились.

Потом у нее на руках появились порезы. Элла узнала об этом, когда однажды заметила их на перемене. У Грейс задрался рукав платья, и Элла увидела ярко-красные шрамы длиной в несколько сантиметров на светлой коже выше локтя.

Она ахнула и схватила подружку за руку.

– Что ты наделала?

Грейс отвела глаза, опустила рукав платья и зашикала на Эллу. Но Элла не сдавалась. Она затащила подружку в неисправную кабинку в туалете.

– Покажи, – велела она Грейс.

– Нечего там смотреть. Пошли. Мы опоздаем на урок.

Элла загородила ей путь:

– Никуда мы не пойдем, пока ты не покажешь мне руку.

– Да тише ты. Нас услышат.

В туалет как раз зашла Белла Филдс с компанией. Они верещали, как стадо цыплят. Сквозь щелку в двери кабинки Элла смотрела, как они, выстроившись перед зеркалом, красили глаза и мазали тональником и без того покрашенные лица.

Элла снова обернулась к Грейс. Под ее взглядом та неохотно закатала рукав. Поглядев, Элла со свистом выдохнула. Порезы не были глубокими и уже начали заживать. Но кожа вокруг них была красной и воспаленной.

– Другую, – указала Элла на правую руку Грейс.

– Я только на левой, – смущенно пробурчала она.

– Но почему? – Элла была напугана за подругу.

– Мой психолог говорит, я виню себя в своей дерьмовой жизни.

– Твоя жизнь не дерьмовая. Она просто... Она стала другая, чем раньше. Но ты привыкнешь, и все снова будет нормально и так же здорово.

– Это новое нормально – дерьмо.

Прозвенел звонок.

– Надо идти. – Грейс открыла дверь кабинки. Выражение ее глаз было мрачным. Элле так хотелось, чтобы в этих глазах снова светило солнце.

– Приходи ко мне ночевать, – предложила она. – Я попрошу Кейти сварить нам макароны с сыром, как ты любишь, и потом будем смотреть *Друзей* до упора. Я записала целый сезон.

Крошечная улыбка пробилась сквозь мрачное выражение Грейс.

– Звучит неплохо.

– Да так и будет, – Элла обняла ее.

Грейс пришла к пяти. Они набросились на макароны с сыром. Потом еще съели мороженое и уселись на диван смотреть *Друзей*. Около десяти, когда тетушка Кейти давно ушла спать, зашел бойфренд Эллы Майк Тейт. Элла хотела отправить его домой, но Грейс подошла к двери вместе с ней.

– Да нормально, пусть заходит.

– Точно? – спросила Элла. Она не хотела оставлять Грейс. Сегодня был их девичий вечер.

Грейс кивнула:

– Я что-то устала. Наверное, пойду лягу. Нормально, если я сперва приму ванну?

– Абсолютно. – Элла проводила Грейс наверх, дала ей полотенце и одну из своих бомб для ванной, теплую сахарную ваниль. Она даже зажгла ей любимую свечку с кокосом и авокадо. – Я скоро приду. Расслабляйся. Не спеши.

Обняв подружку, она вернулась на диван к Майку.

Элла сидела с Майком и слышала, как наверху в ванной льется вода. Постепенно она начала засыпать, и Майк, поцеловав ее на прощание, ушел. Элла проснулась в два часа ночи и, чувствуя себя виноватой, поплелась неверными шагами в спальню, где Грейс давным-давно заснула, не дождавшись ее. Элле было страшно стыдно, что она оказалась фиговой подружкой и бросила Грейс одну. Она не могла поверить, что заснула вот так на диване. Надо было ей сразу отослать Майка домой. Все равно они увиделись бы завтра. Они собирались в кино.

Но когда Элла добралась до своей спальни, Грейс не оказалось в постели. Ее вообще не было в спальне.

Из щели под закрытой дверью ванной пробивался лучик света. Элла тихонько постучала, думая, что Грейс проснулась и пошла в туалет. Но Грейс не отвечала.

Элла повернула ручку, но дверь была заперта. Она позвала Грейс, но, не дождавшись ответа, открыла замок заколкой для волос, которую нашла у зеркала. Распахнув дверь, Элла замерла на пороге, не в состоянии осознать увиденное.

Грейс, прекрасная, невинная Грейс, лежала в ванне. Она была полностью одета, а вода в ванне была цвета вина. Элла еще подумала, что этот оттенок не похож на цвет бомбы для ванны. Наверное, Грейс решила поменять сахарную ваниль на японскую вишню. Но затем Элла увидела длинные вертикальные разрезы на запястьях Грейс и кухонный нож для разделки мяса. Спокойное бледное лицо Грейс было как раз против двери. Ее глаза невидяще смотрели в какую-то точку у Эллы за спиной. Элла никогда больше не могла забыть эти глаза.

– О господи, – произнес Дэмьен, возвращая Эллу к реальности. Протянув руку, он вытащил салфетку из коробки и вытер Элле лицо. – Ты была не виновата. Я надеюсь, ты плачешь не потому, что винишь себя.

– Я не виню, разве что в том, что не отправила Майка раньше. Может быть, тогда Грейс не стала бы этого делать.

– Может быть, но она, возможно, сделала бы это в другой раз. Это ужасная трагедия, но в ней нет твоей вины.

– Я знаю, что нет. Это вина Стэна. Отца Грейс, – добавила она, когда Дэмьен непонимающе наморщил лоб.

– А он-то тут при чем?

– У него раньше был роман, он изменял матери Грейс. Он скрывал это от нее, но она все узнала, и через десять лет он признался. Если бы он не сделал этого, они бы не развелись и Грейс была бы жива. Его честность убила мою подругу.

Дэмьен сжал губы. Элла решила, что он пытается опровергнуть ее слова. Сейчас он найдет слабое место в утверждении и укажет на него. Но он резко выдохнул и сказал:

– Возьми пальто.

– Куда мы собираемся?

– Увидишь.

– А как же игра?

– Не важно. Ты важнее.

Дэмьен отвел ее в сквер Джирарделли, где заказал огромное мороженое с горячим сиропом на двоих. Он шутил с ней и пытался

кормить с ложки мороженым, но только измазал ей нос в сиропе. Она смеялась и плакала, и ей было хорошо.

– Спасибо. Это было мне нужно, – сказала она ему на обратном пути.

– Всегда пожалуйста.

– Сегодня воскресенье, – заметила она с грустной улыбкой. – Воскресное мороженое. Ты всегда знаешь, как порадовать меня.

– Я стараюсь, – он улыбнулся и поцеловал ее.

– Я с тобой счастлива.

– Это хорошо. Это все, что мне нужно. И еще твоя любовь. Так классно, что у меня есть все это. – Он радостно разубался.

– У тебя есть. Все это.

Глава 11

На следующий день после получения задания от Ребекки, уже довольно поздно, Элла доехала до нужного дома. Дом был в виде большой буквы А и стоял сбоку от узкой частной дороги в пригородах Тракки, лыжного поселка возле озера Тахо, который представлял собой странный гибрид Дикого Запада и роскошной зимней игровой площадки для мультимиллионеров Кремниевой долины и любителей экстремального спорта. На горизонте в лучах заходящего солнца величаво высились гранитные скалы в снежных шапках.

Заглушив мотор, Элла сунула руки в рукава оливкового стеганого пальто. Она вылезла из машины и глубоко вдохнула. Холодный, чистый горный воздух обжигал ноздри и наполнял легкие. Легкий ветер шелестел в ветвях деревьев. В воздухе трепетали листья и шуршали сосновые иглы. Она потерла руки и плотнее запахнулась в пальто, стараясь успокоить нервы. Натан знает о ней что-то, чего не знает она сама. Это напрягало ее, создавая чувство, что она не знает, как начинать интервью. Но все же она надеялась, что он будет податливее, чем Дэмьен. Ей так хотелось восстановить это интервью и вместе с ним свою прежнюю жизнь.

Она подошла к дому, поднялась на ступени террасы и позвонила. Подождала. Еще подождала. Спустя минуту или чуть больше она позвонила снова, сопровождая звонок стуком в тяжелую деревянную дверь. Где-то глубоко в доме залаяла собака.

Дома ли он вообще?

Она огляделась. Одна из трех гаражных дверей была открыта. Внутри стоял черный грузовой «Шевроле». Может быть, Натан где-то во дворе.

Идя по террасе, Элла обошла дом и пораженно застыла. Перед ней внезапно открылся потрясающий вид. Так же внезапно она заметила мужчину, опиравшегося на перила. Казалось бы, она должна была ожидать этой встречи, но увидеть его вот так, спокойно смотрящим на каньон внизу, нисколько не заботясь о приезде гостя, и не встречающим ее у дверей, было странно. И нервно. Он

прихлебывал что-то из дымящейся кружки и то ли не видел ее, то ли предпочитал не замечать.

У нее под ногой скрипнула доска. Он повернулся в ее сторону. В глазах мелькнуло узнавание. Застигнутая врасплох, Элла сделала шаг назад, но тут же взяла себя в руки. Она, может, его и не знает, но он-то знает ее. Она сделала уверенный шаг вперед и улыбнулась.

Натан улыбнулся в ответ. На фоне челюсти, заросшей примерно недельной щетиной, ярко блеснули зубы. Он выпрямился в полный рост. Он оказался выше, чем она ожидала, и ее взгляд невольно скользнул к его тяжелым сапогам на толстой, сантиметра три, подошве. На нем была одежда мужчины в горах – джинсы и расстегнутая байковая рубашка, из-под которой виднелась темно-синяя майка с рисунком. Судя по тому, что он был без куртки, в то время как Элла дрожала в своем пальто, он привык к здешнему холодному климату.

– Привет, Элла, – докатился до нее его голос. Он был ниже, чем тот, что она слышала по телефону и в фильмах *Ближе к Природе!*

Не понимая, стоит ли ей помахать рукой или обнять его, Элла подошла и протянула руку.

– Натан Донован? Я Элла Скай. Я знаю, что мы уже встречались, но...

Она осеклась, увидев, как его взгляд, опустившись к ее руке, затем медленно поднялся к лицу. Он нахмурился и издал короткий смешок. Она поняла, каким нелепым кажется ему ее приветствие. Формальным. Глупым.

– Но, – она заставила себя продолжить фразу, – случилось нечто, о чем ты должен узнать. В прошлом ноябре я попала в аварию и потеряла память.

– Это шутка, да? – Он дернул углом рта. Его глаза блеснули. Он потянулся к ней, склонив голову набок и глядя на нее с любопытством, и на какую-то секунду она подумала, что он собирается поцеловать ее. А еще она подумала – он уверен, что она морочит ему голову.

С бьющимся сердцем она протянула вперед обе руки.

– Боюсь, что нет. И еще я боюсь, что нам придется начать все сначала. Я не помню многого из того, что мы делали в прошлый раз.

– Да ты всерьез, – нахмурился он. – А многого – это сколько?

Она подняла глаза на кроны деревьев за террасой и снова посмотрела на него.

– Ничего.

Его глаза распахнулись.

– Совсем ничего? – как будто выплюнул он.

– Но, – заторопилась она с объяснениями, – я обещаю, что время, которое мы потратили, не пропадет. В этот раз нам не понадобится так много, я уверена. Ты уже знаком со мной, и тебе будет удобнее разговаривать, ведь ты поэтому попросил, чтобы приехала именно я. Ты хочешь рассказать свою историю, и мы оба хотим донести ее до читателей *Люкс Авеню* и твоих зрителей. Я обещаю, что сделаю все как надо.

Он больше не улыбался. Его ноздри раздувались, челюсти были стиснуты, а на скулах ходили желваки. Он не смотрел на нее, отвернувшись к покрытым снегом горам. Солнце уже садилось, и тени стали длиннее. Она заметила, как побелели костяшки пальцев, сжимающие ручку кружки. Он обернулся и посмотрел на нее.

– Не пойдет.

Она моргнула:

– Что не пойдет?

– Интервью.

– Почему?

– Жаль, что тебе пришлось так далеко ехать. В поселке есть отель. Если ты не хочешь возвращаться ночью.

Он поставил кружку, развернулся и ушел.

Что за черт?

Ладно, она, в общем, предвидела, что придется поторговаться, но чтобы вот так? Такого она представить не могла.

Сама виновата. Она едва успела с ним поздороваться, как сразу все ему вывалила. Это все нервы.

Отлично сработано, Скай. Прекрасная работа новичка.

Но ей не впервой было иметь дело с упирающимися клиентами. Она всегда с ними справлялась, и этот Натан не станет исключением. Терпение и словесная ловкость, вот и все дела. Сейчас она его уговорит, и он все поймет.

Элла пошла за Натаном ко входу в дом и позвала его:

– Погоди.

Обернувшись, он сделал несколько шагов спиной вперед, с приподнятыми руками, как бы заранее отсылая ее.

– Я все сказал. Я передумал. Мы не станем этого делать.

– Да почему? – настаивала она. – Ты позвонил нам. Спросил меня. Настоял, чтобы я приехала.

– В прошлый раз мы провели вместе две недели. У меня нет времени все переделывать. – Он сошел со ступенек и длинными четкими шагами подошел к открытому гаражу. Под сапогами хрустел гравий.

Две недели? Она думала, это было десять дней. Откуда взялись эти лишние дни? Чем они занимались?

– Дай мне пять дней, – начала она торговаться, догоняя его. – Этого мне хватит.

– Через три я улетаю на Аляску.

– Я полечу с тобой.

Он фыркнул:

– Нет. Без шансов.

– Но почему? Скажи мне, где ты остановишься, и я все организую. Я займу у тебя два часа в день, максимум три. Это все, о чем я прошу. И, кроме этого, ты вообще даже не заметишь, что я там.

– Замечу. И у меня там вертолыжи. Из-за одного твоего веса придется менять все планы.

– Я не собираюсь кататься с тобой на лыжах, – сказала она, стараясь не обращать внимания на замечание про вес. Судя по всему, это имело какое-то отношение к вертолету. У нее не было никакого лишнего веса с тех пор, как Натан видел ее в последний раз. Наоборот, она даже сбросила. Упражнения согнали ее беременный вес. А стресс и беспокойство насчет потери памяти убрали еще несколько килограммов.

– Я буду ждать тебя в гостинице, – предложила она, неготовая сдать ся.

Он снова рассмеялся:

– Ты, ждать? Как-то сомнительно. Послушай, Эл, – он остановился и обернулся к ней. – Этого интервью не будет. Я все тебе рассказал. Ты действительно думаешь, что я буду это повторять?

Лицо Эллы упало.

– Прости. Я думала, если бы ты просто...

– Я не буду снова проходить через это. Не надо мне было читать то письмо от Ребекки и звонить ей.

– Это из-за моей амнезии?

– Я думал... – он оборвал фразу, глядя в небо.

– Что ты думал?

– Уже темнеет. Тебе пора. – Он пересек двор на своих длинных ногах и подошел туда, где дом смыкался со стоящим вплотную гаражом.

– Ты бы не стал настаивать, чтобы интервью делала именно я, если бы нас ничего не связывало! – крикнула она ему вслед. – И ты бы не стал звонить Ребекке и предлагать эксклюзив, – во второй раз, заметь, – если бы тебе было нечего рассказать.

– Доброй ночи, Элла. Поезжай домой, – ответил он через плечо, не прерывая шага.

– Я тоже потеряла сына.

Натан замер.

– Я была беременна пять месяцев, когда грузовик въехал в бок моего «Рейндж Ровера». Меня внесло в столб с телефонной будкой, и это вызвало разрыв плаценты. Я выжила, но мой ребенок погиб раньше, чем меня доставили в больницу. Мне сделали экстренное кесарево. По крайней мере, мне так сказали. Еще я читала полицейский отчет и медицинские выписки. Знаешь, почему?

Натан медленно повернулся к ней.

– Через пять дней после аварии я потеряла память. Не всю, а только некоторые куски, про саму аварию и про беременность. И про тебя. Я тебя не помню. Почему?

– Не знаю, – тихо сказал он, подходя к ней.

– Знаешь, чего я хочу больше всего? – спросила она, стуча себе по груди. – Я хочу оплакать потерю своего малыша, но я его не помню. Я не помню, как чувствовала его внутри себя, как он там рос. Знаешь, что бывает, когда ты чего-то не помнишь? Тебе этого не жаль. Я не могу скорбеть так, как должна была бы. И так, как мне бы хотелось. И еще чувство вины. Я даже описать тебе его не могу.

Она замолчала, вспомнив, что это она села в ту машину. Она не обратила внимания, выезжая на перекресток. Горло и глаза защищало от набегающих слез.

– Эл. – Натан сделал шаг и протянул к ней руки.

Она выставила руку вперед, останавливая его. Она не собиралась делиться с ним этим, но, начав говорить, уже не могла остановиться. Она хотела этого разговора несколько месяцев, но Дэмьен не соглашался. А ей, черт возьми, надо было выговориться. Чтобы наконец отскорбеть.

Элла вытерла слезы рукавом.

– Я знаю, что мой выкидыш нельзя сравнить с тем, через что пришлось пройти тебе.

– Не обесценивай свой опыт, – ответил Натан.

Элла кивнула, опустив голову.

– Элла? Посмотри на меня.

Она посмотрела и увидела, что он тоже чуть не плачет. Он не остался равнодушен к ее рассказу. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но Элла перебила его:

– Пожалуйста. Дай мне закончить. Выкидыш в двадцать одну неделю – это ужасно. Но потерять девятилетнего ребенка? Кого-то, кому ты читал сказки на ночь, делал бутерброды, целовал перед сном и держал за руку? Я даже вообразить себе этого не могу.

Натан крепко сжал губы.

– Я понимаю твое горе, Натан, и я знаю про чувство вины. Когда думаешь, что все могло бы быть по-другому, ты мог сделать что-то, и он был бы жив. Потому что я чувствую это каждый божий день.

Он поежился и отступил на шаг.

– Я думаю, что ты ни с кем не говорил про Карсона, кроме меня. Ты живешь тут как отшельник и избегаешь людей, как заразы. Кто-нибудь приходит к тебе? Ты пускаешь сюда кого-нибудь?

– Это не твоя забота.

– Но это так, нет? *Ты* пригласил меня сюда. *Ты* хотел меня видеть. *Ты* хотел, чтобы я написала о тебе.

– Я хотел, чтобы ты приехала, потому что хотел закончить начатое, а не начать сначала.

Элла неосознанно сделала шаг назад. Это было не про интервью. Между ними происходило что-то гораздо большее, чем она вкладывала в произносимые слова. Что же такого могло между ними произойти?

Она подумает об этом потом. Сейчас ей важно подтвердить участие Натана и заручиться его согласием помочь ей.

– Ну а что плохого в том, чтобы начать сначала? – Она сделала шаг вперед. – Ты позвал меня, и вот я здесь. Поговори со мной. О тебе, о Карсоне, о чем хочешь. Потому что иначе смерть сына так и будет грызть тебя изнутри, пока не оставит лишь пустую оболочку. – Именно это происходило с Дэмьеном. Это почти произошло с ней самой после смерти родителей и Грейс. – Может быть, наш разговор и время, проведенное вместе, помогут мне вспомнить наше первое интервью. Может быть, это поможет мне восстановить память. Так что скажешь? Давай попробуем помочь друг другу?

Натан не отвечал. Выражение его лица было непроницаемо.

Элла взглянула на небо. Было почти темно, поднимался ветер. Теперь дело за ним. Она молилась, чтобы он дал ей еще один шанс.

Когда он так ничего и не ответил, Элла сжала губы и медленно кивнула. Ну что ж, она старалась. Будем надеяться, Пол ее не уволит.

– Я остановилась в отеле «Пондероза Лодж» в Тракки, – сказала она. – Я не уеду оттуда до полудня. Переночуй с моим предложением. Позвони мне утром, если вдруг передумаешь. – Еще мгновение она смотрела на него, а потом повернулась и пошла к машине.

– Хорошо.

– Ты согласен? – Просияв, она повернулась к нему. – Ты не пожалеешь об этом, я обещаю.

Она открыла пассажирскую дверь и потянулась за блокнотом и диктофоном.

– С одним условием. – Он приподнял палец, останавливая ее. – Ты не едешь на Аляску. Мы все сделаем за два дня и начнем завтра утром.

– Но почему не сейчас? – Двух дней будет недостаточно, чтобы закончить статью и чтобы добраться до источника ее амнезии.

– У меня нет настроения. Жди меня здесь завтра в восемь. – Он развернулся и исчез в гараже.

Элла раздраженно воздела руки, борясь с искушением побежать за ним. Но он уже скрылся в гараже и позвякивал оттуда неизвестно чем, так что она неохотно закрыла пассажирскую дверцу. Ей не нравилось, что он заставляет ее ждать до завтра, но по крайней мере он хотя бы передумал.

Элла села в машину и закрыла дверь. Беспокоиться о том, чтоб выторговать у него еще время, она будет завтра. Тем временем она снова прокрутила в голове их разговор, разбирая его на части, пока

стягивала перчатки и заводила мотор. Разворачивая машину, она думала о человеке, которого встретила. Человеке, который явно знал ее лучше, чем она изначально предполагала.

Он сказал, что они провели вместе две недели. Почему и Дэмьен, и Ребекка говорили ей другое?

Он называл ее Эл. Только Дэмьен называл ее так, и она не была уверена, что чувствует по этому поводу.

Его глаза наполнились слезами, когда она рассказала про аварию. Ее рассказ зацепил его. Элла готова была поклясться, что он хотел обнять и утешить ее.

«Кто же ты, Натан Донован, и какова твоя роль в моей амнезии?»

Когда она взглянула в зеркальце заднего вида, по ней побежали мурашки и ее охватило странное чувство, похожее на дежавю. Натан стоял посреди дороги, оперев руки в бока, и смотрел ей вслед.

Элла поужинала и заселилась в гостиницу. Было уже больше половины восьмого. Ей хотелось позвонить Дэмьену, но его самолет не приземлится в Хитроу до двух часов ночи по ее времени. Она написала ему сообщение, прося позвонить, когда он доберется до их лондонской квартиры. Ей хотелось уточнить у него, сколько же времени она провела с Натаном прошлым летом. Две недели на одно задание – это очень много. Можно подумать, она писала биографию, а не статью на десять тысяч слов.

Разговор с Натаном оставил ее озадаченной, а его фамильярность вызывала неловкость. Чем быстрее она закончит интервью и спросит Натана про все, что было прошлым летом, тем быстрее сможет прилететь к Дэмьену в Лондон. Он не собирался возвращаться еще пару недель, пока не разберется с расследованием, так что она пообещала ему с утра, что прилетит, как только закончит работу.

Она уже скучала по мужу, глубокому тембру его голоса и теплу его тела. Она скучала по нему, тому, который был до аварии. По тем мелочам, которыми он показывал, как любит ее. Звонки среди дня, только потому, что он хотел ее услышать. Как она смеялась над его рассказами о каких-то дурацких историях, случившихся на работе. Кружка для кофе и стальной фильтр, которые он оставлял ей в кухне, уходя рано утром на работу, чтобы она могла сделать кофе, лишь налив кипятку. Букеты маргариток, которые он внезапно покупал, проходя

мимо цветочной тележки по пути домой после рабочего дня. Или то, как он смотрел на нее, когда они выходили куда-то, словно не мог поверить, что она с ним. Или то, как она осталась с ним по его просьбе в то первое утро вместе и во все остальные после этого.

Конечно, она тогда осталась с ним. Она уже почти влюбилась в него. И до сих пор очень его любила, несмотря на их беду и невозможность поговорить.

Но они выберутся из этого. Она знала это. Они любят друг друга. Они команда.

Отложив телефон, Элла включила компьютер и зарылась в заметки про Натана, которые сделала вчера. Завтра им нужно будет многое обсудить – от его молодости до женитьбы на Стефани. Чтобы сделать рассказ о жизни своих героев более личным, Элла считала нужным глубоко понимать их, а для этого ей приходилось копаться в их детстве.

Глава 12

Элла проснулась в шесть утра более уставшей, чем ложилась в постель. Так на нее действовала высота. Ей всегда нужна была пара дней на акклиматизацию.

Зевая и потягиваясь, она выбралась из кровати. Быстро приняв душ, она заскочила в кафе напротив гостиницы, где взяла кофе, сэндвич и банку энергетического напитка Red Bull с собой. Ровно в восемь она подъехала к дому Натана. Поставив машину во дворе, она заглушила мотор. И тут же к машине подлетели две огромные собаки. Поднявшись на задние лапы, они заглянули в окно и, увидев Эллу, разразились лаем. Диким.

Сердце у Эллы ушло в пятки. Она немного опустила стекло и крикнула: «Сидеть!»

Ее команда не впечатлила собак. Скорее они даже еще больше взбесились. Из их пастей летела слюна.

Прелестно. Ну и что теперь с ней тут будет? Она погибнет в собачьей пасти?

Она оглядела двор в поисках их хозяина. Где чертов Натан?

Она собралась позвонить ему, но заметила, что на экране телефона не было палочек Сети. Сеть сюда не добивала. Просто отлично.

До ее слуха донесся свист. Мохнатые головы тут же повернулись на свист, острые уши насторожились. К облегчению Эллы, первая линия обороны Натана отступила к дому и уселась у ног самого Натана, который стоял на террасе, глядя на Эллу с широкой, от уха до уха, ухмылкой на лице. Сама же Элла была бледна как смерть, без кровинки в лице.

Хмурясь, она выбралась из машины и хлопнула дверцей.

– Даже не надейся вытравить меня отсюда. Я все равно не уеду.

– Я и не ожидал.

Собаки поскуливали возле его ног. Они стучали хвостами и не сводили с нее глаз.

С пульсом, бьющимся где-то в горле, Элла взялась рукой за дверцу машины, готовая снова нырнуть туда, если они снова на нее

нападут.

– Ты точно держишь их под контролем?

– Угу.

– Тогда чего они? – Собакам явно не мешало бы успокоиться.

– Они рады тебя видеть. Тебя долго не было.

Она привалилась спиной к машине.

– Я знакома с твоими собаками?

– Ты обожаешь моих собак. Заходи, – он махнул в сторону двери. – У меня там кофе готов.

Глубоко выдохнув, она взяла из машины свои вещи и подошла к собакам. Дала им понюхать свою руку. Они смотрели на нее счастливыми глазами и улыбались во все зубастые пасти. Она потрепала их по головам и почесала за ушами – и все. Они потеряли к ней интерес. Ничего нового. Опустив носы в землю, они сбежали с террасы и начали принюхиваться к следам на земле.

– Какая это порода?

– Маламут. Вон тот, большой, – Фред, а другой – Бинг.

– Дай угадаю. Ты любишь джазовые оркестры.

Он явно обиделся:

– Я люблю классику, и ты это знаешь.

– Я не помню. Прости, – искренне сказала она. Похоже, эти два дня не будут легкими ни для кого из них.

Натан провел рукой по подбородку.

– Нет, это ты прости. Мне все кажется, ты помнишь то или это...

– И что? – спросила она, когда он оборвал фразу на полуслове.

Он уронил руки.

– Будет нелегко разговаривать обо всем этом сначала.

– Ты имеешь в виду – о твоём сыне?

Он кивнул:

– Я не ожидал, что придется начать сначала. Я-то думал, мы продолжим с того места, на котором закончили. Подведем итоги. Будь со мной терпелива.

– С одним условием, – сказала она, повторяя его вчерашние слова. – Ты будешь терпелив со мной. Как будто мы встретились в первый раз.

– Это уже два условия.

Она закатила глаза.

– Ладно. Два условия.

– Я справлюсь с этим.

Она улыбнулась в ответ, и он раскрыл дверь, приглашая ее внутрь. Фред и Бинг последовали за ними.

– Под запись, – сказал он, переступая порог. – Я люблю джазовые оркестры. И Элвиса, и Битлов, и Роллинг Стоунз, и Хендрикса, и Степного Волка. Это на случай, если ты захочешь составить для меня плей-лист.

Элла улыбнулась. Он был забавным, хотя его юмор был суховат. То, что он спустил на нее собак, не было ни случайностью, ни совпадением.

Она оглядела дом. Потолок был высоким, со сходящимися под острым углом балками. Гостиная, столовая и кухня составляли единое пространство нижнего уровня и были оформлены в нейтральных тонах и природных материалах. Несколько ступенек поднимались к открытой рабочей зоне, которая выходила окнами на каньон и горную грядку. Она увидела там письменный стол и компьютер, и ей стало немного комфортнее при мысли, что она все же не совсем близка к природе. Наверняка у него тут есть вай-фай. Надо будет попросить у него пароль. Другая лестница вела туда, где, как решила Элла, были спальни.

Дом был хорошо отделан, и его дизайн впечатлял. Но самым потрясающим был вид из высоких окон в виде буквы А, расположенных по обеим сторонам выложенного камнем очага, вытяжка которого уходила высоко под крышу.

За окнами, в кристально-голубом, безоблачном небе плыли покрытые снегом горы. На их склонах росли белые ели и высокие сосны. Сейчас, в конце марта, снег уже местами подтаял, и кое-где проглядывали грязь и гранит скал, но в целом горы все еще представляли собой воплощение зимней сказки.

– Очень красивый дом, – сказала Элла, заходя в кухню вслед за Натаном.

– Спасибо, – ответил он, колдуя над кофемашиной.

– Какой навороченный агрегат для парня, который предпочитает готовить на костре.

Он приподнял бровь:

– Так ты все-таки что-то помнишь обо мне?

– Если бы. Я прочла об этом в *Аутсайде*.

– А я-то думал, моя харизматическая личность вернула тебе все воспоминания. – Элла скривила губы, но Натан улыбался. – Что же до кофе, – повернувшись, он налил в чашку кипящее молоко, – то к нему я отношусь серьезно. Садись, – кивнул он в сторону стола.

Элла положила на стол сумку, вынула компьютер и диктофон и уселась. Натан протянул ей дымящуюся кружку. Он не спросил у Эллы, какой кофе она пьет, а она любила довольно заковыристый. Но, поднеся кружку к губам, она с первого глотка поняла, что ее ванильный латте был безупречным. Ровно таким, как она бы попросила.

Потому что он знал ее.

– Спасибо, – пробормотала Элла. Она откашлялась, собрала все свое мужество и сжала руки, чтобы они не дрожали. Ей не хотелось, чтобы Натан заметил, как она нервничает. Но он, скорее всего, почувствовал это. Он привык полагаться на инстинкты, чтобы выжить, и всю жизнь оттачивал это умение. Так что он должен замечать мелочи, на которые никто бы не обратил внимания. И, судя по тому, как он ее изучал, он должен был что-то заметить.

Переведя дыхание, Элла бодро улыбнулась ему. Но он не присоединился к ней за столом. Опершись о кухонный прилавок, скрестив ноги и засунув левую руку в передний карман джинсов, онпил свой кофе и продолжал наблюдать за ней.

– Ну... Где тебе будет удобнее? – спросила она. – Сядем тут или пойдем туда? – она указала на кожаный угловой диван. Он был широким, плотным, потертым и прекрасно вписывался в интерьер этого дома.

– Снаружи, – сказал он.

– Снаружи? – Элла обернулась и выглянула в окно у себя за спиной. Там было холодно. Он спятил?

– Я подумал, что мы пойдем в поход.

В снегу? Да он псих со справкой.

Собаки, напротив, вовсе не разделяли Эллиных чувств и явно знали слово *поход* так же, как городские собаки знают слово *гулять*. Подскочив и усевшись возле входной двери, они начали возбужденно поскуливать, стучать хвостами и перебирать передними лапами. Бинг принес свою походную поилку и начал трясти ее. Другая поилка,

Фреда, лежала возле сложенного рюкзака. Натан явно подготовился к походу.

– Там снег, – указала Элла на очевидное.

– Ага, – ответил он, как будто это не имело значения. – Путь достаточно твердый, и снег уже осел. Мы отлично пройдемся. Нам с собаками третьего дня понравилось.

Она уставилась на него:

– То есть ты это все всерьез?

– Абсолютно.

– Но я... Я не одета для похода, – вырвалось у нее. В другое время и при других обстоятельствах она бы не отказалась от приключения. Но тут, в горах, в полной изоляции, с человеком, с которым у нее были какие-то отношения, о которых она не помнит... А если он затаил на нее зло и собирается столкнуть ее с утеса?

Эл, тебе самой-то не смешно?

Она представила, как Дэмьен смеется над ней, качая головой. А потом целует ее, уверяя, что ей не о чем беспокоиться. Люди знают, что она здесь. Натан не станет делать никаких глупостей, по крайней мере, если уж он сам пригласил ее сюда помочь ему. Он хочет, чтобы статья о нем вышла именно в *Люкс Авеню*, а не в *Аутсайд*, что было бы гораздо логичнее, если брать в расчет его аудиторию. И Элла собиралась выяснить почему.

Натан оглядел ее одежду – свитер с высоким воротом, джинсы скинни, кожаные сапоги до колен.

– погоди секунду, – он прошел через всю комнату и поднялся по лестнице.

Элла поглядела на собак.

– Он всегда такой? – Постоянно надо куда-то идти и что-то делать. Она сомневалась, что ей удалось бы уговорить его посидеть спокойно все то время, что понадобилось бы им для беседы.

Фред твякнул. Бинг плотнее прижался к двери, так, что мохнатый бок прилип к деревянной поверхности, как липучка, и сжал зубами свою поилку.

– Надо понимать, это «да».

Элла упаковала компьютер и сунула диктофон в карман. Сегодняшнее интервью придется проводить на ходу.

Вернулся Натан. Он выложил на стол перед ней стопку сложенной одежды, поверх которой была теплая куртка, и бросил ей под ноги пару горных ботинок. Элла взглянула на них, и у нее похолодело в животе. Ей не нужно было смотреть, какой размер был написан у ботинок внутри, она и так поняла, что это – тридцать восемь с половиной. Ее размер. А еще она знала, что Стефани, жена Натана, была миниатюрной. И эти вещи принадлежали не Стефани Донован.

Ее сердце застучало в грудную клетку. Руки сами сжались в кулаки.

– Они случайно так удачно оказались моего размера? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Нет. Они твои.

Глава 13

– Мои?

Элла сидела и тупо смотрела на вещи. Она не узнавала их. Не помнила, как покупала и надевала. Чувство оказалось сходно с тем, что было у нее несколько месяцев назад, когда она разбирала и прятала свою беременную одежду. Как будто все это принадлежало кому-то другому.

– Ты ходила в них в поход, а потом оставила у меня, – сказал Натан, кивая на одежду и ботинки. – Ты хотела, чтоб они были тут, на всякий случай.

На какой случай? Элла приподняла брюки и посмотрела на белую походную рубашку с длинными рукавами. Они не только вместе ходили в поход, но и явно покупали все это. Насколько близки они стали друг другу?

– Пошли, мы теряем дневное время. – Натан звонко хлопнул в ладоши. Эхо отразилось от высоких стен. – Ребята, вы готовы?

Фред и Бинг радостно залаяли.

– Можешь переодеться в ванной. Она там... – вон. – Он указал на лестницу и вдруг снова взглянул на нее: – Эй? Ты в порядке?

Она взглянула на него и прижала руки к животу, чтобы успокоиться. Взгляд Натана спустился к ее рукам, и он чертыхнулся.

– Прости. Я и не подумал. – Беспокойство смягчило его черты. Он указал на ее живот. – Ты идти-то сможешь? По горам?

Она нахмурилась:

– Что?

– Это простой маршрут. Легкий подъем. Это не должно тебя сильно напрячь, даже с учетом твоего... хм... Твоей... – Он провел рукой поперек своей груди.

Она осознала, что прижимает руку точно к тому месту, где у нее был шрам. Ох. Вообще-то она уже почти два месяца бегала по пятнадцать километров четыре раза в неделю. Так что она была в форме, но Натан, конечно же, не знал об этом. Она опустила руку:

– Все будет нормально.

– Тогда что с тобой?

– Эта одежда. Я просто не ожидала. Я не помню ее и не помню твоего дома.

Он кивнул:

– Мы пойдем не спеша. Ты не прошла акклиматизацию. Мы с собаками обычно проходим этот маршрут меньше чем за три часа. Там есть одно место, которое я хочу тебе показать. Там мы поговорим и перекусим, а потом вернемся назад.

Элла взяла одежду и ботинки. Похоже, идти в поход все же придется.

– Я сейчас.

– Не спеши. Мне надо подготовить собак.

В ванной Элла быстро переоделась. Ей хотелось позвонить Дэмьену, узнать, как он. Перед отъездом он сказал, что ничего толком не знает про ее интервью, что было объяснимо. Элла не стала бы вдаваться в подробности своих разговоров с Натаном. Все конфиденциально, пока статья не выйдет в печать. Но что насчет того, чем они занимались? Дэмьен же мог знать, как надолго они ходили в горы. И что они с Натаном делали после этого. Элла не могла представить, что провела в походе две недели. Она всегда была за приключения, но две недели без горячей воды и нормальной еды было слишком даже для нее.

Элла вытасила телефон, но вспомнила, что здесь нет связи. Без пароля от вай-фая Натана она даже музыку послушать не сможет. Взглянув на время, она быстро подсчитала – в Лондоне был ранний вечер. Интересно, Дэмьен уже пытался ей дозвониться?

Она знала, что он был расстроен из-за этого ее задания. За кофе вчера утром Дэмьен признался, что готов с ней поговорить, пусть только она полетит с ним в Лондон. Элла отчаянно хотела этого разговора, но ей было обидно, что он согласился на него только из-за задания *Люкс Авеню*. Как будто его загнали в угол и у него не было выбора.

Но что бы ни стояло за его решением: ее интервью с Натаном или его собственное желание поговорить, у Эллы не было возможности отменить встречу с Натаном. Только он мог точно знать, что произошло между ними, пока они были в походе. И ей надо было думать о своей работе. Ребекка рассчитывала на нее, а Пол дышал в спину Ребекке. Ей непременно надо было ехать в Тракки.

Когда Элла подошла к входной двери, Натан перебирал свой рюкзак. Он уложил туда еду, воду и необходимые принадлежности.

– Никогда нельзя идти в горы без компаса, переносного радио, аптечки и фонаря со свежими батарейками, – объяснил он ей, как будто она была одной из тех знаменитостей, что снимались в его *Ближе к Природе!* – Еще я взял аварийные одеяла из фольги. Ты не поверишь, как легко потеряться тут в горах. Все что угодно может пойти не так, – он щелкнул пальцами. – И никто даже не узнает.

– Ты же не собираешься потерять меня или что-то в этом роде? – Она нервно рассмеялась, надевая перчатки.

Он застегнул рюкзак и вскинул его на плечи.

– Не волнуйся. Ты в надежных руках.

И это были сильные, мощные руки, заметила она. Руки, которые могли делать множество разных вещей. Она быстро отвела взгляд, поражаясь собственной реакции. Да, он, конечно, был крутым, но чтобы возбуждаться просто от взгляда на его руки?

Скай, так не круто.

Натан открыл дверь. Фред и Бинг с поилками, привязанными у них на спинах, тут же выскочили и унеслись куда-то за угол дома. Похоже, они точно знали маршрут.

Маршрут – узкая тропа, выющаяся между деревьев, – начинался на краю участка и уходил вверх. Собаки бежали впереди, то и дело останавливаясь, чтобы обнюхать скалу или ствол дерева. Они шли уже примерно час, Элла вслед за Натаном, и почти не разговаривали. Говорить на узкой тропе было неудобно, и Элли раздражало, что они не могут идти рядом. Она старалась не думать о том, что драгоценное время тратится впустую.

Натан поддерживал вполне терпимый темп. Он шел, держась руками за лямки рюкзака. На голове у него была низко натянутая шерстяная шапочка. Локоны темных волос, отросших после той стрижки, что была у него в передачах, выбивались из-под ее края. Время от времени он посматривал на небо и глубоко дышал носом. С каждым таким вдохом он, видимо, расслаблялся.

– Ты здесь в своей среде.

– Когда небо чистое, я просто не могу сидеть взаперти.

– Что вызывает у меня вопрос. Почему *Люкс Авеню*? Ведь у *Аутсайда* гораздо более подходящая тебе аудитория?

Он обернулся к ней через плечо:

– Дежавю.

– Что?

– В прошлый раз ты задавала этот же самый вопрос.

Она наступила на упавшую ветку с коричневыми острыми иглами.

– Возможно, каждый мой вопрос будет тем же самым. Терпение, помнишь?

– Знаю. Я стараюсь. – Он свистнул собакам. Они убежали довольно далеко и скрылись из виду, наверняка привыкнув, что обычно Натан ходит быстрее. На свист они повернули обратно к ним.

Солнце поднялось выше и светило довольно ярко. Его лучи отражались от снега. Элла ощутила на лице холодное тепло. Оно щипало, как сухой лед.

– У тебя есть солнцезащитный крем?

Он остановился на полушаге, и Элла врезалась ему в спину.

– Извини. – Он ухмыльнулся, и она улыбнулась в ответ.

– Крем там, в маленьком кармашке, – указал он себе за плечо.

Элла нашарила тюбик крема. Намазав лицо, она протянула его Натану. Тот мазнул кремом поперек бровей и по спинке носа, закрыл тюбик и вернул его Элле.

– Среди зрителей *Ближе к Природе!* шестьдесят процентов женщин, – сказал Натан, пока Элла застегивала рюкзак.

– И ты хочешь попасть в ту же категорию через *Люкс Авеню*? А что с мужчинами? Тридцать пять процентов – слишком много, чтобы ими пренебрегать.

– Мне наплевать на мужчин. Да если честно, мне и на женскую аудиторию наплевать. – Натан продолжил шаг. – Но *Люкс Авеню* – любимый журнал Стефани. Она читает его как библию, от корки до корки. Так было всегда.

– И ты хочешь, чтобы твоя жена прочла эту статью. Почему? – спросила Элла, вспомнив материал своего предварительного расследования. Натан со Стефани разъехались незадолго до смерти Карсона. Она прибавила шагу, чтобы догнать его. – Натан, а когда вы с ней общались в последний раз?

Натан резко остановился. Элла отступила вбок, чтобы снова не столкнуться с ним, и вместо этого врезалась в дерево. – Ой! –

схватила она за плечо.

Натан указал ей вправо.

– Смотри.

Она посмотрела. Между деревьями было видно, как склон горы резко уходил вниз, открывая широкое, голубое как топаз небо, расчерченное белыми следами самолетов крест-накрест, как для игры в классики. Деревья вокруг них расступались, открывая солнце. В небе парила птица, время от времени ныряя вниз, как акробат Цирка Дю Солей.

– Вау.

– Потрясающе, – широко улыбнулся он. – Никогда не надоедает.

– Могу себе представить.

– Там, где мы остановимся на обед, вид будет еще лучше. Я и хотел тебе его показать. Мы должны дойти туда через час.

– Сколько ты уже живешь тут?

– Я купил это несколько лет назад как место для отдыха. А переехал сюда совсем, когда Стеф ушла. – Он достал бутылку с водой. – Хочешь пить?

– Да, спасибо. – Она попила. Натан тоже напился и убрал бутылку в боковой карман рюкзака.

– А каким ты был в детстве? – спросила она, когда они продолжили путь, решив отложить на потом вопросы о том, почему он выбрал *Люкс*. – Ты всегда был тем парнем, какого мы видим в *Ближе к Природе!*?

– А как бы ты описала того парня?

– Адреналиновый фанатик. Живущий на максимальных скоростях. Не боится умереть.

– Неверное. Он боится не жить. Оглянись вокруг. – Он обвел рукой окружающий пейзаж. Они шли по покрытому снегом сосновому лесу. – Это похоже на жизнь на максимальной скорости?

Это было похоже на человека, который прячется. Старается исчезнуть с людских глаз, что нельзя было назвать жизнью. Но она не сказала ему об этом. Ей хотелось, чтобы он разговорился настолько, чтобы ему стало комфортно это делать. Тогда ей будет проще перейти к трудной теме про его сына. К тому моменту ему должно стать с ней легко. Снова, предположила она. И начала с более нейтральной темы про его родителей. Ну и, кроме того, ей хотелось узнать, каким было

его детство. Что сделало Натана таким, как сейчас? Человеком, проделывающим экстремальные вещи на камеру и показывающим их на весь мир.

– Расскажи о своих родителях. Я читала, твой отец был капитаном армии, – начала она.

– Да. Это из-за него я пошел после колледжа на несколько лет в спецслужбы. В детстве мы часто переезжали. И я больше привязываюсь к местам, чем к людям. Куда бы мы ни уезжали, я всегда мог рассчитывать, что Мать-Природа там будет.

Какая поэтическая мысль для такого прямолинейного человека.

Элла изучающе посмотрела на него. Сильные плечи и крепкие руки. Рабочие руки. Длинные ноги и привлекательный вид, к которому, надо признать, она не могла остаться равнодушной. Его личность притягивала, и, судя по тому, что она видела в его передачах, ему нравилось быть в центре внимания. Как и Дэмьен, Натан предпочитал иметь контроль над ситуацией. Наверняка он унаследовал это свойство от военного отца.

– Как ты рос с ними? – Она читала, что его отец, Джордж Донован, умер пять лет назад от обширного инфаркта. Его мать, Рей, живет на пенсии в Сан-Диего.

– Они делали все, чтобы каждый наш дом был крепостью, даже если это был военный барак размером с обувную коробку. Когда у папы был отпуск, мама всегда забирала нас с сестрой Хизер из школы. Мы садились в его пикап и ехали куда глаза глядят. Не выбирая направления и ни о чем не заботясь. Просто ехали, и все.

– Очень спонтанно. И твоя мама не возражала? – Элла подумала о своих родителях. Кроме дневных прогулок на пляж или в музей, они никогда не выбирались в настоящий *отпуск*, когда ты собираешь чемодан и уезжаешь куда-нибудь надолго. На это не было денег. Она также не могла представить свою маму где-нибудь на природе. Из того немногого, что Элла могла о ней вспомнить, мама предпочитала покрашенные ногти и высокие каблуки.

Тетушка Кейти несколько раз возила их с Эндрю в Диснейленд, но потом ей стало трудно путешествовать. Элла чувствовала, что была лишена этой части детства. Это была одна из причин, по которой ей так нравилось путешествовать вместе с Дэмьеном и по работе. Кроме

семестра в Германии, у нее не было возможности куда-то ездить, пока она не окончила колледж и не начала работать.

Если ей повезет и у них с Дэмьеном будут еще дети, она сделает все возможное, чтобы показать им весь мир.

– Моя мама была такой же авантюристкой, как и папа. А может, и большей, – объяснил Натан. Дедушка с бабушкой учили ее дома. Она выросла в Алабаме, в хижине на берегу озера, без электричества и водопровода.

– Звучит сурово.

– Она такой и была. Когда отец был на службе, она сама ходила с нами в поход. Однажды мы съехали с трассы на какую-то грязную дорогу и телепались по ней пару километров, пока она не остановилась и не сказала, что тут мы и проведем эту ночь.

– Среди пустого места?

– Среди пустого места, – повторил Натан. – Мы с Хизер взяли барахло, и мама увела нас еще на несколько сотен метров в лес, пока не нашла место, где разбить лагерь. Ночь была теплой, небо – звездным. Мы даже не стали ставить палатку, а просто заснули у костра. И все было прекрасно, пока в два часа ночи я не проснулся с пистолетом у лица. Я чуть не описался.

– Ух ты. – Она раскрыла глаза. – И что ты сделал?

– Ничего, по крайней мере прямо тогда. От страха я не мог пошевелиться. Это был огромный мужик с бородой. Он дернул маму за ногу и разбудил их с Хизер. Велел нам погасить костер и собрать барахло. А потом довел до машины и проследил, чтоб мы уехали.

– Вам повезло, что он больше ничего не сделал.

– Да, кроме шуток. – Он рассмеялся, вспоминая. – Думаю, что из всех тех мест, куда мы ходили в поход, половина была частной собственностью. А поймали нас только однажды, вот тогда.

– Твоя мама была лихая женщина. Они с отцом встретились в Тулане? – вспомнила она страницу из Википедии.

– Угу. – Он отвел в сторону низко висевшую сосновую ветку, чтобы Элла могла пройти, не оцарапав иглами лицо.

– Как бы ты описал их отношения?

– Безупречными.

– Да ладно. – Она поглядела на него с сомнением. Никакие отношения не могут быть безупречными. – Правда, что ли?

– В их случае – да. Родители были такими же, как остальные люди, со всеми недостатками. Но просто в их случае они идеально совпадали друг с другом. – В его тоне прозвучали ностальгия и легкое разочарование. Он явно завидовал своим родителям.

– Ты хотел, чтобы у вас со Стефани было похоже?

Тропа расширилась, и Натан смог идти с Эллой рядом. Он вздохнул.

– Стеф считала, что быть за мной замужем «дорого ей обходится». Это ее описание, не мое.

– То есть ты ее утомлял? – спросила Элла, пытаясь понять.

– Угу.

Элла могла это понять. Она бы тоже волновалась, если бы Дэмьен на постоянной основе прыгал из летящих самолетов.

– Она из-за этого ушла?

Остановившись, он снял рюкзак и поставил его на землю. Потер двумя руками лицо и глубоко вздохнул.

– С тобой все в порядке? – взволнованно спросила она, осознав, что вопрос про уход Стефани был бестактным. Любой другой знаменитости она задала бы его, не задумавшись. Было не важно, как сформулирован вопрос, если она получала на него нужный ответ. Но Натан явно болезненно переживал расставание, причем настолько, что хотел обратиться к своей жене через статью в журнале.

Отлично сработано, Скай.

Она велела себе в будущем быть осторожнее.

– Да, все нормально, – ответил он и указал ей на открывшийся вид. Он казался бескрайним. Она могла разглядеть только горные вершины, упирающиеся в голубое небо.

– Ты это хотел мне показать?

Он помолчал, глядя на нее в упор.

– Я хотел показать тебе это с первого дня нашей встречи.

Глава 14

Я хотел показать тебе это с первого дня нашей встречи.

Он прошептал эти слова, но все равно они были сказаны с таким выражением, как будто он не мог поверить, что она наконец здесь, с ним.

Такое и так говорится, только если этот человек что-то значит для тебя.

– У тебя совсем офигевший вид. Расслабься, Скай. Ничего особенного тут нет, – поддел ее Натан.

Но то, что она пришла сюда, явно много значило для него. От того, как он взглянул на нее, ее сердце забилося быстрее. Он отвернулся и начал звать собак. Они послушно пришли и сели у его ног, пыхтя и вывалив языки.

– В рюкзаке есть что-то на перекус. Возьми себе, – сказал он ей.

При упоминании еды у нее заурчало в желудке. Голова закружилась. Она не могла сказать, случилось ли это от голода, от высоты, от слов Натана или от того, как она их поняла. А может, немножко по каждой из четырех причин.

Порывшись в рюкзаке, она нашла пару яблок и пакетик сухой фруктовой смеси для походов. Вытащив их, она присела на плоский гранитный валун, пока Натан устраивал собакам поилки. Он делает вид, что не сказал ничего особенного, решила Элла. Это его любимое место для размышлений, он сам так сказал ей по пути. И она могла понять почему, с этим волшебным видом, таким широким и голубым, что, зажмурив глаза, можно было вообразить, что видишь вращение земли. Она сомневалась, что Натан приводил сюда кого-нибудь еще. Так кто же она ему?

Из каньона внизу налетел порыв ветра, и у Эллы по рукам побежали мурашки. Во время пути она вспотела, сняла куртку и повязала ее вокруг талии. Теперь она снова ее надела.

– Замерзла? – спросил Натан, садясь рядом с ней.

– Теперь нормально. – Она застегнула куртку и протянула ему яблоко. – Спасибо за угощение.

– Но тебе нормально? Не слишком трудно было идти?

Она привыкла к спускам и подъемам Русского Холма, и это было неплохой подготовкой. Но ее немного тошнило, возможно, от холода и высоты. Они отдохнут, и это должно пройти, но с утра у нее будет ныть все тело.

– Здесь очень красиво.

– Да. Я хожу сюда пару раз в неделю, но начал лишь в прошлом месяце, когда снег немного подтаял. Зимой сюда не дойти. – Он снял свою вязаную шапку и почесал голову. – Мне лучше думается на ходу.

Он доел яблоко и завернул огрызок. Элла добавила к мусору свой и вытащила из бокового кармана куртки диктофон. Пора начинать настоящее интервью. Время идет.

– Натан, – начала она.

– Погоди. Прежде чем ты начнешь запись, это правда, что ты сказала? – спросил он. – Что ты совсем не помнишь, как мы были вместе прошлым летом?

Она кивнула:

– И я не помню не только про интервью. Я вообще не знала про тебя, пока не позвонил редактор. Мне пришлось тебя гуглить.

Натан присвистнул:

– Ничего себе. И ты не знаешь почему?

– Я надеялась, что ты сможешь помочь мне.

– Каким образом? – Он кинул в рот пригоршню походной смеси.

– Между нами что-то произошло? – спросила она, зная, что ее вопрос небезопасен. Но она все равно хотела знать ответ, точно знать все, что начинала подозревать. О чем они говорили в горах? Они спорили? У них был роман? И поэтому она уговорила Ребекку отменить эксклюзив?

Не сводя с нее глаз, Натан медленно покачал головой:

– Я не могу представить, что могло бы заставить тебя забыть меня.

Элла взяла горстку сушеных фруктов.

– А что мы делали в прошлый раз?

Натан подтянул ноги к груди и поставил локти на колени.

– Ты вчера говорила, что не можешь найти свои записи.

– Ничего. Ни записок, ни записей разговоров. Ни телефонных звонков, ни автоответчика. И я не могу понять почему.

– А как ты думаешь, что случилось?

– Я это все удалила? Это единственное объяснение, которое приходит мне в голову.

– А что еще?

Она искоса взглянула на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты уверена, что удалила только меня?

– Нет.

– Я могу быть не единственным твоим заданием или человеком, о котором ты забыла.

Ее сердце упало.

– Ты не единственный. Я забыла о своем сыне.

Протянув руку, Натан отвел с ее лица прядь волос, которую закинул туда ветер.

– Мне очень жаль твоего сына, – тихо произнес он.

Элла зажала рот рукой и отвернулась. Сглотнув, она проглотила ком, поднявшийся в горле.

– Спасибо, – прошептала она.

– А как Дэмьен перенес все это?

Она откашлялась, на секунду удивившись, что он знает про Дэмьена. Хотя, конечно, он должен знать. Она носит обручальное кольцо. Он знает, что она замужем. Она, должно быть, упоминала его.

– Мы это толком не обсуждали.

– Отрицание? – спросил он. Элла пожала плечами. – Если хочешь, мы можем поговорить об этом. Раньше мы говорили.

Элла моргнула:

– О чем мы говорили?

– О Дэмьене. О твоих родителях.

– Я говорила с тобой о своих родителях? – тихо переспросила она. Она очень редко говорила с кем-то о своих родителях. Даже с Эндрю они редко их вспоминали.

– И что я о них говорила? – спросила она у Натана.

– Что они погибли в автокатастрофе, когда тебе было шесть, и что ты винишь в этом свою мать.

Элле показалось, что мир вокруг нее рушится. Она покачнулась. Как она могла рассказать что-то настолько личное человеку, у которого брала интервью?

– Эй, эй, – Натан поддержал ее за плечо. – Тише. Выпей-ка. – Он протянул ей металлическую фляжку с водой.

Она отпила примерно четверть и отерла рот рукой.

Элла на самом деле винила мать, но она не могла вообразить, с чего бы ей было рассказывать об этом Натану. Кроме Дэмьена, единственным человеком, которому она призналась в этом, была тетушка Кейти. Через несколько недель после гибели родителей, после того как соседи помогли тетушке Кейти забрать вещи из их квартиры и перевезти их в ее гараж, Элла наткнулась на коллекцию фарфоровых фигурок, которые принадлежали ее маме. Мамины родители каждый год дарили их ей по одной на день рождения. Фигурок было восемнадцать, хотя маме в год ее смерти было двадцать четыре. После того как она вышла замуж за отца Эллы, фигурки больше не появлялись. Мама была убита тем, что ее родители не приняли отца Эллы в свою семью, но все равно дорожила своей коллекцией.

Фигурки всегда стояли в антикварной витрине в их крошечной квартирке. Но после смерти родителей, когда все их вещи были запакованы и убраны, Элла не могла видеть ничего, что раньше принадлежало родителям, потому что ненавидела их за то, что они бросили ее. И особенно она ненавидела то, что любила ее мать.

Как-то вечером, когда тетя Кейти готовила ужин, Элла, тоскуя по родителям, забралась в гараж и стала рыться в старых коробках. Вдруг, когда она нашла в одной из них запакованные фигурки, ее охватила дикая ярость. Дикая, сверкающая злость выплеснулась на поверхность ее крошечного существа яростными слезами. Она начала хватать фигурки одну за одной и швырять их об стену гаража.

Кейти прибежала в гараж на звук бьющегося фарфора как раз в ту минуту, когда последняя фигурка, ангел с белыми крыльями, разлетелся на крошечные осколки. Фарфоровая пыль покрывала гаражный пол, словно свежеснеженный снег.

– И чем это ты тут занимаешься, Элла Скай? – закричала Кейти.

Элла не могла ответить. Ярость прошла, ее место заняла глубокая печаль. Она только что погубила мамину любимую коллекцию.

Мама побила бы ее мухобойкой и отправила без ужина в постель. Но тетушка Кейти опустилась на колени, крепко обняла Эллу и прижала ее к своей широкой мягкой груди.

Тетушка Кейти пахла печеными яблоками и свежим хлебом. Когда Эндрю и Элла переехали к ней, она начала постоянно печь пироги. Элла знала, что она делает это, чтобы порадовать их. Но в ту минуту Элле хотелось плакать и плакать. Она слишком долго сдерживала слезы.

– Ну-ну. – Тетя Кейти гладила ее по спине. – Ничего, Элла, ничего, расскажи мне. Почему ты разбила мамочкины фигурки?

– По... По... Потому, – всхлипывала Элла. Она смахнула слезы, вытерла руку о подол рубашки и попыталась еще раз: – Потому что... Я не знаю, – дернула она худым плечиком.

Тетя Кейти поджала губы.

– Я думаю, знаешь, но боишься сказать мне.

Элла поглядела на свои грязные кроссовки. Вообще-то они были белыми. А теперь стали серыми. Она крутила в руках подол рубашки.

Кейти подняла ее лицо пальцем за подбородок.

– Ты можешь сказать мне все. Но только честно. Честность – лучшая политика.

Элла не была в этом уверена. Она слышала последний разговор своих родителей. И то, что сказала мама, расстроило папу, и так сильно, что он не только убил их обоих, но едва не убил и Эллу с братом.

Так что Натан был прав: Элла винила свою мать.

Элла почувствовала, как ее глаза начинает жечь изнутри. Она быстро заморгала.

– Я очень давно ни с кем не говорила об этом.

Насколько она помнила, она не разговаривала об этом с тех пор, как рассказала об этом Дэмьену в первый год их брака. И то, что она говорила об этом с Натаном, могло значить только одно. Они были очень близки.

– Я знаю. Это ты мне тоже сказала. Как бы то ни было, – добавил он, протягивая ей горсть смеси, – ты ни в чем не виновата.

Элла сморщилась:

– Я не виню себя. Очевидно, что виновата была мама.

– Я не про твоих родителей говорю.

– А про что же?

Его взгляд опустился к ее животу и снова поднялся к лицу. Она ясно поняла, что он имеет в виду. Да, она винила себя в той аварии в

конце ноября. Но Натан не имеет права объяснять ей, что это не так. Он не знает, что произошло.

Но и она не знает тоже.

Элла скривилась. Пора сменить тему. Ей больше не хочется обсуждать свои проблемы. Она хочет поговорить о нем. Или о них. Да, вот хорошее начало.

Она отряхнула руки от остатков орехов и взяла диктофон.

– Не возражаешь, если мы начнем?

– Конечно.

– Запись, – начала она. – Что мы *делали* прошлым летом? Редактор сказала мне, что ты водил меня в поход?

Натан открыл было рот, но быстро закрыл его.

– Да, – подтвердил он, когда Элла помахала рукой, чтобы интервью все-таки наконец началось. – Мы встретились седьмого июня. Со смерти Карсона прошло восемь месяцев, и я все еще был в плохом состоянии. Я много ходил по ТПТ, это Тихоокеанская Перекрестная Тропа. Она начинается тут неподалеку. Думаю, это было своего рода проявление скорби. Но мне нужно было с кем-то поделиться, рассказать кому-то мою часть истории. И я позвонил в *Люкс Авеню*, предложил им эксклюзив, и они прислали тебя. Почему ты так на меня смотришь?

– Как?

– Как будто не веришь, – он удивленно улыбнулся.

– Я верю. Я имею в виду, редактор сказала мне, что мы ходили в поход. Я люблю походы. Такие, однодневные, вот как сейчас, – она кивнула на тропу. – Но я не могу представить себя в многодневном походе.

– Ты очень хотела получить эту историю. – Он потянулся к водяной фляжке и глотнул воды, улыбнувшись из-за края.

– И что, мы были в походе пять дней?

– Около того. Следующий вопрос.

Элле хотелось спросить, чем же они занимались оставшиеся девять дней, но, взглянув на часы, она вспомнила, что время поджимает.

– Хорошо. Вернемся к твоим родителям.

Они проговорили несколько часов, обсуждая его отношения с отцом. Когда он спрашивал, она делилась своими детскими

воспоминаниями, удивляясь, насколько ей с ним комфортно. Она рассказывала про Эндрю и о Грейс. Она не знала, повторяет ли она все это по второму разу, Натан ничего не говорил об этом. Он внимательно слушал и явно сочувствовал ей. Элла заметила, что чем больше она рассказывала, тем больше ей хотелось делиться с ним.

В какой-то момент Натан развернул бутерброды из черного хлеба с ростбифом и горчицей, и они поели. Около двух часов он посмотрел на небо и предложил отправляться обратно.

Поднявшись с валуна, он начал собирать мусор. Почуввав движение, Фред и Бинг поднялись, зевнули и, потянувшись по-собачьи, задними лапами, подошли к Натану, виляя хвостами. Он почесал им морды и надел на них поилки. Отдохнувшие собаки были готовы пуститься в путь.

Оттолкнувшись от камня, Элла поднялась и застонала. Застывшие мускулы сопротивлялись движению. Ноги горели. Наклонившись, она попыталась растянуть и размять их, готовясь к дороге.

Натан заметил ее действия.

– Что у тебя с ногами?

– Затекли. Наверное, я слегка себя переоценила.

– Тебе очень нужна была история, – поддразнил он.

– Как всегда.

Подняв руки, она наклонилась вправо, растягивая боковые мышцы. Шрам внизу живота отозвался острой болью. Она зашипела.

Натан внимательно посмотрел на нее.

– У тебя там болит?

– Нет, просто саднит. В твоем мешке с сокровищами найдется таблетка аспирина? – Она кивнула на рюкзак. Он продолжал смотреть на нее, но его взгляд был скорее рассеян, чем сфокусирован.

– Натан?

Он моргнул, потер глаза и провел рукой по лицу.

– Аспирин. Да, конечно, есть. – Он скинул рюкзак с плеч и начал рыться внутри.

– С тобой все в порядке?

– Да. – Расстегнув один из карманов, Натан резким движением вытащил аптечку. Казалось, он рассержен, и Элла подумала, что, возможно, он жалеет, что привел ее сюда. Это было его личное, тайное

место. Он проводил тут много времени. А теперь, придя сюда, он будет думать о ней и о ее нытье и жалобах.

Раскрыв банку аспирина, он вытряхнул ей в ладонь две таблетки.

– Ты, кажется, расстроен. Это из-за меня? – спросила она.

Он не ответил, упаковывая аптечку обратно.

– Не я предложила идти в поход, – напомнила она, запивая аспирин водой.

– Пей больше, – велел он. – Тебе нужна жидкость.

– Да-да, капитан, – она отдала ему честь бутылкой и пила, пока Натан не остался доволен. Не поднимаясь с колен, он глядел куда-то вниз, в долину. Он не пошевелился, даже когда Элла допила воду и протянула ему бутылку, чтобы убрать ее.

– Тук-тук, – помахала она сжатым кулачком перед ним, имитируя стук. – Есть кто-нибудь дома?

Он опустил голову и ругнулся сквозь зубы, потирая рукой подбородок. Затем поднялся, застегнул рюкзак, надел его на спину и поглядел на нее с сожалением.

– Я должен перед тобой извиниться.

– За что? – нахмурилась она.

– Я не подумал. Я не должен был тащить тебя сюда, так далеко. Ты не прошла акклиматизацию. – Он натянул свою вязаную шапку. – Но я-то профессионал. И я ожидал от тебя слишком многого. Я не должен был так далеко вести тебя.

Элла подумала, что, если бы он мог, он дал бы себе пинка. Он казался несчастным.

– Для записи – ты меня не тащил. Я же могла отказаться. Ты не силой меня сюда привел.

– Ну, я не дал тебе особого выбора.

– Верно. Но моя работа во многом состоит в том, чтобы наблюдать своих героев в действии. А когда мы сидим рядышком за столом, там особо не понаблюдаешь. Ты сделал наш день гораздо интереснее. У меня шумит в голове и ноют ноги. Ничего страшного, я переживу.

– И все равно это доказывает... – Он осекся и отвернулся. Посмотрел на часы: – Надо идти. Уже поздно. – Он повернулся и начал идти. Собаки побежали вперед, указывая дорогу. Элла не шевельнулась.

– Эй, Донован! – крикнула она ему вслед. – Доказывает что?

Он обернулся и сделал несколько шагов обратно.

– Что я так и не включил голову. – И продолжил путь.

– И ты поэтому прекратил *Ближе к Природе!*? – крикнула она.

– Давай шевелись, Скай. Солнце никого ждать не будет. А ты не захочешь проходить этот маршрут в темноте.

Нет, она не хотела. В темноте было легче легкого потеряться на этой неразмеченной тропе в белом окружении.

Она потрусилась за Натаном и собаками, не обращая внимания на протестующие мышцы, и быстро догнала их. А вскоре подействовал аспирин, и ей стало легче. На обратном пути они особо не разговаривали. Натан был мрачен, так что она предоставила его самому себе и старалась смотреть под ноги. Еще только не хватало вывихнуть ногу, чтобы Натан оставил ее тут одну, в темноте и холоде, а сам побежал бы к дому вызывать помощь. Или, что еще хуже, понес бы ее на себе. Ужасно унижительно.

Прижав руки к обветренным щекам, она посмотрела в небо, на котором медленно сгущались облака. И зацепилась носком ботинка за корень. Споткнувшись, она задела плечом валун. *Оххх*. Она схватилась за ушибленную руку.

– Элла, – резко отозвался Натан, внезапно возникший перед ней. Он помахал рукой перед ее лицом. – Смотри внимательно.

Она только моргнула, глядя на него. Ее движения стали медленными и сонными.

Произнеся несколько крепких слов, он стал хлопать себя по карманам, пока не нашел расплюснутый углеводный батончик. Вытащив, он резко сорвал с него обертку.

– Съешь это. Тебе нужно топливо. – Он ждал, пока она не доест. – Так лучше?

Волна глюкозы вошла в ее организм.

– Да, гораздо. Спасибо. – Там, наверху, она не доела свой бутерброд, потому что была слишком занята вопросами и ответами Натана.

– Это высота на тебя действует. Почему ты не сказала, что у тебя кружится голова?

Она потрясла головой, глядя для баланса на ствол дерева.

– Нет, она не кружится. По крайней мере, теперь. Я просто устала и замерзла.

– Это ничего. Как ты думаешь, ты сможешь идти или тебе надо еще отдохнуть?

– Нет, я в порядке. Пошли.

Они продолжили путь. Солнце уже начинало садиться, и вскоре его яркий шар скрылся между деревьев, а потом и вовсе исчез, окрасив небо в розовый и лиловый. Они подошли к дому Натана около пяти часов, и, увидев, как тропа выходит на его участок, Элла не хотела больше ничего, кроме горячей ванны и пописать в нормальном туалете. Господи, неужели она действительно провела в походе пять дней подряд?

– Можно, я перед отъездом зайду в туалет? – спросила она.

Он нахмурил лоб.

– Не уезжай. – Он подошел так близко, что ей пришлось откинуть голову, чтобы взглянуть на него. – Я хочу сказать, тебе не надо прямо сейчас садиться за руль. Отдохни. Поужинай со мной.

Элла поглядела на свою машину. В животе у нее бурчало. Она была голодна, а кроме того, если она останется, они смогут записать еще пару часов интервью.

– Конечно, я останусь.

Глава 15

Натан передвигался по кухне, готовя на ужин стейк с картошкой и спаржей. Он переоделся в выцветшие джинсы и зеленую фланелевую рубашку. Густая копна темных волос падала ему на лоб, когда он наклонялся, посыпая мясо специями и солью. Он мурлыкал, подпевая музыке, которая играла на заднем плане, «Light My Fire», и, казалось, был весь в своем внутреннем мире. Он явно привык жить один. Элла сомневалась, что он часто принимает гостей.

Она наблюдала за ним, сидя за столом, и пыталась сложить цельный образ из кусочков, которые успела собрать за те часы, что провела вместе с ним вчера и сегодня. Тот, с кем она ходила в поход, был более осторожным и закрытым, чем тот, с чьей холодной грубостью она столкнулась вчера. А сейчас он казался расслабленным, в своей тарелке. И все три версии сильно отличались от его экранного образа и человека, которого она думала увидеть. На экране он был уверен в себе. В каждом эпизоде он четко решал поставленную задачу, руководя своими гостями вежливо, но твердо, демонстрируя большой опыт. Он никогда не упускал, что веревка зацепилась за что-то при спуске с горы, или что кто-то поскользнулся на мелком гравии, идя по дорожке не шире человеческой ступни над высоким провалом, потому что эти мелочи могли стоить им с гостем жизни. И, каким бы напряженным он ни был в этот момент, в следующий он мог выдать забавную шутку. И его сияющая улыбка освещала весь экран.

Сегодня же перед ней была лишь тень этого человека. Натан, который вел их сегодня по маршруту в горах, сомневался в собственных возможностях. И как он был зол на себя, когда ошибся в своем предположении, что она готова к походу.

Элла включила компьютер, ввела пароль от вай-фая, который дал ей Натан, и начала быстро печатать заметки о сегодняшнем разговоре. Она загрузила записи с диктофона и сохранила все в облаке. Она не собиралась лишиться своих записей во второй раз.

Натан понес блюдо со стейками и спаржей к раздвижной стеклянной двери на террасу. – Если понадобится, я буду снаружи.

– Поняла, – ответила она, встав, чтобы помочь ему открыть дверь. Когда он выходил, в комнату ворвался порыв ледяного ветра. Она поежилась и обхватила себя руками. Закрыв за ним дверь, она осталась у окна, наблюдая за ним.

Натан поставил блюдо на стол и поднял крышку гриля. Оттуда поднялся столб дыма, быстро унесенный ветром. Он подготовил решетку, отскребая ее от сгоревших остатков предыдущей готовки, положил стейки, закрыл крышку и стоял там, на холоде и ветру, сложив руки на груди и глядя куда-то в лес. На что он смотрел? О чем думал?

Поднявшийся из долины ветер налетел на дом. Он ударил в окна, которые заскрипели и задрожали в ответ. Рубашка Натана надулась, волосы поднялись.

Как ему не холодно?

Элла снова поежилась, несмотря на включенное отопление.

Мазохист.

Слово возникло у Эллы в голове, и она быстро начала формулировать свои впечатления о Натане. Он ищет боли. Хочет прочувствовать ее острые грани. Хочет прожить и продышать свои потери. Но если он продолжит замыкаться в них, то рискует так и провести всю оставшуюся жизнь тут, спрятавшись среди гор. Забытым.

Элла поняла, что должна написать свой эксклюзив до того, как это произойдет. Иначе фанаты могут его потерять. Она может его потерять.

Ого.

Она отступила от окна, словно стекло обожгло ее.

Откуда взялась эта мысль?

Недостаток кислорода. Это все влияние высоты на мозг, решила она.

Она вернулась к своим заметкам и стала диктовать их, потому что это было быстрее, чем записывать.

Спустя какое-то время Элла была полностью погружена в свои мысли. «Я считаю, Натан...»

Дверь отползла в сторону, впустив струю холодного воздуха. Вошел Натан, пахнувший дымом, соснами и жареным мясом, и закрыл за собой дверь. Элла выключила диктофон.

– Не прерывайся из-за меня. – Натан поставил блюдо со стейками и укрыл его фольгой. Подошел, сел за стол напротив нее и наклонился, опершись на руки. – И что же ты думаешь обо мне? – Он кивнул на диктофон, побуждая ее продолжить. Это был вызов.

Подняв бровь, она нажала клавишу записи.

– Я думаю, Натан идеализирует жизнь, которую он вел с родителями. Он пытался восстановить ее в своей семье, со своей женой Стефани, но ему не удавалось.

Натан нахмурился, плотнее упираясь подбородком в руку.

– Жестко.

– Правда может быть жесткой.

– Ты жесткого мнения обо мне.

– Я не приходила к такому выводу раньше?

Натан нахмурился сильнее.

– Нет. – Он отвернулся. – Не знаю. Ты не диктовала у меня на глазах. Уходила подальше.

– Ну так, может быть, я думала так же, но не говорила тебе. А может, сказала, и ты из-за этого отозвал статью, – продолжила Элла, осененная внезапной догадкой. – Тебе не понравилось то, что ты услышал.

Он сложил руки на груди.

– Я не поэтому ее отозвал.

Глаза Эллы расширились. Так это был он, не она.

Ребекка сказала, что больше не даст Элле снова убить статью, но Элла даже ради собственной жизни не могла представить, почему она убила ее в первый раз, если только у нее не было какой-то очень важной причины.

Если только этой причиной не был Натан. Он мог убедить ее. Но почему?

– Почему ты отозвал ее, Натан? Что случилось?

Он встретился с ней взглядом.

– Ты злишься.

– Нет, я расстроена. Ну, ладно, немного раздражена. Я думала, что это я убила статью, а оказалось, это был ты. Почему? – с нажимом спросила она.

– Сожми эту штуку еще крепче, и ты ее сломаешь, – кивнул он на диктофон в ее руке.

Она взглянула на диктофон и заставила себя разжать руку.

– Извини.

Переведя дыхание, она сделала вид, что читает свои заметки. Она была расстроена, что не может ничего вспомнить, и сорвалась на Натана. Ну и то, что он привлекал ее физически, тоже не способствовало. Интересно, она и раньше чувствовала то же самое? Дала ли она волю своим чувствам? И если да, знал ли об этом Дэмьен? Это могло бы объяснить, почему он так настаивал на отказе от интервью. Но не был ли бы он тогда еще настойчивей? Не сказал ли бы ей о том, что у нее был роман?

Нет, решила Элла. Ничего у нее с Натаном не было. Она бы не стала так поступать с Дэмьеном.

Она глубоко выдохнула и опустила диктофон.

– Извини, – повторила она.

– Извинения приняты. Продолжай, пожалуйста. Я хочу это слышать.

– Хорошо. – Элла искоса взглянула на него, собираясь с мыслями, и сжала руки. Натан выжидательно наблюдал за ней, и это добавляло ей нервозности. Вероятность, что он снова убьет статью, если услышит то, что она хотела сказать, была более чем реальной. Она вытерла руки о бедра и начала говорить в диктофон, не отводя глаз от своих заметок, чтобы лучше сосредоточиться.

– Когда человека возводят на пьедестал, что, как я понимаю, Натан сделал со своей женой, и одновременно сравнивают его с двумя самыми важными людьми в своей жизни, со своими родителями, Стефани не оставалось другого пути, кроме как вниз. Я думаю, у нее не было шансов оправдать ожидания Натана.

– Я никогда ничего не ожидал от нее.

– Ты хотел, чтобы ваш брак был таким же, как у твоих родителей, – возразила она.

– Ну да.

– Но она была из другого теста. И ты начал осуждать ее за то, что она не похожа на твою мать.

– Я любил Стеф и любил родителей. Я никого не идеализировал. Я восхищался ими, – попытался он защититься.

– Ты их романтизировал. По крайней мере, в нашей сегодняшней беседе. Ты не упомянул ни единого недостатка.

– Да у них было полно недостатков. Мама ненавидела домашнее хозяйство и не знала арифметики. Она была худшим учителем в мире. Отецпил лишнего, ел всякую дрянь и слишком много смотрел телевизор.

– Это внешние недостатки. Стефани же из Нью-Йорка, верно? Она никогда не уезжала с Манхэттена дольше, чем на пару недель, пока ты не встретился с ней на той вечеринке? – Элла порадовалась, что прочитала о Стефани все что могла. Она была знакомой издателя Натана, и он признался в одном из интервью, что, едва увидев Стефани, понял, что это его женщина. Они поженились и уехали в Колорадо, где жили в Скалистых горах, в часе езды от ближайшего города.

– Нельзя вот так взять городскую девушку, бросить ее посреди леса и ждать, что она вся расцветет. Ты много путешествовал, а она сидела одна в горах. Ей не нравилось одиночество, которого жаждал ты. Она хотела вернуться в Нью-Йорк, но ты отказывался ехать с ней. – Все это Элла прочла в *New York Post*. Статья вышла примерно в то время, когда все узнали, что они разъехались.

– И вот, ты был женат на женщине, которой хотел подарить весь мир и которая терпеть не могла то, что ты обожаешь. Твою гонку за адреналином. Я по себе знаю, что адреналин сильная штука. Когда мне было двадцать, я бегала марафон и попробовала, что это такое. Стефани стала отстраняться от тебя. Но вместо того чтобы пойти ей навстречу и как-то изменить свою жизнь, ты продолжал делать свое. Что же насчет твоего сына...

– Что насчет него? – резко спросил Натан.

Элла знала, что давит на него. Тема Карсона была очень болезненной, но она хотела вызвать реакцию. Только так она поймет, каков этот человек на самом деле. И еще она хотела, чтобы он поделился с ней тем, чем отказывался делиться Дэмьен. Своим горем.

– Я уверена, ему нужно было твое внимание. Чего бы он ни сделал...

– Хватит, – глухо сказал Натан.

Она замолчала. Между ними повисла тишина. Его руки сжались в кулаки, а нога под столом задергалась. Его взгляд упал на диктофон.

– Эта штука еще работает?

Элла взглянула на приборчик у себя в руке. Электронные цифры бежали.

– Да, а что? Ты не хочешь слышать то, что я говорю? Потому что у меня есть теория. Ты пригласил меня, чтобы я написала статью о твоей тихой простой жизни. Жизни без рисков и адреналиновых пиков. Ты хотел показать Стефани, что можешь быть таким, как ей нужно. Ты думал, если она прочтет твою статью и увидит тебя тут, таким, то вернется к тебе. Я угадала?

Натан даже не моргнул. Элла открыла рот, чтобы продолжить, но, прежде чем она успела сказать хоть слово, Натан выхватил у нее диктофон, выключил и швырнул на стол.

Элла уставилась на свою опустевшую руку.

– Больше никаких вопросов.

– Разве я здесь не для этого?

– Я не приглашал тебя интервьюировать меня. Я пригласил тебя поужинать.

Хотя это он сам и предложил ей продолжить запись, она решила не напоминать об этом. Он не отрывал от нее взгляда, и, вздохнув, она убрала диктофон. Натан шумно выдохнул.

Но не отвел от нее глаз.

– Спасибо, – сказал он, поднимаясь. – А теперь давай есть. Я не хочу разогревать стейки заново.

Глава 16

– Можно задать тебе личный вопрос? – спросил Натан.

Они поужинали и перебрались в кухню. Натан споласкивал посуду, а Элла ставила ее в посудомойку. Он не хотел, чтобы она помогала убираться, но она настояла. Он готовил ужин, а она должна была сделать хотя бы это. После похода она была зверски голодна. Она мгновенно проглотила свой стейк, и они выпили бутылку бургундского. Возможно, ей не стоило пить второй бокал, и не только потому, что предстояло возвращаться в отель по узкой петливой дороге в темноте. Скорее она искала для себя повод задержаться подольше, чем было необходимо из рабочих соображений.

– Да, конечно. – Элла ставила приборы в специальную корзинку, следя, чтобы вилки стояли зубцами вниз.

– Это про Дэмьена. Как он относится к твоей потере памяти.

– Я думаю, он злится на меня, – вырвалось у нее прежде, чем она успела подумать. Она нервно засмеялась. До нее дошло, что ее ответ точно совпадал с предположением, которое она сделала про Натана со Стефани.

Натан поднял брови:

– Он сам тебе так сказал?

– Я чувствую. – Дэмьен себе такого бы не позволил. – Как он на меня смотрит. Мне все время кажется, он пытается вычислить, что я собираюсь сделать. Он стал... – Она осеклась на половине фразы и улыбнулась, осознав, что собиралась сделать. Что она делала. Чтобы отвлечься и больше ничего не сказать, она поправила бокалы в верхнем уровне посудомойки. Последнее, что она должна была делать во время работы, – это жаловаться на своего мужа. Да к тому же другому мужчине. Да еще тому, кто очень ей нравился.

Но если быть честной, последние три месяца она действительно ощущала себя обрывком кода, который Дэмьен встраивает в апгрейд своей программы. Как он будет себя вести? Обрушит ли всю систему? Нарушит ли работу программы?

Натан терпеливо ждал.

– Понимаешь, мне не так грустно и больно, как ему, – попыталась она объяснить. – Трудно ожидать этого от меня, если я не помню того, о чем надо грустить. А он думает, что я легко отделалась.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, он думает, я нарочно заблокировала свою память.

Натан казался заинтересованным.

– А так можно?

– Подсознательно, да. Я много читала об этом, пытаюсь разобраться, что происходит. Мозг блокирует воспоминания или часть воспоминаний, или даже меняет их, когда человек не может выносить трагедию. Я так поняла, что если я буду больше об этом говорить и погружусь в привычную обстановку со знакомыми людьми, то моя память вернется. Но штука в том, что ничего из моей беременности не кажется мне знакомым – ни одежда, ни детская, которую я не успела докрасить, ни медицинские отчеты о моих проверках и об аварии, ни даже счета, которые мы оплатили. Все это как будто не мое.

– Это тяжело. Я помню такое с Карсоном. Оплачиваешь больничные счета и видишь сверху его имя. И понимаешь, что его нет и я его никогда не увижу. И такого было много, разного. Хуже всего было складывать в коробки его одежду и любимые игрушки. – Он издал тяжелый вздох. Элла коснулась его руки.

– Я думала, мне тоже будет тяжело все это, а мне не было, – сказала она, беря сполоснутое им блюдо и пристраивая его на нижнюю полку машины. – Читать эти отчеты было все равно что готовиться к очередному интервью. И то же самое со счетами. Как будто это все про какого-то дальнего родственника. То есть мне не было все равно, но эмоциональной связи с Саймоном я не ощущала.

В любом случае, – махнула она рукой, возвращаясь к изначальному вопросу Натана. – Дэмьен почти не говорит со мной ни про аварию, ни про выкидыш, так что это не помогает. Иногда мне кажется, что он хочет считать, что этого вообще не было.

Натан издал странный звук где-то глубоко в горле.

– Что?

– Я ничего не сказал, – он протянул ей тарелку, и она поставила ее в машину.

– Ты издал такой странный звук горлом.

Он вздохнул, бросил губку в раковину и повернулся к ней:

– Он хотел бы сделать то, что сделала ты. Забыть.

Дейви тоже говорила ей что-то похожее. Ей повезло. Зачем она так хочет вспомнить то, что принесет ей только боль и горе? Может быть, Дэмьен прав. Действительно ли она так хочет получить память назад?

Да. Потому что думает, что тут была какая-то особенная причина, чтобы забыть. Что-то, чего она не должна помнить. В голове всплыло замечание Дэмьена там, в больнице.

Ты не должна была забыть Саймона.

Дэмьен что-то знает. И не говорит. Вернее, не хотел говорить, пока она не сказала ему про интервью с Натаном Донованом.

– А ты бы хотел забыть, чтобы не испытывать такую боль? – спросила она.

– Нет. Но иногда, по ночам, когда я не могу спать, я бы хотел... – Его голос прервался.

– Ты бы хотел, чтобы этого никогда не было и ты бы мог забыть, что оно было? – предположила она.

– Это ужасно. Заставить себя поверить, что у меня никогда не было сына, чтобы прожить следующий день? Или поспать хотя бы одну ночь? Я говорю как козел.

– Нет, нисколько. Ты говоришь как живой человек. Боль никогда не уйдет, Натан. Ты должен существовать, так что ты научишься жить с ней или похоронишь ее. Никто не знает, может быть, они все правы. Может быть, я должна считать это благом и возносить благодарности за то, чего не помню. Я уже теряла близких, и пережить их смерть было совсем непросто. Вообще-то я не уверена, что мне удалось.

– Ты думаешь про Грейс?

– Я рассказывала тебе про нее? А что именно? – спросила она, снова удивляясь тому, насколько она была откровенна с ним прошлым летом. И она не могла понять, что чувствует по этому поводу. Неловкость? Да. Озабоченность? Определенно. Потому что это значило, что Натан был ей не чужим.

Она схватилась рукой за стойку, и Натан легко погладил ее по руке большим пальцем. Это прикосновение отдалось в ней, словно удар током, и вернуло ей осознание его близости – его роста, и ширины плеч, запаха фруктов в дыхании от выпитого вина, и неуловимого аромата дыма, ввевшегося в ткань рубашки во время возни с грилем.

Она сглотнула и заставила себя смотреть ему в лицо, а не на свою руку, где она еще ощущала прикосновение грубой и твердой кожи его пальцев. Возможно, это от рубки дров. Господи, какое клише. Но за домом действительно лежала огромная куча наколотых дров. Кто-то же должен был их наколоть.

– Ты рассказывала, что потеряла ее в старших классах школы и что винила ее отца, но и себя тоже. Ты не говорила почему, только что она покончила с собой в твоём доме.

Элла отдернула руку. Ого! Она ему это рассказала? Быстро взглянув на кухонные часы, она потерла руку там, где он коснулся ее.

– Уже поздно. Мне надо ехать.

– Ты можешь остаться, если не хочешь ехать по темноте.

– Спасибо, но я доеду, – неловко улыбнувшись, она пошла к обеденному столу.

– Я тебя испугал. Слишком много наговорил. – Он направился за ней.

– Нет, просто уже поздно. – Но да, он испугал ее. Ей стало страшно, насколько она открылась перед ним. И как легко она могла к нему привязаться. И, судя по всему, не в первый раз.

Он понимающе кивнул и отошел, давая ей пройти.

– Я тебя провожу.

Элла собрала свои вещи. Она еще раньше переделалась в свой свитер и узкие джинсы, сложив походную одежду и оставив ее в ванной вместе с ботинками. Она не чувствовала эту одежду своей и не хотела брать ее с собой.

– То, что ты раньше сказала про Стефани... – вдруг сказал Натан, когда она уже скидывала сумку на плечо. Он пошел за ней к двери. – Ты была права. Я хотел такой брак, как у родителей. С первой же минуты, как я увидел ее, я знал, что у нас нет ничего общего. Но я хотел показать ей мир так, как видел его сам. Как большое приключение. Она была городской девушкой, даже горных ботинок никогда не носила, пока мы не встретились. Я думал, что смогу привить ей любовь к природе.

– А она сопротивлялась.

– Ну да, и я злился на нее за это. Могла же она хотя бы попытаться?

Элла поняла, что вопрос был риторическим, и не стала отвечать. Может быть, Стефани и пыталась, а он не замечал этого, потому что был где-то далеко. Они вышли на холодный вечерний воздух и подошли к ее машине.

– Завтра в то же время? – спросила она, засовывая сумку на заднее сиденье.

– В восемь утра.

– Договорились, увидимся утром, – сказала она, подавляя зевок. Села в машину и завела мотор. – Доброй ночи, Донован.

– До завтра, Скай. – Закрыв дверцу, он постучал в окошко. Она опустила стекло. – Одевайся тепло.

– Зачем? Что ты задумал? – Пожалуйста, только не еще один долгий поход. Даже притом, что пейзаж был великолепен, а горный воздух бодрящ, они потеряли на этом походе несколько часов. И слишком много прошли ногами, вместо того чтобы пройти это в интервью.

Он ухмыльнулся.

– Не скажу. Рули осторожно. – Он хлопнул по крыше машины и отошел, давая ей место развернуться.

– Только оставь мне побольше времени для интервью! – крикнула она из окна, проезжая мимо. У нее остался только один день.

В отеле Элла хотела только одного – отогреться в горячей ванне и рухнуть спать. Но надо было работать – надиктовать сегодняшний материал и подготовить вопросы на завтра. Еще ей хотелось узнать, как там Дэмьен. Она выключила телефон, чтобы не отвлекаться во время записи и позже, за ужином.

Она включила его, и экран заполнился извещениями. Автоответчик от Дэмьена, сообщение от Эндрю – он получил финансирование для ComeOver Rover. Буум! С миллионом восклицательных знаков. За ним тут же было еще одно – с пятью картинками бомб. Он хотел, чтобы она сказала Дэмьену, что на ТиндерГов есть рыночный спрос.

Элла закатила глаза. Мог бы написать Дэмьену сам.

Кстати, от Дэмьена были пропущенный звонок и три сообщения.

Впереди долгий день. Все идет к чертям.

Прости.

Поговорим вечером? Я все расскажу.

Наверное, за этим он и звонил.

Она посмотрела на время. Девять тридцать вечера, шесть тридцать утра в Лондоне. Он уже встал и, возможно, уже на работе. Она позвонила, но попала на автоответчик.

Она оставила сообщение. «Привет, жаль, что не застала тебя. Позвони, когда сможешь. Я еще не ложусь. Люблю».

Но он не перезвонил за то время, что она разобралась со своими заметками и приняла ванну. Когда она легла и погасила свет, звонка еще не было, и она попыталась сама позвонить ему, но снова попала на автоответчик. В этот раз она не стала оставлять сообщение.

Все идет к чертям.

Она знала, что он говорит о работе, но не могла не думать, что это относится и к ним тоже. Лежа на спине под одеялом, Элла смотрела в темноту комнаты, стараясь не углубляться в мысли о том, что они с Натаном так и не обсудили свою предыдущую встречу и что целый день с ним так и не помог ей вернуть воспоминания. Но многое ей объяснил.

До того раза Дэмьен никогда не просил ее отказаться от задания. Он никогда не просил ее отменить или перенести интервью. Она тоже никогда не позволяла себе говорить ему что-то про работу.

Повернувшись на бок, она включила прикроватную лампочку. Комната осветилась теплым светом. Покопавшись в сумке, Элла вытащила кошелек. Там, в кармашке, была последняя записка от Дэмьена. Со дня их свадьбы он всегда писал ей записки. Для этого не было никакой специальной необходимости, только показать ей, что он любит ее и всегда думает о ней. Записки появлялись нечасто, и в их появлении не было никакой системы. Они могли прилагаться к новому телефону или к маффину, который он купил ей по пути. Он приклеивал их на зеркало. *Доброе утро, красавица.* Однажды она нашла сложенный листок со смятой маргариткой в кармане пальто. *Скучал по тебе утром на пробежке. Она напомнила о тебе.* В тот день Элла поздно легла и утром хотела спать. У Дэмьена на пути была вилла в

викторианском стиле. Элла всегда замечала куст маргариток в ее ухоженном палисаднике – большой и пышный, и желтые маргаритки сияли, как маленькие солнышки.

Через неделю после возвращения из больницы Элла наткнулась на конверт, набитый записками Дэмьена. Она нашла его на дне ящика с бельем. Дэмьен писал ей эти записки во время беременности. Читать их было больно, и не потому, что она не помнила их. Они излучали восторг и нетерпение Дэмьена по поводу появления Саймона. Они были почти осязаемы. Так же, как и его любовь к ней и их ребенку. Это чтение разбивало ей сердце и заставляло думать, знает ли она своего мужа на самом деле. Человек, писавший эти записки про Саймона, был не тем, за которого она выходила замуж. Тот человек не хотел детей.

Элла развернула в руке эту, последнюю записку от мужа. Лимонно-зеленая клейкая бумажка, которую он оставил на руле ее нового «Рейндж Ровера», купленного ей в декабре вместо разбитого предыдущего. В записке было одно слово. Простое, но такое мощное и полное смысла. *Останься*. То же самое он сказал ей утром после их встречи. Тогда она осталась в первый раз. Раньше она даже не задумывалась об этом. Но в этот раз...

Она прижала записку ко лбу, закрыла глаза и прошептала: «Прости меня».

Потому что Натан был не просто какой-то новой музыкальной звездочкой, интервью с которой она могла бы с легкостью перенести на другой день. Дэмьен четко дал понять ей, что не хочет, чтобы она проводила время с Натаном. А когда Элле говорили, что чего-то нельзя, она, как правило, поступала наоборот. Потому что была любопытной, и это было в ее природе.

С учетом взглядов, которые кидал на нее Натан, и ее собственной физической реакции на него, не нужно было иметь докторскую степень, чтобы сложить два и два.

У них с Натаном была история. История, которую Дэмьен прекрасно знал и не хотел ей рассказывать.

Отмени интервью и поезжай со мной, сказал Дэмьен.

Что же он знал?

Глава 17

Следующим утром Элла проснулась с призраком губ мужчины, целующих ее шею, и тенью его рук на своем теле. Жесткие кончики пальцев скользили между грудей, спускались к животу, порхали по бедрам. Она чувствовала в себе его тепло. Все было настолько ощутимо, что казалось не сном, а скорее воспоминанием, где все было живым и объемным, от ощущения его кожи до звука дыхания. До самого его вкуса.

И этот мужчина был не Дэмьен.

Элла широко раскрыла глаза.

На прикроватных часах горели красным цифры: 7:05 утра. Ее тело сияло от остатков сна и слегка ныло, но не так, как накануне. Голова была полна непристойных мыслей о Натане. Усилием воли она прогнала их, заставляя себя думать о муже. Она разочарованно взглянула на телефон. Дэмьен так и не перезвонил. Она быстро отправила ему сообщение – *Позвони, я проснулась* – и встала с постели.

После душа и быстрого завтрака в кафе – от Дэмьена так и не было ни сообщений, ни ответа, когда она сама попыталась ему позвонить, – Элла приехала к Натану в восемь десять. Она опоздала на десять минут, и он уже был готов к выходу. Он как раз ставил дорожный холодильник в багажник своего «Шевроле Сильверадо», когда Элла припарковалась рядом. К его грузовику был прицеплен открытый прицеп, а на него был погружен двухместный снегоход.

О, черт, нет.

Элла любила приключения. Но у нее был дедлайн. Как, он предполагает, она должна брать у него интервью, летя вместе с ним по сугробам? И где-то внутри себя она чувствовала, как будто предает Дэмьена. В первый год после свадьбы они собирались поехать кататься на снегоходах в Вэйл, но утром после Дня благодарения она проснулась в панике, и Дэмьен отменил поездку. Вместо этого он провел весь день с ней, читая у камина, и она обещала, что они поедут в другой раз. Но этот раз так и не наступил. С тех пор они в Вэйле не были.

Элла опустила стекло, и Натан ухмыльнулся ей.

– Доброе утро.

Она указала глазами на прицеп.

– Ты же это не всерьез, да?

– Когда речь идет о снегоходе, я всегда серьезен на все сто.

На нем были серые стеганые штаны и прочные сапоги. Он прихлопнул ладонями, и было видно, как он дрожит в предвкушении.

– Нормальные люди начинают день с кофеина, – жалобно сказала она. Натан же явно предпочитал адреналин. Чего стоили все ее предположения о его тихой жизни без риска.

– Давай паркуйся. Мы готовы, сейчас выезжаем.

Она прищурилась:

– Ты обещал мне интервью, Донован.

– Ты получишь свои ответы, Скай.

– И про нас тоже, – настойчиво сказала она, вспомнив свой сон-явь. – Я хочу узнать все.

Он стянул свою вязаную шапку и, взлохматив волосы, посмотрел себе под ноги.

– Ага, конечно, это ты тоже узнаешь, – ответил он, взглянув ей прямо в глаза. Элла резко втянула воздух, внезапно поняв все. Теперь она знала, почему Дэмьен не хотел, чтобы она ехала и почему Натан так вел себя с ней в момент приезда. Его выражение сказало ей все. Утренний сон? Это был вовсе не сон. Это было воспоминание. У них с Натаном был роман.

Черт тебя побери, Дэмьен, что ты не сказал мне об этом.

Она должна была немедленно развернуться, уехать и уже с дороги позвонить Ребекке. Настоять, чтобы та передала интервью Джордан или вообще отменила его. И черт с ней с работой. Ее брак важнее.

Но Натан... Ей так хотелось узнать, что же было прошлым летом и как это связано с ее амнезией. Это должно быть связано. И еще ей хотелось понять, почему же Натан не сказал ей об этом сразу. Он скрывал от нее правду ничуть не лучше Дэмьена.

У нее не было выбора – в этом надо было разобраться.

Элла подняла стекло и запарковала машину. Выйдя, она услышала, как в доме лают и воют Фред и Бинг. Они стучались лапами в окно.

– Ты не берешь собак?

– Не в этот раз. – Он открыл ей дверь и похлопал рукой по кожаному сиденью. – Залезай.

Она забралась в грузовик.

Натан коснулся ее руки.

– Как ты сегодня?

– Немного ноют мышцы. Но все нормально.

Он слегка виновато наморщил брови.

– Прости, если я вчера перестарался.

– Да нет. Я в форме, просто, наверное, не привыкла к высоте.

У тебя тут очень красиво.

Он поднял голову с легкой улыбкой.

– Спасибо. Я люблю эти горы.

Элла вдохнула и улыбнулась.

– Я забыла, как люблю запах хвои. Он напоминает мне детство и Рождество. Тетя Кейти брала нас с Эндрю на еловые фермы в горах Санта-Круз. Она была старой, а мы маленькими, и надо было просить чьего-нибудь отца срубить там дерево и положить на нашу машину. А потом она стала болеть и ей было трудно даже украшать елку. Тогда мы с Эндрю ходили на елочный базар и приносили елку оттуда. Тетушка сидела в кресле и говорила нам, куда какую игрушку вешать. Думаю, я не была на еловой ферме лет с одиннадцати.

Нахмурившись, она опустила взгляд к своим сложенным на коленях рукам в кожаных перчатках. Слегка улыбнулась и в изумлении покачала головой:

– Не понимаю, почему я тебе это рассказала.

– Это хорошее воспоминание.

– Да. – Она улыбнулась шире. – Я люблю горы, но я скажу тебе один секрет.

– О, какой же?

– Я не любитель холода. Я даже из города стараюсь уехать в сезон туманов.

Он рассмеялся:

– Ты привыкнешь.

– Ну, твоя кровь погуще моей. – Она указала на его стеганые штаны. – А мне будет нормально в джинсах?

– У меня на заднем сиденье еще пара для тебя. Можешь надеть поверх джинсов.

– Моего размера? – осторожно спросила она, думая, какие же еще ее вещи были у него.

– Нет, эти мои. Но мы не будем сегодня ходить, так что можешь не волноваться, что они с тебя упадут. – Он улыбнулся одними глазами, вокруг которых собрались морщинки, схватил ее ремень безопасности за пряжку и вытянул его вперед.

– Пристегнись, Скай. – Натан захлопнул ее дверцу, обошел машину и уселся на водительское место.

– Куда мы едем? – спросила она. Мотор грузовика взревел под капотом, словно пробуждающийся зверь.

– Есть тут одно местечко примерно в часе езды.

– Так далеко? – Она почти увидела, как ее время уходит впустую.

– Недалеко. Мы поедem медленно. Придется ехать окольными дорогами.

Он включил передачу и отпустил тормоз, не отрывая глаз от заднего зеркала, проверяя, что прицеп едет за ними. Удостоверившись, что он прицеплен, а снегоход надежно закреплен, он пристегнул свой ремень, и они поехали.

– Дорога закрыта для людей в это время года, но я знаком с дежурным егерем, – объяснил он, протянув руку к кондиционеру. – Тебе тепло?

– Сейчас да. – Теплый воздух дул ей в лицо. Она отвернула вентилятор и сняла куртку, сложив ее на коленях.

– Под сиденьем есть кнопка нагрева, если надо, – сказал он, потирая руки и дуя в сложенные ладони. – Ты готова повеселиться?

– А ты готов поговорить?

Он рассмеялся и покачал головой:

– Расслабься ты, Скай. Потом будет полно времени.

Они ехали около часа по узким неровным дорогам, пока не доехали до конца одной из них. Дорога была перекрыта железными воротами. Знак «Проезда нет» висел на одном из углов, желтая краска местами облупилась. За воротами был нетронутый снежный покров. Натан развернулся так, что прицеп оказался возле ворот, и выключил мотор.

– Ты уверен, что так можно? – спросила Элла, глядя в заднее окошко. Дорога с другой стороны ворот, спрятанная под снегом, уходила в густую толщу деревьев.

– Ага. – Протянув руку назад, он вытащил и бросил Элле на колени стеганые штаны. – Надевай. Я вытащу сани. – Он выскочил из машины. Внутри ворвался холодный воздух, соперничающий с теплом кабины. Он снова всунул внутрь голову: – А варежки у тебя есть?

Она помахала своими кожаными, с кашемировой подкладкой, перчатками. Если бы она знала, что ей предстоит, она взяла бы лыжные рукавицы.

– Сойдет, – он ухмыльнулся, как школьник, и захлопнул дверь.

Элла наблюдала сквозь заднее окошко, как он двигался вокруг прицепа, высвобождая крепления. Прежде чем она собралась надеть штаны, снегоход уже был спущен на землю.

Наклонившись вперед, она засунула в штаны одну ногу. Натан постучал ей в окошко, и она с криком подпрыгнула.

– Черт!

– Поторопись.

– Это ты притормози, балда, – пробурчала она. Кое-кому уж слишком не терпелось поиграть в свои игрушки.

Через минуту, в куртке и перчатках, она выскочила из грузовика и поковыляла к снегоходу, придерживая под мышками штаны и чувствуя себя нелепо. Она наклонилась, чтобы закатать штанины, а когда выпрямилась, Натан протянул ей шлем.

– И что, это правда надо надевать? – Она покосилась на гладкий черный шлем с блестящими очками.

– Конечно, почему нет?

– Я не смогу разговаривать с тобой в этой штуке. – Она рассматривала шлем. Натан завел снегоход. Мотор взревел. – Или в этом шуме! – прокричала она.

– Смо-ожешь! – крикнул он в ответ и указал на переговорное устройство, вделанное в шлем. – Но ты не будешь задавать вопросы. Мне нужно сосредоточиться на управлении. – Он надел свой шлем.

Сделав гримасу, она надела свой.

– Сперва игра. Разговоры потом. Садись, Скай, – раздался у нее в голове его голос. Он похлопал по сиденью позади себя.

Проигнорировав двойной смысл его слов, она оседлала снегоход.

– Держись, – прозвучал голос Натана.

Она обхватила его.

– Крепче, или ты свалишься. – Он потянул ее за руки так, что она оказалась прижата грудью к его спине, а ее бедра тесно обхватили его. Она закусил губу, чтобы не взвыть в голос. Черт побери, поганец это спланировал. – Поехали!

Натан осторожно проехал сквозь щель в воротах, и они понеслись по равнине, вздымая клубы снега. Элла завизжала от восторга, вся вина, которую она испытывала раньше, испарилась. Она слышала, как Натан ответил ей восторженным уханьем.

В предпоследнем классе школы Элла встречалась с мальчиком из старшего класса по имени Майк Тэйт, тот самый, который приходил к ней в ночь самоубийства Грейс. После смерти своей лучшей подруги Элла рассталась с ним, чувствуя себя виноватой, хотя он и продолжал ей нравиться. Но она не должна была проводить с ним тот вечер. Она должна была остаться с Грейс. Но, оглядываясь назад, можно было сказать, что Майк был ее первой любовью, даже если она любила не столько его самого, сколько то лихорадочное чувство, которое с ним испытывала.

У Майка, избалованного сынка, был мотоцикл «Кавасаки Ниндзя». Когда они летели на нем по скоростному шоссе, лавируя между машинами, он рычал во всю мощь, приводя Эллу в восторг. Ощущение, как в тело бьет встречный ветер, а между ногами дрожат несколько сотен лошадиных сил, когда они летели на полной скорости, вызывало почти сумасшедший кайф. Почти за гранью контроля.

И только сейчас Элла поняла, что не испытывала чувства такой свободы с тех пор, как каталась с Майком на мотоцикле. Даже с Дэмьеном. И даже не понимала, как скучает по нему – жаждет его, – до тех пор, пока Натан не повез ее по берегу реки навстречу ветру.

Счастливо смеясь, она крепче обхватила его. Так вот чего он ищет в своих горах. Вот она, лихорадка, которую он ловит, прыгая с парашютом. Вот что он хотел разделить со Стефани, и от чего она отказалась. Она отказалась от него.

Нашел ли он эту лихорадку с ней?

Глава 18

Элла заставила себя вернуться в реальность и наслаждаться гонкой, а не углубляться в то, что она могла когда-то чувствовать к нему или что он мог значить для нее.

Они пару часов гоняли по равнине, а когда бензин в баке почти закончился, вернулись к машине. Смеясь, они стукнули рука в руку, в восторге обсуждая прогулку и прекрасные виды, которые рассмотрели между деревьев. Элла сфотографировала Натана возле саней, как он называл свой снегоход. «Сани на стероидах» было бы еще точнее. Фотография может пригодиться для статьи, раз Ребекка не послала с ней фотографа. Требование Натана: только Элла.

Натан затащил снегоход в прицеп и закрепил его. Она повесила камеру на ремне на грудь и сняла перчатки. Натан снял свои и потянулся на заднее сиденье.

– Я захватил горячий шоколад. Хочешь? – Он протянул ей металлический термос.

– Ты хорошо подготовился. Он со спиртным?

Он хохотнул:

– Нет. Мне еще машину вести.

Она подула в чашку с напитком. Пар увлажнил нос. Она осторожно отпила глоточек. Горячий густой шоколад с ароматом корицы наполнил рот.

– Как хорошо. – Хотя она не отказалась бы и от глотка виски, чтобы унять бушующий в ней прилив адреналина, который мог заставить ее вскочить Натану на колени, и...

Впрочем, нет. Алкоголь мог бы уменьшить ее волю к сопротивлению, и тоже ничего хорошего бы не вышло.

Натан включил зажигание, но не трогал машину с места. Кабина наполнилась теплом, и Элла сняла куртку. В голове у нее снова всплыл ее сон. Она не помнила подробностей, образы были неясны, но ощущение присутствовало. Ее охватили возбуждение, жажда, жгучее желание протянуть руку через центральную консоль и дотронуться до Натана. Если она его поцелует, будет ли это ощущение привычным?

Не станет ли это прикосновение к нему тем сильным триггером, который разбудит ее воспоминания?

Она ненавидела себя за эту тягу к нему. Замужняя женщина так не должна.

Натан наблюдал за ней, приподняв бровь.

– Что с тобой?

Она допила шоколад и поставила пустой стаканчик в подставку. В конце концов, она может просто спросить.

– Мы с тобой спали прошлым летом?

Натан подавился шоколадом. Нервно хихикнув, он посмотрел ей в глаза. Его выражение говорило лучше слов. Желание. И сожаление. И надежда.

Черт.

Зачем он пригласил ее снова? Надеялся начать что-то сначала?

Ау! Они оба в браке. С другими людьми.

Но раньше-то их это не остановило.

– Зачем я здесь? – спросила она.

– Я обещал покатать тебя на снегоходе.

Когда он это обещал? Зачем обещать такое, если они с самого начала не должны были сближаться? И где они были, что этот вопрос вообще всплыл? Это же была середина лета.

У нее было столько вопросов, но его ответ не подходил ни к одному из них.

– Ты знаешь, что я спрашиваю не об этом.

Натан допил и поставил стаканчик на торпеду. Он подвинулся на сиденье, располагаясь так, что мог держать руль одной рукой. – Пять дней мы были в походе. Остальные девять ты провела у меня.

Девять дней с ним. Всего две недели. Полмесяца. Как ни крути, это было довольно долго.

А где все это время был Дэмьен?

Лондон. Он говорил, что она прилетела к нему туда после десяти дней на задании.

Она наврала и ему, и Дейви насчет времени, проведенного на задании. И Ребекке тоже. Им она сказала про десять дней, Ребекке про пять. Но почему?

И, несмотря на отвращение к себе, она не могла не видеть одного – амнезия или нет, но ее очень тянуло к Натану.

– Мы были очень близки, – тихо подтвердил Натан.

– Но ты все еще не ответил мне.

Он помолчал, прежде чем начать.

– Пару месяцев назад я получил письмо от помощницы Ребекки. Где-то в конце января. Она напоминала мне про этот эксклюзив, в котором я был заинтересован. Я не собирался звонить, но потом все равно позвонил... В общем... – Он вздохнул. – Ты здесь, потому что я хотел увидеть тебя.

– Черт, Натан. Лучше бы мой визит был не только потому, что ты соскучился. И даже не вздумай снова отозвать этот эксклюзив. Это будет стоить мне работы.

– Я не буду. – Он поднял руку. Она сурово посмотрела на него. – Клянусь. Я ничего не ждал от этой встречи. Что случилось, то случилось. Я ничего не планировал. Господи, у меня умер сын, и жена хотела развестись со мной. И она *все еще* хочет этого. И последнее, о чем я думал прошлым летом, – это... – Он резко замолчал, отвлекшись на что-то, и указал ей на лобовое стекло. К ним приближался зеленый грузовик.

– Это Тед, – сказал Натан, когда смог разглядеть водителя. Тед остановил машину рядом с ними, и Натан опустил стекло. – Добрый день, Тед.

Элла посмотрела на часы на приборной доске. 12:06. Утро пролетело незаметно.

– Рад тебя видеть, Натан. – Карие глаза Теда уставились на Эллу. – Добрый день.

Она помахала рукой:

– Привет.

– Как Сью? – спросил Натан.

– Нормально. Сидит дома с Алексом. Он простыл.

– Передавай от меня привет. Надеюсь, сын скоро поправится.

А чего ты тут?

Тед заглянул за ворота.

– В отделение позвонили, сказали, тут какая-то стрельба. Я думаю, какой-то урод вышел нелегально поохотиться. Ты чего-нибудь слышал?

– Нет, – Натан посмотрел на Эллу. – А ты?

Она покачала головой:

– Мы как раз собирались уезжать.

Элла прищурилась на него. Нет, они не собирались. Они были посреди разговора, который ей очень хотелось довести до конца.

– Проверю ворота, – вылез Тед из машины. – Знаешь, если я скажу Сью, что встретил тебя, она спросит, пригласил ли я тебя на ужин.

– А ты не говори ей, – подмигнул Натан.

– Заметано. Но ты-то что скажешь? Зайдешь поужинать, когда Алекс поправится? Или так и будешь притворяться отшельником в своем диком лесу? – Тед шутил, но он был прав – Натану нужно больше бывать с людьми.

Не давая себе времени передумать, Элла толкнула его плечом.

– Соглашайся.

– Слушай, что говорит дама. Заходи. С меня скотч.

– Думаю, договорились. Позвони, и назначим день, – согласился Натан. В его голосе звучала легкая досада.

Даже если Тед ее и заметил, он не подал виду. Он ухмыльнулся.

– Договорились. Кстати, приятно видеть тебя чисто выбритым. Эта борода пещерного человека отпугивала туристов.

– Это была маскировка, – буркнул Натан. – Мне надо было ходить за покупками.

– Худшая в мире маскировка. Элла, приятно было познакомиться.

– Взаимно, Тед.

Натан включил передачу.

– Так ты побрился ради меня, – усмехнулась она.

Натан не ответил. Они доехали до дома молча, и Элла начала думать, не переступила ли она черту. Вмешиваться в его жизнь было не ее делом. И неправильно было форсировать его социальную жизнь, если он не был к этому готов.

Когда Натан въезжал во двор, Элла было повернулась к нему, готовая извиниться. Но Натан не отрываясь смотрел вперед. Элла поглядела в ту же сторону.

Возле ее «Рейндж Ровера» стояла чья-то «Тойота Королла», а ее хозяин сидел на крыльце. Он поднялся и помахал им. Элла немедленно узнала его. Непохоже, чтобы это был дружеский визит.

– Что делает в твоём доме Майлз Йоргенсон?

Натан взглянул на нее:

– Ты что, его знаешь?

– Я знаю о нем. Мы как-то встречались на банкете по поводу вручения наград прессы.

Майлз Йоргенсон с Эллой вращались в одних и тех же кругах. Он был постоянным автором в нескольких журналах, в основном в *Аутсайд*, и был известен своими провокационными историями о выдающихся личностях, чаще в природной тематике. Майлз был неутомим и настойчив, как папарацци, когда речь шла о том, чтобы добыть историю. И, судя по всему, он хотел добыть ее здесь.

– Почему он тут?

Натан выключил мотор и вздохнул.

У Эллы свело желудок.

– Ты что, ему тоже предложил интервью?

– Нет, – резко ответил он. – Хотя, с учетом обстоятельств, может...

– Даже не заканчивай эту мысль, – отрезала она. История Натана принадлежит ей. Слишком многие в *Люкс Авеню* рассчитывают, что она ее принесет. – Откуда ты вообще его знаешь?

Единственной возможностью найти этот дом Натана, расположенный так далеко и не внесенный в адресные книги, было иметь точный адрес. А чтобы его иметь, надо было получить его у Натана.

– Мы с ним сотрудничали, делали несколько статей про регион Тахо.

– Знаю, я их читала. Но это не объясняет, что он тут делает. Мне казалось, ты отдал нашему журналу эксклюзив.

– Да. Я просто...

– Черт возьми, Натан. Ты уже однажды убил мою историю. Ты только что клялся, что эту мы сделаем до конца.

– Майлз приставал ко мне с тех пор, как я перестал делать *Ближе к Природе!* Не волнуйся. Моя история будет у тебя. Сейчас узнаем, что ему надо. Может, он просто в гости зашел. Мы с ним, бывало, пили пиво.

Натан открыл дверь машины. Элла распахнула свою. Они встретились перед грузовиком.

– Иди в дом. Я буду через минуту. – Натан попытался всучить ей связку ключей.

Она отмахнулась от них.

- Нет уж, спасибо. Я останусь.
- Элла, – сказал он с раздражением. – Я же дал тебе слово.
- Да, и я тебе очень признательна. Но я знаю этих журналистов.

Оглянуться не успеешь, как они выманят из тебя историю всей твоей жизни.

Натан скрестил руки:

– Ну давай, расскажи мне об этом.

– Я верю Майлзу не больше, чем стае волков, которые шарятся по твоему участку.

– Никогда такого не было. Ладно еще медведи. Волков тут нет, а если бы они случайно и забрели, Фред с Бингом так орут, – он указал на собак, которые визжали и подвывали за окном, – что распугали бы всех.

– Тогда почему Майлз все еще тут? – ухмыльнулась она.

Натан рассмеялся, откинув голову.

– Твоя взяла. – И убрал ключи.

Майлз подошел к ним, и она увидела, что он сразу узнал ее. Его глаза сузились.

Натан пожал ему руку.

– Рад видеть тебя, старик.

– И я, Нат, – поздоровался Майлз. – Обернувшись к Элле, он протянул руку.

– Элла, – сказал он прохладно. – Давно не виделись.

Если точно, то четырнадцать месяцев. Их познакомил какой-то общий знакомый на торжественном вечере Калифорнийского пресс-клуба, посвященном вручению наград в журналистике. У Эллы не было собственного мнения о Майлзе, она только предполагала, что он приличный человек. Она уважала его как профессионала и восхищалась его упорством в охоте за историями. До сегодняшнего дня. Потому что сегодня он был ее конкурентом.

Она пожала протянутую руку.

– Приятно встретиться.

– Отнюдь нет, – он смотрел сквозь нее. – Что она здесь делает? – спросил он, переводя взгляд с нее на Натана и обратно.

– Это я ее пригласил. Она пишет обо мне статью.

Майлз отшатнулся:

– Ты отдал эксклюзив в *Люкс Авеню*? Но их читатели – не твоя аудитория. Мы же уже говорили об этом. Печататься у них бесполезно для твоей карьеры.

– Карьера закончена. Тебе об этом известно.

– Хочешь дружеский совет? Чем дольше ты тут скрываешься, тем меньше у тебя шансов вернуть своих зрителей, когда ты вздумаешь начать снова. Ты будешь сбитым летчиком.

Натан ощерился:

– Я не вернусь.

– А как насчет... – Майлз скользнул взглядом по Элле, подошел к Натану поближе и, понизив голос, спросил: – Как насчет того, что мы обсуждали?

Элла закатила глаза:

– Я все слышу.

– Он имеет в виду мою концепцию другого реалити-шоу, – пояснил ей Натан.

– Болван, – разочарованно выдохнул Майлз.

– Мне нечего от нее скрывать. Когда мы закончим, она будет знать все. Я все равно все это бросил.

Качая головой, Майлз отступил на шаг.

– Невероятно. Там был такой потенциал.

– Это мои проблемы. Ладно, Майлз, рад был тебя видеть. У нас с Эллой плотный график. Ты будешь в окрестностях на следующей неделе?

– Да. Хочешь, чтобы я заскочил?

– Не, пересечемся в Таверне. Я введу тебя в курс за кружкой пива.

– Натан, – начала было возражать Элла. Он не должен ничего рассказывать об их беседе, по крайней мере, пока не выйдет статья.

Майлз поглядел на нее. Он явно собирался что-то сказать, но не хотел делать это при ней. Натан дотронулся до ее плеча. – Ты извинишь нас на минутку? – Он протянул ей ключи.

Она неохотно взяла их.

– Я недолго.

Натан прошел за Майлзом к его машине, где они начали разговаривать, наклонив головы и понизив голос. Через несколько минут они пожали друг другу руки, и Натан хлопнул Майлза по плечу. Майлз сел в машину, а Натан вернулся к ней.

– Так и не ушла, да?

Она и не собиралась никуда уходить, пока Майлз оставался в пределах видимости.

– Почему ты сказал, что введешь его в курс? – спросила она, когда Майлз наконец уехал. – Ты подписал контракт с нами. Ты не должен об этом разговаривать.

– Я ничего ему и не скажу. – Натан засунул руки в карманы. – Но ему надо было дать какую-то пищу для размышлений, а то бы он не уехал, пока ты тут.

– Так что, мне есть о чем беспокоиться?

– Нет. Он покачал головой и легко коснулся ее руки. – Ты остаешься? У меня в мультиварке готов обед. Мы можем поработать остаток дня и посмотреть, сможем ли закончить с этим.

– Спасибо, мне это нравится. – Она махнула телефоном. – Но мне сперва надо сделать несколько звонков. Ладно?

– Я отцеплю прицеп и буду ждать тебя в доме.

Глава 19

Усевшись в свою машину, Элла обрадовалась, что вай-фай Натана достаточно силен, чтобы работать и здесь, и проверила свой телефон. Восемь пропущенных звонков от Дэмьена. Но она перезвонит ему позже, потому что сейчас ей надо позвонить редактору.

– Элла, поговори со мной, – приветствовала ее Ребекка.

– У нас проблема. Натан завтра улетает на Аляску.

– Ну значит, заканчивай сегодня. Используй свои старые записи. Сможешь прислать к понедельник первый вариант?

Пять дней.

– Ну и тут есть еще некоторые... хм... обстоятельства. – Типа у нее нет ни записей, ни памяти, такие обстоятельства. – Сегодня сюда явился Майлз Йоргенсон. Он злится, что Натан отдал эксклюзив нам. И, судя по всему, они приятельствуют.

– Натан подписал контракт. Он не имеет права ни с кем разговаривать, пока мы не выйдем в печать.

– Я знаю, но Майлзу я не доверяю. Особенно с такой большой историей.

– Ну и что ты хочешь сказать?

– Я хочу полететь с Натаном на Аляску. Закончу интервью там. Он будет заниматься вертолыжами, и я смогу сделать для статьи классные фото.

– А Натан на это согласен?

– Да. – Ложь. Но теперь, когда она знает, что у них было, она сможет уговорить его позвать ее с собой. Ей нужны детали. И Натан должен ей. Он сам согласился помочь ей все вспомнить, когда она приехала.

– Тогда поезжай, – согласилась Ребекка. – У тебя есть время до четверга, но это последний срок.

Элла победно вскинула руку.

– Ты получишь материал прямо с утра.

– Сегодня утром ко мне заходил Пол и спрашивал про него. От того, как ты справишься, зависит и твоя, и моя работа. Нам надо отыграться за прошлое лето. Не подведи меня снова.

– Я тебе обещаю.

Она закончила звонок Ребекке и позвонила Дэмьену. Он ответил на втором звонке.

– Где ты? Я весь день тебе звоню, – отозвался из телефона его недовольный и взволнованный голос. Даже понимая, что он не будет счастлив от того, что она собиралась сказать, она все равно была рада наконец услышать его голос.

– Я все еще в Тракки с Натаном Донованом. Здесь очень плохая связь. Я только несколько минут назад подцепилась к вай-фай.

– Я волновался. – Элла почувствовала эффект его слов. Они подействовали на нее. Он был расстроен, что она далеко и вне его досягаемости.

И то же самое она могла сказать про него. Она не общалась с ним после получения загадочного сообщения вчера утром. *Все идет к чертям.*

– Как проходит твое внутреннее расследование?

Он вздохнул, и она представила его стоящим возле большого окна в их лондонской квартире, в сумерках, смотрящим в ночное небо. Рука запущена в копну волос, в глазах отражаются городские огни, пижамные штаны низко спущены с бедер, и безупречное V нижних брюшных мускулов исчезает под резинкой. Из их квартиры у Королевских Ворот был виден Букингемский дворец, а к востоку блестела Темза и огни Глаза Лондона.

– Юридический отдел обнаружил более широкую сеть, и мы привлекли нашу команду компьютерной безопасности, – сказал Дэмьен. – Это больше, чем мы думали, Эл. Оно не ограничено списком клиентов или одним сотрудником.

– Ты продолжаешь считать, что за этим стоит твой отец?

Он помедлил с ответом.

– Нутро говорит мне «да», но те сотрудники, которых мы вычислили, пока ничего не рассказали. Мы храним все в секрете, пока не соберем как можно больше доказательств. Ты же понимаешь, я не могу вдаваться в подробности. Мои юристы и так пойдут по стенке, если узнают, что я тебе хоть что-то рассказал. Но я верю, что это останется между нами. И уж точно последнее, что мне нужно, чтобы это попало в средства массовой информации. Когда ты прилетаешь? Я соскучился, и... Нам надо поговорить.

– Уж конечно, теперь ты хочешь поговорить, – огрызнулась она. Слова вырвались у нее прежде, чем она успела сдержать их. – Так вот у меня к тебе вопрос: я спала с Натаном?

Она готова была поклясться, что он знал об их романе с Натаном и не сказал ей об этом. Не остановил ее. Ну да, он пытался, но, оглядываясь назад, его попытки были довольно слабыми. Ему на нее наплевать? А что же будет с их браком? В ней поднялась ярость.

– Я тебе отвечу, но не по телефону.

Рука Эллы, держащая телефон, бессильно опустилась на колени. *Черт побери, мы тут с тобой шутки шутим?*

Она снова поднесла телефон к уху.

– Ты знаешь, как я взбешена? – спросила она. – Почему сейчас? Почему ты не сказал мне об этом в прошлом ноябре или в любой другой из тех раз, что я пыталась узнать, что произошло?

Ну же, Дэмьен, скажи, внутренне молила она. Ей так хотелось, чтобы он признал это вслух. *Скажи: «Ты трахалась с Натаном».*

– Не. По. Телефону, – отчеканил он раздраженно. – Я не буду обсуждать это с тобой, пока ты с ним и в восьми часовых поясах от меня.

– Ну что же, если ты не можешь дать мне прямого ответа... черт.

Что же у них за брак, если они не могут поговорить?

Проверка реальностью. Брак, в котором она ему изменила. Отвращение к себе ржавой тяжестью наполнило ее изнутри, наводя тошноту.

– Тебе не понравится то, что я скажу. Я не знаю, как ты это воспримешь, и я хочу в этот момент быть рядом с тобой. Я не могу рисковать, – он помолчал немного, прежде чем продолжить, а когда заговорил снова, его голос звучал так отчужденно, что Элла подумала – и не в первый раз: – *что* же именно произошло между ними перед самой аварией?

– Мы не должны были снова там оказаться.

Снова где? Разъяренные и неспособные к разговору?

Если бы он с самого начала был с ней честен, они бы изначально не оказались в такой ситуации. Он в Лондоне, наконец готовый к разговору, а она в горах за полмира от него. И, очевидно, со своим бывшим любовником.

– Это ты виноват, Дэмьен. Что бы ни случилось у меня с Натаном, это ты виноват. Из-за тебя мы оказались во всем этом.

Если бы она знала про роман с Натаном до того, как Ребекка дала ей это задание, она бы отказалась на месте. И к черту работу. Не надо ей работы, если она мешает ее браку. Но было слишком поздно. Она дала обещание. И на кону стояла работа ее начальницы. И ее собственная. Все Джорданы Тэлботы этого мира готовы были отхватить ее работу. И единственный, у кого есть ключ к ее мозгу, – это Натан. Она была уверена в этом. Только он может точно сказать ей, что они делали вместе. Только он может открыть ей, кем они стали друг другу и почему. И только тогда она сможет понять, почему она его забыла.

– Элла, – Дэмьен предупреждающе назвал ее имя.

– Натан завтра улетает на Аляску, – перебила она. – И, если только мне удастся его уговорить, я лечу вместе с ним. Мне нужно еще день или два, чтобы закончить работу.

– Ты – что? – взревел Дэмьен.

– У меня дедлайн в четверг. Я прыгну в первый же самолет в Хитроу, как только сдам статью.

– Черт побери, Элла.

– Я не вижу смысла...

– В чем? – гаркнул он, перебивая ее.

Она вздохнула и закрыла глаза, вымотанная всеми этими тайнами и недомолвками. Они ходили вокруг друг друга, словно рисуя петли кода. Она собиралась сказать, что не видит смысла продолжать этот разговор. Но изо рта у нее вылетели совершенно другие слова. Она даже не могла сказать, о чем она думала, когда эти два коротких слова сорвались у нее с языка.

– В нас, – прошептала она.

– Ты так не думаешь.

Она не думала. Но они разберутся с этим, когда она будет в Лондоне. Потому что он не хочет разговаривать «По. Телефону».

– Мне пора идти, – она закончила разговор, выключила телефон и опустила лоб на руль.

Все идет к чертям.

Элла просидела в машине еще минут десять, приходя в себя. Разговор пошел совсем не так, как она думала. Он был похож на спираль, уходящую в темный слив бассейна. У нее было столько вопросов. Но она получит ответы от Дэмьена, когда прилетит к нему в Лондон. А сейчас она с Натаном, у которого есть для нее другой набор ответов.

Выбравшись из машины, она глубоко вдохнула холодный горный воздух, отбросила назад волосы и распрямила плечи. Перешла двор и вошла в дом.

К ней тут же кинулись Фред и Бинг. Она погладила и почесала их, и, довольные, они ушли на свои матрасики. В широкой каменной печи пылал огонь, в мультиварке булькало жаркое. Пространство гостиной наполнял сводящий с ума аромат тушеного с луком мяса.

Натан был возле бара, уже переодетый в джинсы и узкую голубую майку с длинными рукавами. Элла снова удивилась своей реакции на него. Расслабленный, в домашней одежде и босиком, он был чертовски привлекателен.

Натан протянул ей джин с тоником.

– Ты выглядишь, словно тебе это необходимо.

– Да. Спасибо. – Кого волнует, что сейчас только полдень? Она отхлебнула, смакуя прохладный можжевелевый напиток. – Как ты догадался, что я люблю джин-тоник?

– Это твой обычный напиток. Я смешивал их для тебя в прошлый раз, – ответил он, наливая себе бурбон со льдом.

– Ну так нечестно.

– То есть? – приподнял он бровь.

– Ты знаешь обо мне гораздо больше, чем я о тебе.

– Не совсем, Элла. Ты *знаешь* обо мне все, – произнес он тоном, который заставил Эллу задуматься, насколько же он был к ней равнодушен.

Кровь прилила ей к лицу, и она деликатно кашлянула.

– Может, когда-то и знала, но теперь... – Она показала ему диктофон, готовый к работе. – Давай вернемся к делу. У меня дедлайн, а у тебя – история.

Выражение его лица словно застыло. Он указал ей рукой на диван возле огня. Она села поближе к нему, профессионально оставив между

ними достаточно приличное расстояние, и пристроила диктофон на кофейном столике.

Натан сидел, наклонившись вперед, упираясь локтями в колени, сжимая стакан с бурбоном в широкой ладони. – С чего ты хочешь начать?

– Со Стефани.

– Хорошо, – он сделал глоток. – Что ты хочешь узнать?

– Давай поговорим о вашем браке. О его ранних годах. Вам было хорошо вместе?

– Разве не всем хорошо в первое время после свадьбы?

– Я думаю, почти всем. Но я хочу услышать про вас.

– Наш брак был из хороших, – подтвердил Натан. – Несколько лет. – Он перевел взгляд на огонь. Пламя плясало, отражаясь в его глазах. Он сделал еще глоток. – Какое-то время были только мы, Стеф и я.

– Ты ее любил.

– До смешного. До переезда в Колорадо мы были неразлучны. В ее глазах я не мог сделать ничего дурного. Но, как и все хорошее, это пришло к концу. Я снимал эпизод и не мог дождаться, когда вернусь домой. А потом я был дома с ней, и не мог дождаться, когда снова вырвусь оттуда. – Он скользнул взглядом по диктофону.

– Забудь ты про это, – подбодрила его Элла.

– Меня не это беспокоит.

– Я никому не показываю свои записи.

– Но ты их теряешь, – возразил он.

Элла резко вдохнула.

– Нет. Я их стерла. – Она не могла их потерять. Она не была настолько бестолковой. – Я думаю, что избавилась от них, когда ты убил мою статью. – Хотя даже и тогда она не стала бы удалять записи. – Ты не хочешь сказать мне, почему ты передумал? Почему сперва дал нам эксклюзив, а потом отказался от него? – Может быть, его объяснение поможет ей понять, почему у нее не осталось никаких следов от первого интервью. Она поймала его взгляд. Он медленно покачал головой.

– Потом. – И нехотя указал на диктофон. – Давай вернемся к Стеф. – И он пустился в рассказ об их знаменитой свадьбе в Нью-Йорке. Празднество проходило в отеле «Паркер Меридиан», в одном из

пентхаусов с панорамным видом на Нью-Йорк, столы стояли на фоне вида на Центральный парк. Репортеры заполнили все свободное пространство, начиная с уличных тротуаров. Круче не бывает.

– Я читала про вашу свадьбу. Размах, место и все остальное удивило меня. По моим представлениям, тебе должен был бы больше понравиться небольшой праздник в кругу самых близких где-нибудь в тихом месте.

– Так хотела Стеф. Она была публичной персоной и думала, что это будет полезно для моей карьеры. Я тогда снимал последний сезон *Выживает Слабейший* и продумывал концепцию *Ближе к Природе!* Надо было привлечь внимание телевизионных продюсеров.

Выживает Слабейший был первым приключенческим реалити-сериалом Натана. Участники оказывались в неожиданных обстоятельствах, требующих выживания, вроде авиакатастрофы в пустыне, или машины, сорвавшейся со скалы в горах во время бурана. Первые полчаса описывали ситуацию под наблюдением съемочной группы и местных экспертов, которые убеждались, что никто не пострадал. Затем шло наблюдение, как участники пытаются спастись, используя свои ограниченные знания и силы. И где-то через полчаса экранного времени, когда зрителям становилось ясно, что шансы выжить минимальны, появлялся Натан. Он руководил участниками, направляя их к спасению, показывая, где они ошибались и что надо было делать вместо этого. Элла читала обзор этих серий, посмотреть их перед интервью у нее не было времени.

Натан продолжал свой рассказ, как они со Стеф несколько лет прожили в Нью-Йорке, а когда дом, который он строил для них в Колорадо, был закончен, переехали туда. У Натана как раз была пауза между сериалами, поэтому он большую часть времени был дома. Лучшим днем его жизни стало рождение сына, Карсона.

– А когда отношения стали портиться? – спросила Элла.

– Тут не было какого-то определенного момента. Все начинается с каких-то мелочей. Она уже не смотрела на меня так, как раньше. Ее раздражали какие-то самые простые вещи, которые я делал. Она сердилась, когда я уезжал, и не хотела быть со мной, когда я возвращался.

Элла подумала о своем браке. Они с Дэмьеном редко ссорились. То, что они поругались по телефону, было для них необычно, но они с

ноября были в натянутых отношениях. А то, что она помнила о времени за полгода до аварии, было хорошо. Она не могла вспомнить ничего ненормального. Она всегда была рада его возвращению с работы, а когда они разлучались, то, встречаясь, не могли оторваться друг от друга. Но что с ними будет теперь, когда у нее есть этот секрет про них с Натаном? Да и секрет ли это? Элла готова была поспорить, что Дэмьен знал об этом, иначе он бы не стал просить ее отменить интервью.

– Я уверен, она возненавидела все, что со мной связано, – продолжал говорить Натан. – Когда я старался вести себя, как она хотела, этого было недостаточно. Я был идиотом и не видел, что с ней на самом деле происходит. Она боялась остаться одна.

– Одна в смысле в далекой глуши или одна в смысле без тебя и поддержки?

– И то, и другое.

– И что случилось?

– Я вернулся домой со съемок и обнаружил, что она взяла Карсона и уехала.

Натан казался убитым. Элла не смогла удержаться, придвинулась к нему и обхватила рукой за спину, чтобы поддержать и утешить. Сквозь одежду она почувствовала его тепло, от которого у нее по руке побежали мурашки, а в груди стало горячо. Она сочувствовала его потере.

– Когда это было? – тихо спросила она.

– За два месяца до смерти Карсона.

– Сколько ему было?

– Девять.

Натан с трудом сглотнул. Опустив голову, он сцепил руки на затылке.

– Давай вернемся к Стеф, – осторожно предложила Элла, давая ему возможность прийти в себя. – Вчера ты сказал, что она считала, что быть замужем за тобой – как это? – дорого ей обходится?

Он кивнул.

– Но при этом она боялась остаться одна?

– Когда бы я ни покидал дом, она всегда нервничала. Я выходил за покупками – она нервничала. Я шел пройтись – она нервничала.

А больше всего она нервничала, когда я уезжал снимать приключения для своего сериала.

– Она боялась, что ты покалечишься или убьешься.

Он кивнул:

– То, что я делал, было опасно. Мне давно надо было послушать ее и перестать. – Его голос был полон свинцовой тяжести раскаяния.

– Можешь рассказать мне про Карсона? – осторожно спросила Элла, возвращаясь к теме сына. Он знал, что им придется пройти через это темное, трудное. Она надеялась, что он готов. Если же нет, она отступит, попытается подойти с другой стороны и снова вернется к обсуждению сына чуть позже.

Натан допил свой бурбон и поставил стакан на стол. Элле хотелось налить ему еще, но она боялась прерывать разговор.

– Карсон был отличный парень, – тяжело проронил Натан. – Он, как и я, любил приключения. Тебе бы он понравился. – Он потер лицо руками и какое-то время смотрел сквозь пальцы на огонь, а после опустил руки. – Время от времени я брал Карсона с собой на съемки. Он тусил со съемочной командой и ходил за Джеффом как привязанный. Джефф – один из моих операторов. А потом, вернувшись домой, Карсон играл в те события, которые видел на съемках, как бы восстанавливая их, но в меньшем масштабе.

– Можешь привести пример?

Натан немного подумал, и его лицо осветилось.

– Ну, однажды он вырыл яму в грязи, наполнил ее водой и пытался провезти через нее свой игрушечный джип. Он видел, как я форсировал на джипе реку. Вот такого типа вещи. Ну, конечно, во дворе бывал кавардак. Стеф приходилось раздевать его на улице, прежде чем впустить в дом.

Элла улыбнулась в ответ.

– У Карсона было богатое воображение.

Улыбка Натана погасла.

– Еще какое.

– Ты им гордился.

– Да, конечно.

– А Стефани?

– Она боялась, что Карсон вырастет таким же, как я, отчаянным и бесшабашным. Она знала, что мы сделаны из одного теста. Карсон

вечно влипал или делал что-то, что казалось ей опасным. У меня были отличные отношения с отцом, и я хотел, чтобы у нас с Карсоном было так же.

– Карсон жил, чтобы было весело, но он жил всерьез. Стеф вечно приходилось промывать царапины, бинтовать запястья или мазать йодом коленки. Она не раз говорила мне, что он когда-нибудь убьется. А я смеялся и советовал ей расслабиться. Он мальчик. Пусть веселится. Ей это все не нравилось. Она уехала и забрала моего сына. Она думала, что без нее и Карсона я, возможно, изменю образ жизни, чтобы не быть таким дурным примером. Ты не видишь тут какой-то иронии? Та же женщина, которая устроила нашу свадьбу, чтобы привлечь общественное внимание, чтобы я получил заказ от телевизионной компании теперь, просила меня прекратить то, чем я занимаюсь.

– Ну а ты? Ты изменил образ жизни?

Он покачал головой:

– Напротив. Когда они уехали, я пустился в свободное падение за пределами порога безопасности. Я ждал до последнего, прежде чем дернуть кольцо парашюта. Я прыгал на мотоцикле с горы, не имея понятия, какая поверхность окажется внизу. Я занимался тупым дерьмом. И то, что я остался в живых, – чистая удача.

– Я сильно сомневаюсь. Я уверена, дело тут больше в опыте и навыках. Но вот что мне интересно, – она затаила дыхание. – Ты пытался убить себя?

– Я пытался остаться в живых. После того как Стеф забрала Карсона, я чувствовал себя мертвым. А когда он умер, стало еще хуже.

– Ты поэтому прекратил снимать сериал? Почему просто не сделать перерыв?

На кухне звякнул таймер. Натан моргнул, Элла вздрогнула. Сделав глубокий выдох, она отодвинулась от Натана. Поглощенная его рассказом, она не заметила, как придвинулась к нему вплотную, так что они касались друг друга бедрами.

Натан поглядел в сторону кухни.

– Сделаем перерыв? – предложила Элла.

– Ага, – он поднялся с места.

Элла была рада его согласию, потому что ей тоже нужен был перерыв.

Она откинулась на спинку дивана, следя взглядом, как Натан передвигается по кухне, но думая о Саймоне. Каким бы ребенком он стал? Любил бы он приключения? Был бы бунтарем? Или же был бы более рассудительным и спокойным?

Как бы ей хотелось, чтобы у нее был шанс узнать это.

Глава 20

Они наслаждались жарким из тушеной оленины. Разговор подействовал на Натана сильнее, чем ожидала Элла. Со смерти сына прошло семнадцать месяцев, но ему все еще трудно было обсуждать это. По крайней мере, в один прием. Элла боялась, что если она снова заговорит про его сына и про то, почему он отменил съемки сериала, Натан может сорваться. Он замкнется, замолчит и в конце концов сбежит от нее. Так, как он и сделал после смерти Карсона. Значит, получить приглашение на Аляску стало еще важнее. Ей нужно провести с ним как можно больше времени.

Так что она хвалила обед и то, как он выглядел. Всячески поглаживала его эго и слегка поддразнивала за самоуверенность.

– Так ты считаешь, что я выскочка?

– Нет, – она рассмеялась. – Ты просто крайне уверен в себе.

– Видишь? Ты сама сказала. Я выскочка.

Она снова засмеялась, качая головой.

– Нет, тут есть разница. Фальшиво раздутое эго...

– Фальшиво? – вскинулся он.

Она подняла руку, стараясь не расхохотаться еще больше.

– Не перебивай. Фальшиво раздутое эго не одно и то же, что подлинная уверенность в себе. Твердая вера в свои способности. Полное доверие своим умениям. Когда это есть – а у тебя это есть, – то можно и испытывать свои пределы. И этим ты отличаешься от идиотов с Ютьюба, которые сигают с крыш на своих мотоциклах. Ты говорил, что выходил за пределы после ухода Стефани, но на экране ты всегда казался твердым хранителем своих пределов. Ты знаешь, когда надо отступить. Знаешь, когда остановиться посреди испытания, чтобы никого не убить. Помнишь, у тебя в одной из серий был тот знаменитый ведущий популярного игрового шоу? Как там его звали? – Она щелкнула пальцами и указала на Натана. – Тэд Филлмор.

Натан скривил губы:

– Он просто козел. Из-за него мы чуть не убились.

– Вот именно. Вам надо было проехать на джипе через реку, кишащую крокодилами. Но тебя беспокоил не сам переезд. А погода.

Ты все время смотрел на небо, которое не могло быть более голубым даже на картинке.

– Ты это заметила? – Натан явно был впечатлен.

– Я приглядывалась к тебе, когда смотрела. Не важно... – Она махнула рукой, возвращаясь к теме. – Тэд дергал тебя, чтобы вы выполняли задание, но ты не давал команды. Мне даже пришлось несколько раз пересмотреть этот отрывок, потому что ты пробормотал о том, что что-то меняется в воздухе. Тебе казалось, он пахнет по-другому. Ты сказал Тэду, что опасаясь селевого потока. Он рассмеялся и показал на небо. И назвал тебя вруном...

У Натана вырвался короткий ядовитый смешок.

– Мягко говоря.

– Ну, редактор был так любезен, что запикал его яркие выражения. Но он сказал их тебе в лицо. Я была уверена, что ты ему врежешь. И расстроилась, что ты этого не сделал. – Она подмигнула.

– Мне хотелось.

– Но ты сдержался. Сохранил спокойствие.

Он ухмыльнулся: – Не забудь добавить сдержанность к списку моих достоинств.

– Очень смешно. – Она погрозила ему пальцем, очевидно наслаждаясь беседой. – Кажется, до конца серии оставалось минут восемь, когда камера наконец повернулась в том направлении, куда ты посматривал всю дорогу. Тебя волновало не небо над головой. А грозовые облака выше по реке. Ну и, конечно, в последние пять минут серии отлично видно, как река мгновенно поднялась и затопила все вокруг, а ты, Тэд и вся команда наблюдали за этим с высокого безопасного места. И этим было все сказано. Если бы ты разрешил ему переезжать реку, он бы утонул.

– Да я бы потерял там несколько человек команды. Мы были в широком ущелье. И быстро выбраться оттуда было бы невозможно.

– Ну вот видишь? Ты можешь работать на полную мощность, но, с точки зрения зрителей, ты никогда не упускаешь из виду возможные риски.

Натан наклонился вперед, поставив локти на стол.

– Что ты хочешь сказать, Скай?

– Я хочу сказать, что Стефани не видела твоей осторожной стороны. – Которую видела она сама. А Элла видела многое. Он был

гораздо глубже, чем смазливый искатель приключений и адепт адреналина. Он был участливым и внимательным, многого требовал, но и себя судил так же строго. И Элла считала его гораздо более привлекательным и соблазнительным, чем это было профессионально допустимо. Но Натан предлагал ей то, в чем Дэмьен в последнее время отказывал. Общение – основа радости и глубокого понимания.

– Ты хочешь вставить это в статью? – спросил Натан.

– Ну, я думаю, это стоит того, чтобы читатели... То есть Стеф, увидела, что жизнь для тебя важнее очередного кайфа.

Он медленно кивнул. Он не произнес этого вслух, но его выражение сказало Элле, что он ценит ее догадку. Он был увлечен беседой не меньше ее. Так что она использовала эту возможность, чтобы продвинуться в северном направлении.

– Расскажи про Аляску.

– Аляска. – Он откинулся в кресле и широко улыбнулся. – *Ближе к Природе!* версия два.

– Ты возвращаешься в телевидение? – Это был сюрприз. Она не ожидала этого.

– Нет, ничего подобного, – пояснил он. – Я хочу запустить агентство приключений высшего класса, где туры будут подбираться по желанию клиента, с учетом направления, уровня навыков и бюджета. Частные туры. Никаких камер, кроме тех, что привезет клиент. Я не думаю, что когда-нибудь вернусь на телевидение. – Он дернул плечом. – Я встречаюсь с владельцем вертолыжного оборудования, чтобы заключить сделку. Он делает моим клиентам скидку за эксклюзив – я делаю эти туры только через него. А в обмен они получают мою клиентуру и дополнительную рекламу на нашем сайте.

– Звучит здорово, – сказала она. – Ты выезжаешь завтра утром?

– Послезавтра. Завтра я собираюсь и готовлюсь. И собак надо отвезти в передержку.

Приподняв подбородок, она оглядела его.

– Итак, затворник едет кататься на лыжах. Ты все-таки не до конца отказался от расширения пределов. Вертолыжи не для слабых духом.

– Ну я и не собирался отказываться от лыж. Но я стал осторожнее.

– Осторожнее? Ты говоришь о том, чтобы подниматься на гору при помощи вертолета, верно?

– Ну да, я знаю. Но у меня все под контролем, – он приподнял бровь, словно поддразнивая ее.

Зазвонил телефон. Натан приподнял ногу и вытащил его из заднего кармана джинсов. Взглянув на экран, он нахмурился и взглянул на нее.

– Извини. Мне надо ответить.

Он встал из-за стола и, отвечая на звонок, вышел на улицу и задвинул за собой стеклянную дверь. «Натан Донован», – только и успела услышать Элла, прежде чем дверь заглушила его голос. Он стоял лицом к ней, и она видела, что, слушая, он хмурился все сильнее.

Элла вздохнула. Кто ему позвонил? Хорошо бы, это не оказалось что-то серьезное. Если новости окажутся плохими, из него не вытянуть приглашения на Аляску.

Поднявшись, она собрала тарелки и сполоснула их в раковине. Довольно скоро Натан вернулся, задвинув за собой дверь. Он излучал энергию. Его щеки покраснели, то ли от холода, то ли от злости, и он возбужденно постукивал телефоном по ноге.

– Что такое? – спросила она.

– Поехали со мной.

– На Аляску?

Он кивнул.

– Да, я с радостью, – выпалила она, не давая ему шанса передумать. И ухмыльнулась. Все оказалось просто.

Натан бросил телефон на кухонный стол и приблизился к ней с задумчивым выражением, теребя пальцем нижнюю губу. Он подошел так близко, что Элла должна была поднять голову, чтобы смотреть на него. Она почувствовала, как он пахнет вечерним холодом. Она задышала глубже, чувствуя, как бьется сердце.

– Вообще-то я не планировал тебя звать, – сказал он ворчливо.

– Поздно. Я еду с тобой. Ты не можешь передумать.

– Я и не буду. Я хочу, чтобы ты поехала. Мне нравится проводить с тобой время. А тебе?

– В профессиональном смысле? Это приключение.

Он легко улыбнулся, приподняв правую сторону рта выше левой. – А в личном?

У нее по спине побежало тепло. Она представила, как он видит ее румянец, и хотела бы остановить его.

– Да, – прошептала она.

Он довольно улыбнулся.

– Тогда давай закончим на сегодня. У нас будет время на Аляске.

– Я тоже так думаю, – ответила она, возвращаясь в деловой режим. – Завтра мне надо рано встать и что-то купить. Я же не собиралась на Аляску.

– Давай сделаем это вместе. Мне тоже надо что-то купить в магазине горного снаряжения в городе. – Он коснулся ее волос, убирая упавшую на глаза прядку. – Выпишись завтра из своего отеля. Следующую ночь проведешь здесь.

– С тобой? – вспыхнула она.

– Э, нет, – ответил он с нервным смешком. – У меня есть гостевая спальня. Мы с самого утра вылетаем из Рино. Если мы поедem прямо отсюда, это позволит нам сэкономить время.

– Какой у нас рейс? Я закажу билет.

– Об этом я позабочусь.

– Натан, – сказала она. – Это же работа. *Люкс Авеню* оплачивает мои счета. Я скажу тебе номер моей кредитки.

– Ни за что, мне нужны бонусные мили, – он расплылся в улыбке, но Элла строго посмотрела на него. – Ладно. Я пришлю счет твоему редактору. И журнал возместит мне расходы. Годится?

Элла слегка расслабилась.

– Вполне.

– Отлично. Значит, договорились. Завтра утром встречаемcя в городе.

– Договорились. – Хотела бы она точно знать, до чего они договорились.

Глава 21

– Эти слишком толстые, – Натан по-свойски вытащил из корзинки Эллы носки, которые она туда положила.

– Тоже мне новости. Я быстро мерзну, – ответила она, водворяя носки обратно.

Согласно плану, она выписалась из гостиницы после завтрака. Натан прислал ей адрес магазина спортивного оборудования, добавив, что ждет ее там.

На нем была одна из его байковых рубаш и темно-зеленая куртка. На голове – выдавшая виды кепка. Очки-авиаторы висели, цепляясь за край серой в крапинку майки. Этот непринужденный шарм, легкий запах мыла с алое и хвоей и его близость – в основном, конечно, близость – продолжали привлекать Эллу. Она не могла оторвать от него глаз.

Натан снова вынул носки и положил в корзинку другую пару.

– Не слишком ли они тонкие для Аляски? – спросила она.

– Нормально. Хочешь верь, хочешь нет, в них ногам будет теплее. Они смогут дышать. А в тех ноги будут потеть, и на Аляске твои ноги замерзнут быстрее.

– Ну если ты так говоришь, – она посмотрела на этикетку его носков.

– У нас уже была углубленная дискуссия про носки прошлым летом.

– Правда? Как захватывающе.

– Это был очень серьезный разговор. Мы обсудили необходимость вентиляции и восстановление эластичности. Ты любишь, когда резинка сползает?

– Мы ведь про носки говорим, да? – Взглянула она на него, роясь в ящике уцененных носков.

– Абсолютно. Нет ничего хуже, когда посреди похода носок сползет в ботинок.

– Какой ужас. – Она преувеличенно передернулась. – А что насчет шва? Ты был одним из тех детей, что ни за что не наденут ботинок, пока носочный шов не будет лежать параллельно пальцам?

– Это я до последней черточки. Но есть и хорошие новости. Эти носки без швов. – Он помахал перед ней другой парой. Она выхватила их и кинула в корзинку.

– Скажи, Натан, – начала она, передвигаясь к курткам. Ни ее стеганое пальто, ни куртка, которую она оставила у Натана, хотя и не помнила этого, не годились для морозов на тихоокеанском побережье Аляски. – А о чем еще мы говорили?

Он снял свою куртку и перекинул через руку. Немного подумал.

– О твоём брате. Как продвигается его приложение?

– КамОвер Ровер? Отлично. Он нашел инвестора. – Она перебирала куртки на вешалке. Вытащив одну наугад, она показала ее Натану.

– Померяй, – предложил он, и она послушалась. Толстая голубая парка с подкладкой из овчины и отороченным мехом капюшоном сидела отлично. Накинув капюшон, она расставила руки и повернулась кругом. – Ну как?

– Ты напоминаешь малыша, которого впихнули в комбинезон.

– Вот и хорошо. Мне будет тепло, – засмеялась она.

– Простите, вы – Натан Донован? – к ним подошла незнакомая молодая женщина. За ней следовали две подруги. На всех троих были вязанные лыжные шапки и лыжные штаны в обтяжку. Загар на щеках, обветренные носы и характерные белые очертания от очков на рекламно-безупречных лицах.

Натан взглянул на Элли. Она видела, что ему хочется сказать: «Нет», но он натянуто улыбнулся и выдавил: «Да, это я».

– Я так люблю вашу передачу! – воскликнула она. – Можно сделать с вами селфи?

Телефон с камерой был у нее наготове еще до того, как она задала свой вопрос.

– Я пойду заплачу, – показала Элла на свою корзинку. – Жду тебя у выхода.

Натан едва кивнул. Женщина уже обхватила его рукой, а ее подруги тоже вытащили телефоны.

К тому времени как продавец упаковал покупки Элли, вокруг Натана собралась небольшая толпа. Все просили автографы и селфи. Они хотели знать, когда выйдут новые серии. Где он живет? Он проводит тут отпуск? Что за женщина с ним? Значит ли это, что со

Стефани все закончено? Будут ли у них еще дети, после того как умер Карсон?

Натан был бледен, и у Эллы заныло в животе. Как у людей хватает наглости? Продавцы пытались разогнать толпу, но люди плотно окружили Натана. Он слишком долго был ближе к природе. Каждый старался привлечь его внимание и уловить любое его движение.

Он поглядел на нее поверх голов. По его лбу бежала струйка пота. Элле казалось, что знаменитость его масштаба должна быть привычна к толпе и обладать умением изящно отделяться от нее. Когда она была маленькой, то несколько раз видела, как вел себя Стиви Янг по время шопинга в Стэнфордском торговом центре. Но Натан дал загнать себя в угол между вешалкой с куртками и ящиком с носками. Он выглядел так, словно у него вот-вот начнется паника.

– Простите, – Элла протиснулась между толстой женщиной и мальчиком-подростком и обхватила рукой Натана за талию. – Натан, дорогой, нам пора.

– Простите, ребята. Надо идти. – Натан вцепился ей в плечо. Им в лицо защелкали телефоны. Он смотрел на нее с облегчением.

Сцепив пальцы рук и крепко прижимая его руку к своему плечу, она прошла с ним между вешалками с одеждой и вывела его через запасной выход. Когда Натан распахнул дверь, взвывла сигнализация. Они не останавливались, пока не дошли до ее машины на парковке. Тут она отпустила его руку и перевела дыхание, одновременно ища в сумке ключи.

– Это был кошмар, – сказала она, смеясь. И тут ее прорвало. Она не могла перестать смеяться, сложившись пополам и опираясь на машину.

Натан только улыбался, ожидая, пока ее отпустит.

– Ну ладно, вот и ты тоже повеселилась, – сказал он, когда Элла немного успокоилась.

– Фух, и не говори, – выдохнула она, держась за ребра, и подмигнула ему. – Но признай, я же была точно как твой телохранитель.

Он хихикнул.

– Самый милый на свете телохранитель. – Они улыбнулись друг другу, и затем Элла посерьезнела.

– Это с тобой всегда так? – Даже она почувствовала клаустрофобию от этой толпы его поклонников.

– Когда я выхожу на публику, да, – сказал он. Его лицо постепенно приобретало нормальный цвет зимнего загара. Он засунул руки в карманы. – Спасибо тебе.

– Не за что. А чего ты не сказал им, что должен уйти или что-то в этом роде?

– Я пытался пойти за тобой к кассе, но... Хочешь, я честно признаюсь? – Натан приподнял кепку и запустил руку в волосы. Рука дрожала. – Я боюсь толпы. Я из-за этого уехал из Нью-Йорка.

– Ой. Прости. – Она не должна была его оставлять. – А я знала это про тебя? – Он мог сказать ей об этом. Она могла видеть это раньше.

Он покачал головой:

– Я никогда никому не говорил. Плохо бывает, только когда люди подходят слишком близко и я не могу оттуда выбраться.

Выражение его лица было напряженным. Он казался взволнованным, и, пожалуй, впервые Элла увидела, на что была похожа его жизнь. Неудивительно, что он пытался стать отшельником и отрастил бороду, чтобы иметь возможность передвигаться по городу неузнанным.

– Я не должна была от тебя уходить. Прости, что это вышло из-под контроля.

– Это было еще не очень плохо. Я должен бы привыкнуть к этому, но... – Он пожал плечами. – Я создан, чтобы жить на природе. Должен, кстати, предупредить тебя – не удивляйся, если эти фото теперь появятся в социальных сетях.

Элла представила, как это будет выглядеть – они уходят обнявшись, и Натан смотрит на нее, как на свою спасительницу, и выругалась. Эти поклонники со своими фотографиями хуже заразы.

Натан надел свои авиаторы и посмотрел на вход в магазин. – Схожу туда позже, когда народу будет поменьше. – Только тут она поняла, что он оставил свою корзину с покупками где-то в магазине.

– А куда ты сейчас? – спросила она.

– В собачью гостиницу. А ты?

– Я купила все, что надо. Наверное, найду где-нибудь кафе и поработаю со вчерашними записями, пока ты не будешь готов ехать домой.

Натан отцепил ключ от связки.

– Держи. Ты можешь поработать в доме.

Она взяла ключ.

– Спасибо.

– Гостевая комната напротив ванной на нижнем этаже. Она готова.

Полотенца там же. Я привезу что-нибудь на ужин. Увидимся дома.

Он коснулся ее плеча и пошел к своей машине. Когда Элла уселась в свою, она вдруг сообразила, что он, казалось, совсем не расстроился от того, что их лица могут появиться во всех социальных сетях, откуда их могут подобрать сетевые таблоиды *Доступ В Голливуд*, *ЕТонлайн*, *Ах!* или *ТМЗ*, худший из всех, телевизионная помойка.

Сжав руль, Элла опустила голову и застонала. Ну зачем она сказала ему: «Дорогой». Натан был в панике. Она действовала импульсивно. Но она могла представить себе заголовок в *ТМЗ*.

Знаменитый путешественник в трауре бросил мать своего умершего сына ради скандальной журналистки.

Она просто идиотка. В свою защиту она может сказать разве только то, что каждый, у кого есть хоть немного сочувствия, сделал бы для него в этой неприятной ситуации то же самое. Она сделала бы это и для своего мужа.

Дэмьен.

Черт.

Конечно, у него никогда не хватало времени, чтобы читать сплетни и новости шоу-бизнеса, так что сам он вряд ли это увидит. Но любой из его сотрудников может узнать ее и прислать ему ссылку. Надо позвонить ему, чтобы он мог подключить свой ПР-отдел. И надо объяснить ему, что ее отношения с Натаном, ну... В общем, это не то, что он думает.

Но ее звонок сразу попал на автоответчик. В Лондоне был ранний вечер, он, скорее всего, еще на встречах. Или... вполне возможно, что он, расстроенный вчерашним разговором, нарочно ее игнорирует. Она оставила ему сообщение и поехала к Натану.

Когда ближе к вечеру приехал Натан, Элла делала фото на террасе. Услышав его шаги, она обернулась и неожиданно сфотографировала его. Он вошел в дом, снял куртку и шапку, направился к холодильнику и показал ей оттуда две банки пива. Когда он выходил, закрывая за собой дверь, она снова щелкнула его.

– Хватит, – сказал он, подходя к ней. Но улыбка на его лице говорила, что он не сердится.

– Еще несколько. Это нужно для статьи. Или это сделаю я, или мой редактор пошлет фотографа с нами на Аляску.

Он поставил пиво.

– Ну щелкай, Скай.

Она принялась за работу, ставя его в разные позы и командуя повернуть голову так или эдак. Конечно, он прекрасно работал на камеру. Минут через пятнадцать Элла, подняв камеру, уловила за спиной Натана какое-то движение.

– Смотри, – прошептала она, показывая туда.

Натан обернулся. По двору шли олениха с дитенышем.

– Да, это моя постоянная парочка, – обернувшись к Элле, он поманил ее рукой к себе. – Они приходят ко мне почти каждый вечер. Я думаю, у них где-то тут лежка. – Он показал рукой на ряд деревьев неподалеку.

– Они прекрасны.

Они смотрели, как олениха щиплет листья. Небо над ними потемнело, и яркая синева сменилась сполохами розового и лилового. В высоте перекрещивались полосы облаков и хвосты пролетающих самолетов. В воздухе пахло дымом. Должно быть, Натан недавно жег костер. В лесу вокруг было удивительно тихо. Элла расслабилась и, возможно, поэтому не отстранилась, когда Натан подошел сзади и обнял ее обеими руками. Она прислонилась к нему.

Олениха исчезла в гуще кустов, олененок потрусил за ней. Элле стало немного грустно. Ее рука произвольно опустилась и легла на то место на животе, где был шрам от кесарева сечения.

– Что ты больше всего помнишь про сына? – тихо спросила она.

Натан глубоко вздохнул. Его руки упали с ее плеч. Он отошел, взял пиво и отпил его.

– Он всегда что-то делал. Строил, клеил, придумывал.

– Он хотел быть инженером?

– И космонавтом, и адвокатом, и президентом Соединенных Штатов. Разве не все дети так, когда они маленькие?

Она пожала плечами. Откуда ей знать? Хотел бы Саймон полететь в космос? Или стать программистом, как отец? Или писать, как она? Она может искать ответы на эти вопросы всю оставшуюся жизнь.

– У Карсона была такая штука... Он мог уничтожить то, что делал, в десять раз быстрее, чем сделал это. Это было как щелчок выключателя. Он мог быть полностью поглощен своим проектом в одну минуту, и топтать его ногами в следующую.

– Однажды мы строили дом на дереве, небольшой навес метрах в четырех или около того над землей. Там были платформа с перилами и дощечки, которые мы прибивали к дереву, как лестницу. Все очень примитивно.

– Звучит очень здорово.

– Оно и было, когда мы все сделали. Но пока мы строили, я велел Карсону работать внизу ствола. Я показал ему, как прибивать дощечки к коре ствола, чтобы не повредить само дерево. Ну а у него не выходило забивать гвозди так, как ему хотелось, и, вместо того чтоб попросить меня помочь, он начал дубасить этим молотком что твой Тор. И, прежде чем я успел слезть с навеса, он вскарабкался по железной лестнице, по которой залезал я, и порушил половину дощечек, которые я успел прибить наверху. Он моментально вспыхивал. Я терпеть этого не мог. Страшно сердился, когда он вот так выходил из себя. А теперь я скучаю по этому едва ли не больше всего остального. Он бы научился направлять энергию в нужное русло, испытывая собственные пределы. Как я. А теперь никогда... – Натан сбился. Сглотнув, он начал сначала: – Я никогда больше этого не увижу.

Он погладил Эллу по животу. Жест был ласковым, но неожиданным и странным. Она отшатнулась.

– Извини. – Опустив руку, он посмотрел на нее глазами, полными горя, сочувствия и симпатии. – Я не могу себе представить, как бы я не помнил Карсона, и хорошего времени, и вот таких сложных моментов. Я даже вообразить не могу, через что тебе пришлось пройти.

Элла отвернулась. Внезапно все эмоции женщин, переживших поздний выкидыш, о которых она только читала, которые хотела

испытать, которым завидовала у Дэмьена, нахлынули на нее. Настоящие. Сильные. И все сразу. Она едва могла дышать.

– Элла, – прошептал Натан, касаясь ее щеки.

– Не надо. – Она отдернула голову. Это все было слишком. Она чувствовала себя ошеломленной. Неловкость от растущей симпатии к Натану, расстройство от того, что она не помнила, как носила Саймона, разочарование в муже, который не хотел разделить с ней горе, как Натан... Ей надо было побыть одной.

Схватив камеру, она сказала:

– Пойду приготовлюсь к ужину.

– Элла.

То, как Натан сказал это, остановило ее.

– Вчера ты спросила, почему я отменил передачу. Я не ответил тебе.

– Нет. – Она чувствовала, что ему хочется снять с себя этот груз, но она сама не могла сейчас больше ничего выносить. Она и так была вся в кусках.

– Давай поговорим об этом завтра? Ты не против?

Он моргнул:

– Конечно. Можем и завтра.

Она кивнула и ушла в дом.

Глава 22

– Я сказал Скотту об изменении рейса. Он встретит нас в аэропорту завтра, – пояснил ей Натан, закончив разговор с владельцем вертолыжной компании приключений, с которым собирался встретиться за ужином. Но из-за погоды стыковочный рейс из Сиэтла в Анкоридж был задержан, и они не успевали на последний, сорокапятиминутный перелет в Кордову.

– Давай найдем гостиницу на ночь, – предложила Элла.

– Хорошая мысль. Сейчас займусь.

Они доехали на такси до отеля неподалеку, где Натан заказал два номера по телефону, и договорились встретиться в лобби через час, после того как устроятся и примут душ. Элла решительно собиралась сегодня покончить с интервью, чтобы больше не думать о нем и сфокусироваться на себе. Так или иначе, она должна была выяснить, что же случилось прошлым летом.

Оказавшись в номере, Элла проверила телефон. Дэмьен все еще не перезвонил в ответ на ее звонок прошлым вечером. После разговора с Натаном на террасе ей было плевать на то, что последний разговор окончился ссорой. Ей, охваченной переживаниями о своем выкидыше, было просто необходимо услышать голос мужа.

Она как раз собиралась позвонить ему снова, как телефон зажужжал, показывая ей картинку и сообщение от Дейви.

Как вы мило держитесь за руки. А Дэмьен в курсе?

Бо-о-оже. Началось.

Элла плюхнулась на кровать и рассмотрела фотографию. Они с Натаном, рука в руке, смотрят друг на друга. Элла-то видела на его лице облегчение. Но все остальные? Его выражение с легкостью могло быть истолковано как влюбленность, и именно вокруг этого и будут плясать все таблоиды.

Элла написала в ответ:

Это не то, что ты думаешь.

Дейви немедленно отозвалась:

Я знаю. Но это разлетается. TMZ опознал тебя.

Капец.

Дейви прислала ей ссылку. Элла скорее выкинула бы телефон, чем открыла этот сайт, но надо было понимать, с чем приходится иметь дело. Она кликнула по ссылке и прочла: «Натан Donovan Возвращается с Природы – Замечен на Шопинге с Новой Подружкой».

В статье подробно рассказывалось, как Натан Donovan был замечен в магазине с кем-то, кого свидетели описывали как его возможную подругу. TMZ опознал ее как Эллу Скай из *Люкс Авеню*, которая замужем за Дэмьеном Расселлом, директором Phantom Defense Networks. В статье приводилось фото другого журнала с Дэмьеном на обложке. По словам очевидцев, Натан и Элла были очень милы друг с другом. В статье делались предположения, что все это может значить для брака Натана, и означает ли его появление на публике, что началась работа над новыми сериями про выживание.

Все это было плохо. Очень плохо. Хуже, чем Элла ожидала. Даже если Ребекка и может увидеть в этом рекламу будущего эксклюзива, Дэмьен так не подумает.

Где ты?

Написала ей Дейви. Элла ответила.

На Аляске с Натаном. Заканчиваю интервью.

Пришло сообщение от Натана. Он ждал внизу.

Элла подняла глаза вверх, пытаясь собраться и перевести дух. Все происходило так быстро и сразу.

Надо бежать. Поговорим потом.

Написала она Дейви. Потом написала Дэмьену – **Позвони!** – и сунула телефон в карман джинсов.

Внизу Натан стоял, прислонившись к стене возле стойки ресепшена. На нем была потрепанная кепка, надвинутая на глаза, и он стоял, опустив голову, стараясь казаться как можно более незаметным. В лобби и в ресторане отеля было полно народу. Несколько человек уже узнали Натана, вынули телефоны и незаметно фотографировали его.

– Эй, – позвала она, вставая перед ним, чтобы закрыть его от любопытных глаз и фотографирования.

– Эй, – натянуто улыбнувшись, он убрал телефон и несколько раз скрестил руки на груди и опустил их. Видно было, как он напряжен.

Она показала ему, чтобы он наклонился к ней.

– Хочешь заказать еду в номер? – Она говорила ему прямо в ухо, перебивая шум разговоров и пульсирующую музыку из ресторана.

– Да, – положив руку ей на спину, он повел ее к лифтам.

– Толпа действительно тебя пугает.

Он нажал кнопку своего этажа.

– Даже больше, чем раньше. Наверное, это цена отшельничества.

– Я могу как-то тебе помочь?

– Ты уже помогла. Прошлой ночью я понял, что от разговора действительно становится легче. Я уже и забыл, что так бывает. Сегодня утром, проснувшись, я не испытал такой всепожирающей вины.

– Здорово. А в прошлый раз это помогло?

– Да. Но с прошлого лета я больше ни с кем не разговаривал о Карсоне.

Элла коснулась его руки, словно благодаря за доверие. У каждого должно быть, с кем можно поговорить. Как бы она хотела, чтобы Дэмьен поговорил с ней о том, что произошло в ноябре.

Лифт звякнул, двери открылись. Они пришли в номер Натана, заказали и съели легкий ужин. Когда Натан выставил поднос с посудой за дверь, Элла выключила телефон и попросила Натана сделать то же самое, чтобы им не мешали. Она положила диктофон на стол и позвала его сесть к ней на диван.

– Готов? – спросила она, когда он уселся.

– Готов, – подтвердил он, доливая им в бокалы вино.

Элла включила диктофон, и следующие два часа они говорили о Стефани и их сыне. Натан признал, что развод со Стефани неизбежен.

Он не радовался этому, хотя осознавал, что будет проще жить дальше, понимая, что им лучше друг без друга.

Но когда они вернулись к обсуждению его детства, его настроение изменилось. Он говорил о своих родителях искренне, с нежностью и восхищением. Он грустил по отцу и собирался навестить маму в Сан-Диего. Он не видел ее больше года и хотел заняться серфингом.

– Единственная часть меня, которая видела солнце за эти семнадцать месяцев, – это лицо.

Элла рассмеялась.

– А где ты еще серфил, кроме Сан-Диего?

– Много где, но лучше всего в Австралии и на Гавайях.

– А ты был в Заливе Полулуния, где знаменитое течение Маверик?

– Нет, хотя я дико уважаю серферов на больших волнах.

– Как же так? Ты прыгал с аэропланов, лазил по горам, катался на вертольжах на Аляске, но не смотрел в лицо десятиметровой стене воды?

– Черт, нет, – ответил он, смеясь. – Предел, Скай. Я знаю свой.

Она улыбнулась, глядя на диктофон. Красная лампочка помигивала. Становилось поздно, а завтра у них был длинный день, но им надо было обсудить еще одну, последнюю, тему.

– Расскажи мне, как умер твой сын, – осторожно попросила она.

Натан сложил руки на коленях.

– Ладно.

– Ты можешь сейчас говорить об этом?

Он подумал минуту, затем кивнул.

– Я был на съемках, – начал он, ерзая на диване. Он описал Элле то утро и как он говорил с Карсоном по телефону. Сын видел вчерашний эпизод с полетами в вингсьютах и беспрестанно говорил об этом. Он просил Натана взять его полетать, когда он вырастет. Натан обещал, и Карсон сказал, что тогда он будет тренироваться, чтобы быть готовым.

– Я должен был отнестись к этому серьезно. Но я подумал, что эти тренировки...

– Значат? – подтолкнула Элла, когда он замолчал.

– Хороший отец сказал бы сыну, что он любит его и что скоро вернется, верно? – Он вопросительно взглянул на нее, и Элла

автоматически кивнула. – А я этого не сделал. Я думал о другом. Мы в тот день снимали, и я мысленно проходил маршрут. Знаешь Джастина Тернера, актера, который играл прошлым летом в фантастическом блокбастере?

– *Восстание Титанов*? Ну конечно, знаю.

– Он был приглашенной знаменитостью. Он мастер катания на горных велосипедах, и мы должны были в тот день ехать по очень крутым и узким тропам в Моаве. Так что я должен был сосредоточиться. Но на самом деле я должен был слушать Карсона. Я должен был перезвонить ему. – Он провел обеими руками по волосам, затем наклонился и закрыл лицо. – Это не становится легче.

Элла положила руку ему на колено.

– Что? Говорить о Карсоне?

Он кивнул, не отнимая рук от лица.

– Натан, как он погиб? – тихо спросила она.

Он поднял голову и посмотрел прямо на нее.

– Неверный вопрос. Спроси, почему я прекратил снимать передачу.

– Хорошо, – согласилась Элла, не понимая, к чему он клонит. – Почему ты перестал снимать передачу?

– Карсон погиб, посмотрев один из моих фильмов, тот самый, о котором я говорил, с вингсьютом. Мы с моим гостем прыгали с утесов. Такой полет – один из самых пугающих моих опытов. И я помню, как, глядя прямо в камеру, сказал зрителям: «Если есть что-то, что нужно успеть сделать до того, как умрешь, это полет в вингсьюте. Внесите это в свой список».

– Поговорив со мной, Карсон сделал себе самодельный полетный костюм. Забрался на огромную сосну во дворе своей бабушки, у которой они со Стеф тогда гостили. Он хотел летать, как отец, и он прыгнул.

– О господи! – ахнула Элла, одновременно прижав руку ко рту и хватая его за локоть.

– Он раздробил обе ноги и ударился головой. Стеф нашла его под деревом без сознания. – Он крепко сжал себе уголки глаз и несколько раз сильно выдохнул носом. – Он так и не пришел в себя.

У Эллы по щекам катились слезы. Стефани, вот так нашедшая своего мальчика? У нее не было слов. Всхлипывая, она вытерла лицо

руками. Натан обернулся на ее всхлипывания и посмотрел на нее.

– Понимаешь, почему я отменил передачу? Почему я никогда больше не вернусь на телевидение? Мой сын подражал мне. И я уверен, есть и другие дети, которые делают то же. И я не хочу на своей совести их ран и смертей. Одной смерти, смерти моего сына, более чем достаточно. Но я хочу, чтобы ты поняла и чтобы это прозвучало в статье – Стеф знала это наперед. *Это я виноват.* На мне смерть моего сына.

Натан поднялся, прошел мимо нее и подошел к окну. Его трясло от долго сдерживаемых эмоций. Он нервно постукивал по стеклу костяшками пальцев, с каждым ударом все сильнее. В какой-то момент он сжал руку в кулак, и Элла испугалась, что сейчас он ударит им в стекло.

– Натан.

Он повернулся. Их глаза встретились, и между ними прошло что-то невысказанное. Элла забыла, что она на работе. Что они оба женаты. Она перестала противиться желанию утешить его так, как ему было нужно. Выключив диктофон, она подошла к нему вплотную.

Подойдя, она физически ощутила напряжение, идущее от него. Она коснулась его руки, погладила по щеке.

– Натан, – прошептала она.

Он запустил пальцы ей в волосы и прошептал:

– Что с тобой?

Она не знала. Его прикосновения не показались ей знакомыми, но ощущались надежными и нужными.

Это само по себе должно было бы напугать Эллу, но она не отодвинулась. Напротив, придвинулась еще ближе.

Натан наклонился к ней так, что их губы почти касались, и, хотя Элла понимала, что за этим последует, она не чувствовала никакой вины. Только желание облегчить его боль.

Их поцелуй был скорее легким и невинным, чем глубоким, и не продлился долго.

Натан прижался к ней щекой.

– Остайся со мной, – прошептал он. – Позволь мне хотя бы обнять тебя.

– Ладно, – прошептала она, целуя его в шею. Потому что сейчас ему было это нужно. И ей тоже.

Она разулась и легла на постель одетая. Натан выключил свет, тоже разулся и лег рядом, натянул на них одеяло и обнял ее.

– Спасибо, – прошептал он, покрывая ее волосы легкими, мягкими поцелуями. Вскоре Элла почувствовала, что понемногу отключается, и подумала об их разговоре. Может быть, хотя бы сегодня ему будет легче.

Элла проснулась в темной комнате, наполненной непривычными запахами. Она повернулась на бок и долго, медленно, словно поставив на паузу телевизионную картинку, чтобы разглядеть детали, ждала, пока глаза привыкнут к темноте.

Это комната Натана в отеле. Постель Натана. Натан рядом с ней.

Из двери ванной на кровать золотым одеялом упала полоса света. Натан, глядя на нее, ровно дышал.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

Он ласково коснулся ее лица, проведя большим пальцем по верхней губе.

– Ты давно не спишь? – спросила она.

– Нет.

– Сколько времени?

– Думаю, часа два утра.

Его рука скользнула ниже, кончики пальцев пробежали по изгибу шеи, коснулись выреза на рубашке, задержались на верхней пуговице. Он вопросительно посмотрел ей в глаза. Его губы раскрылись.

– Да, – прошептала она до того, как он задал вопрос. Она хотела этого. Хотела его.

Он склонился к ней и ласково, нежно прижался губами к губам. И больше ничего не потребовалось. Это ласковое прикосновение словно воспламенило все то, что накипало между ними, что всегда было там.

Они срывали с себя одежду, путаясь с молниями и пуговицами, целовались, касались, открывая друг друга заново. Когда он положил Эллу на спину и оказался между ее ног, она ожидала, что он ворвется в нее, доводя их до края с той же яростью, что она наблюдала в его фильмах. Но и тут, как было уже несколько раз с тех пор, как она приехала к нему в этот раз, он удивил ее. Он не спешил. Впитывал ее.

Восхищался изгибами и долинами ее тела, вознося ее все выше на вершины.

Прежде чем она перевела дыхание, Натан наклонился над ней, опираясь на локти. Ее голова была как раз между ними. Он взял ее за руки, переплетя ее пальцы со своими.

– Тебе хорошо?

– Очень.

Они улыбнулись друг другу. Натан опустился на нее всем телом и замер. У Эллы вырвался стон. *Господи, как хорошо.*

Но ей хотелось большего.

Она сжала его руку и, упершись ногами в матрас, попыталась приподнять бедра. Он не шевельнулся.

– Ну давай, – вырвалось у нее. Она ждала. Сейчас. Надо.

Натан ворвался в нее. Он двигался жадно, направленно, ища ответа. И Элла была готова к нему.

Золотистый свет подчеркивал резкие черты его лица, подсвечивал голубизну глаз, которые не отрывались от нее.

– Я хочу, чтобы ты вспомнила это, – произнес он возле ее губ.

Элла хотела того же.

Она вгляделась в себя, надеясь и молясь, что, возможно, это сумеет поднять завесу памяти с ее мозга. Но не могла вспомнить. То, что она испытывала с ним сейчас, не было знакомо. Оно было другим. Не таким, как с Дэмьеном. Натан был тяжелее и шире. И пах по-другому, остро, провокативно, возбуждающе.

– Эл.

Ее имя вырвалось из него, как выдох. Она почувствовала его след между глазами.

Натан занимался с ней любовью так, словно они давно были вместе. Как она могла забыть такое? Как она могла забыть его?

Обхватив его руками и ногами, она отдалась своим чувствам. Отдалась ему. И вскоре они улетали куда-то, забыв обо всем. Проваливаясь в блаженную тьму.

Потом, придя в себя, они умылись, выключили свет в ванной, и Натан лег позади нее, тесно прижавшись и держа ее за руку.

Ох нехорошо, подумала Элла, именно потому, что все было слишком хорошо.

Секс с Натаном не вернул ей память. Но он сделал другое. Он заставил ее подумать о своих чувствах. О том, как легко она привязалась к нему. И это только добавило ей желания узнать правду.

Что было между ними прошлым летом? Она ушла сама или он прогнал ее?

Элла сжала его руку.

– Нам надо поговорить, – прошептала она в темноту.

– Я знаю. Завтра. – Он поцеловал ее в плечо и мгновенно заснул. Но когда она проснулась утром, его уже не было.

Элла взволнованно села в постели. Лыжи и сумка Натана были в номере, но сам он куда-то ушел. Возможно, пошел за кофе. Она опустила обратно на подушку и посмотрела на свой телефон. На экране были бесконечные сообщения от Дэмьена.

Дэмьен.

Живот скрутило от чувства вины. Она не могла заставить себя прочесть его сообщения. По крайней мере не сейчас, пока она лежит в постели Натана и пахнет им.

Позже, решила она, поглядев на часы. У них есть еще несколько часов до выезда в аэропорт. Их хватит на то, чтобы разобраться со вчерашними записями и собственными чувствами. Отбросив простыни, Элла быстро оделась и вышла, оставив позади комнату Натана, и, с божьей помощью, собственную вину.

Натан постучался к ней около полудня.

– Можно войти? – спросил он, когда она открыла дверь. Его голос звучал изможденно, и он выглядел уставшим, в отличие от Эллы, которая была в рабочем настроении. Она потирала шею, затекшую от сидения за компьютером.

– Да, конечно, – она широко распахнула дверь, и он вошел, внося с собой запахи Анкориджа – бензина, рыбы и льда. Его нос и щеки покраснели. Он явно довольно долго пробыл на морозе.

– Все в порядке? – спросила она, думая о прошлой ночи. Он жалеет о случившемся? Она сама, к собственному удивлению, давно не чувствовала себя так легко и свободно. Возможно, потому, что ей наконец удалось хорошо поработать, не думая о возможных последствиях. Телефон, полный сообщениями Дэмьена, уже прожег дыру в кармане ее джинсов.

– Э-э-э... хм. Нет. Не совсем.

Он опустил глаза на свою куртку, как бы удивляясь, что она еще на нем. Сорвав, он кинул ее на кровать.

– Куда ты ушел с утра? – Она была разочарована, что его не было рядом, когда она проснулась. Он обещал ей поговорить утром.

– Я вышел пройтись. Меня разбудил телефон, и я все время проговорил. Сперва мне звонил адвокат Стеф, потом я звонил своему. – Он вздохнул, упершись руками в бока. – Я собираюсь подписать согласие на развод.

Элла удивленно моргнула.

– Ты уверен, что хочешь этого? – Натан с женой жили отдельно уже больше года. Но она думала, не повлияла ли на его решение прошлая ночь.

Он дернул плечом.

– Наш брак закончился задолго до смерти Карсона. И нет, – он взглянул на нее. – Это не имеет отношения к тому, что было между нами. К тому, что *есть*. Я решил про Стеф несколько месяцев назад.

– Но я думала, что статья...

– Это было не для того, чтобы ее вернуть, – он подошел к ней ближе. – Это для того, чтобы она простила меня.

– А-а, – нахмурилась она. Она была так уверена в его мотивах, и он ее не поправлял. Она взглянула вниз, на свои ноги в черных носках, стоящие в упор к ботинкам Натана. Ей казалось, что Натану не нужно, чтобы Стефани простила его. Ему нужно было простить себя самому. Но самопрощение нельзя ускорить. Она знала это как никто. Грейс умерла двадцать лет назад, и Элла до сих пор ощущала себя виновной в этом.

Натан приподнял ей голову, ища ее взгляд.

– А что с нами? У нас все хорошо?

– Да. Все хорошо. – Они улыбнулись друг другу.

– Прости, что меня не было, когда ты проснулась. Я хотел утром заняться с тобой любовью.

– И поговорить, – напомнила она.

Он прижался лбом к ее лбу.

– Да, поговорить. Я тоже этого хочу. Обещаю, сегодня. Но пока... – Он быстро, резко поцеловал ее и со стоном оторвался. – Надо успеть на самолет. Отсюда летит один рейс в день. И, как бы я ни

хотел затащить тебя в постель, нам нельзя его пропустить. – Он взглянул на часы. – В лобби через двадцать минут.

Она согласилась. Схватив куртку, он снова поцеловал ее и вышел, оставив ее собираться.

Глава 23

Окруженная сияющими вершинами Чугачских гор, Кордова – милый прибрежный городок на юго-востоке Аляски. Погодное приложение сообщило Элле, что температура сейчас чуть выше нуля, но с высокой влажностью и сильным ветром ощущается как ниже нуля. Выходя из аэропорта к встречающей машине, Элла поплотнее запахнулась в куртку.

Скотт Берджесс, владелец вертолыжной компании, уже ждал их. Сухощавый и жилистый, с загорелым докрасна лицом и потрескавшимися ладонями, он долго жал руку Натану, явно очень довольный, что к нему прилетел *сам* Донован. Он обрадовался еще больше, когда Натан представил ему Эллу, сказав, что она пишет о нем статью для *Люкс Авеню*. Не задумавшись ни на секунду, Скотт тут же попросил упомянуть его в статье.

– Ты можешь найти все что надо на нашем сайте. Но, пожалуйста, не стесняйся, – и он сложил ладони как для молитвы. – Спрашивай меня о чем угодно.

– Договорились, – ответила Элла, врываясь в его минивэн, едва Скотт отодвинул скользящую боковую дверь, – так ей хотелось скорее спастись от жуткого холода. Натан сел впереди рядом с водителем.

Скотт загрузил в багажник вещи и снаряжение, сел на водительское место и повернулся вполоборота так, чтобы видеть и ее, и Натана.

– В общем, друзья, расклад такой. У нас феерический сезон. База переполнена. У меня нет ни одной свободной комнаты. В той, что заказана для тебя, – он кивнул на Натана, – можно спать вчетвером. Там кровать квин-сайз и раскладной диван. Но я на всякий случай заказал еще комнату в местном мотеле, если, – он посмотрел на Эллу, – тебе нужен отдельный номер. Я говорю это сейчас, потому что мы поедем через город и можем тогда высадить тебя до того, как поедем на базу.

Натан пожал плечами.

– Мне все равно. Я не против разделить номер.

– Если ты будешь спать на диване, – фыркнула Элла. После прошлой ночи ей было бы трудно *не* разделить с ним комнату.

– Отлично. Тогда едем на базу. – Скотт включил мотор.

– Что завтра? Думаешь, можно будет подняться на гору? – спросил Натан, когда они выезжали из аэропорта.

– Утром будет понятно, но пока все выглядит хорошо. Думаю, мы сможем сделать высадок восемь или около того. – Скотт пояснил Элле, что при наличии трех вертолетов и примерно трех тысяч квадратных километров пространства, поднимающегося на высоту шести километров под углом пятьдесят пять градусов, за погодой надо следить постоянно. От этого зависит безопасность пилотов, инструкторов и гостей. Любое изменение погоды в худшую сторону или малейший риск лавины – и день пропал. Никто никуда не летит.

– А это вообще очень опасно?

– Вертолыжи? Ну, это не был бы самый фееричный способ катания на лыжах, если бы это не было так, – отрезал Скотт, и Натан ухмыльнулся. Он-то знал об этом. Спуск на лыжах по нетронутому высокогорному склону может иметь тяжелые последствия. Но для тех, кто ищет адреналина в спусках с высоких гор, это было самое оно. Вершина рискованного спорта.

– А ты раньше занимался вертолыжами? – спросила Элла Натана.

– Два раза. В Сильвертоне в Колорадо и в Руби-Ридж в Неваде. Но на Аляске я в первый раз.

– И ты не пожалеешь, приятель, – пообещал Скотт.

Элле и самой случилось делать рискованные вещи, но то, что описывал Скотт, звучало жутковато. Натан мог быть опытейшим лыжником, но она волновалась за него. И ей хотелось это увидеть. Она решила, что потом спросит, можно ли найти ей место в одном из вертолетов. Естественно, за счет *Люкса*.

База находилась в десяти минутах езды к северу от аэропорта, прямо на берегу. Раньше здесь находился старый консервный завод, теперь же тут были жилое здание, вертолетная площадка и ангар. Скотт сказал, что еще есть ресторан, где все едят, и баня с горячими ваннами и саунами, чтобы отдохнуть после спусков.

Он припарковал машину, и они вышли.

– Вы, ребята, идите располагайтесь. Ужин будет не раньше чем через час, но вы спускайтесь, и мы выпьем пива. Я познакомлю вас с

командой.

– Отлично, – Натан закинул на плечо Эллину сумку. – Я возьму.

– Спасибо, – ответила она. В спину ей ударил порыв ледяного ветра. – Господи, ну и мороз.

Скотт усмехнулся. Он вытащил сумку Натана и один из чехлов с лыжами.

– Пошли впустим даму в дом. – Натан подхватил второй чехол. Элла не могла не согласиться.

Они прошли за Скоттом в теплый дом. Это было божественно. Натан занялся формальностями.

Солнце еще не зашло, но уже смеркалось. Элла включила свет в крошечной комнате. Широкая кровать и диван занимали почти все пространство, так что, когда они все распакуют, ходить будет практически негде. Сама комната была довольно потрепанной, но уютной.

– Ты точно не против жить вместе? – спросила Элла, когда Натан вышел из ванной. Не считая того неудобства, что пришлось бы снова гонять минивэн базы в город и обратно, ей не хотелось быть слишком далеко от Натана, особенно теперь, когда им остался последний важный разговор.

– Я нет, а ты? Это же ты у нас замужняя. – Он шутил, но Элла различила в его тоне нотки раздражения. Ему явно не нравилось, что она не свободна.

– Ну так и ты тоже, – возразила она.

– Ну уже ненадолго, – отмахнулся он, подходя к ней и глядя ее по щеке. Длинные пальцы нырнули в ее волосы. – Ты как-то сказала, что уйдешь от Дэмьена ко мне.

Она резко отдернула голову.

– Прощлым летом я влюбился в тебя, – признался он шепотом.

– *Что?*

– Ну а как не влюбиться? Ты провела со мной в походе почти неделю, спала на земле в грязи и ни разу ни на что не пожаловалась. Ты катаешься на лыжах, бегаешь, можешь вскочить на снегоход и ловить кайф. Я готов поспорить, ты бы и на вертолыжах поехала, если бы была готова физически. Элла Скай, ты сидишь на адреналине точно так же, как я. Но больше того, с тобой весело. Ты умная и образованная. С тобой можно вести самый серьезный разговор – а в

следующий момент ты можешь поддеть. А секс! Вау! – Он рассмеялся, всплеснув руками. – Ты сводишь с ума. Прошлая ночь – лишь малая толика того, что у нас было раньше. Вот погоди, то ли будет, когда все войдет в колею.

У нее пылало лицо. Она хотела, чтобы он замолчал. Это было слишком. – Натан...

– Я продолжаю любить тебя, – признался он. – И я знаю, где-то там, у тебя в голове, ты чувствуешь то же. Ты мне говорила.

Она – что?

Она отступила назад. Ей нужно было это переварить.

Он опустил руки.

– Кажется, ты удивлена.

– Мягко говоря. – Ее сердце билось где-то в горле. В груди поднималось ощущение сосущей пустоты. – Почему ты говоришь мне это сейчас?

– Я не хотел тебя огорчить.

– У меня вдруг появилось впечатление, что многое из того, что я так ждала услышать от тебя, будет огорчительным. – Господи. Она влюбилась в другого. Хуже того, она собиралась бросить своего прекрасного, великолепного мужа. Которого любила.

И которому только что изменила. Причем снова, мрачно подумала она.

Разумная женщина сейчас села бы в машину, вернулась в аэропорт и улетела бы в Лондон к своему мужу. И никогда не говорила бы с ним об этом. Но ей не хотелось уезжать. То, что Натан сказал ей, будто бы она любила его и собиралась бросить Дэмьена, стало для нее шоком, но объяснило многое. А именно то, почему она с такой легкостью влюбилась в него. И опять же, с Дэмьеном было так же. Элла влюблялась сильно и быстро. Она хотела любить и быть любимой.

Трахнутая во всех смыслах.

Натан так и стоял, глядя на нее и затаив дыхание.

Он должен был сказать ей все, как только она приехала. Но так же, как Дэмьен, он прикусил язык.

Прикуси язык.

Опять эта фраза.

Элла прищурилась. Натан опасно посмотрел на нее.

– Так вот почему ты сдерживался? Боялся, как я отреагирую?

– Нет. – Он шумно выдохнул. – Ладно. Немного. Но я хотел, чтобы ты понимала, кто я такой, когда мы начнем разговор. Я не хочу потерять тебя снова, – признался он.

Ее первой мыслью было, что она тоже не хочет его потерять. Но нет, не так. Она не хочет его отпустить. Она не хочет от него уходить. А больше всего она не понимает, чего хочет. Ей нужно время и место, чтобы подумать.

Приподнявшись на цыпочки, она поцеловала его в шею, в подбородок, в губы. – Иди, – прошептала она. – Поговорим ночью.

Натан ушел разговаривать со Скоттом, а Элла присоединилась к ним за ужином. После, оставив Натана внизу, она вернулась в номер работать над статьей. К десяти вечера Натан еще не вернулся. Уставшая Элла выключила компьютер и легла спать.

Примерно часом позже ее разбудил Натан, лежащий в постель. Он обнял ее, обдавая плечо теплым дыханием, и осторожно провел пальцем по шраму у нее на животе. Она сжала его пальцы, останавливая их.

Он зарылся лицом в изгиб ее шеи и пробормотал что-то невнятное. По тону это звучало как извинение.

Она повернула к нему голову.

– Что?

Он поцеловал ее в плечо.

– Ты собираешься попробовать снова?

– Иметь детей? – переспросила она. – Не знаю. Я бы хотела. – Но Дэмьен не хотел даже говорить об этом. А она не хотела думать про Дэмьена, лежа в постели с другим. Сейчас она вообще не хотела думать ни о чем.

Повернувшись в объятиях Натана, она толкнула его на спину и оседлала. Он был готов, и она впустила его. Он накрыл ладонями ее грудь.

– Ты прекрасна.

– Ты меня не видишь. – В комнате было темным-темно. Она с трудом различала контур его лица.

– Я тебя чувствую.

Она тоже чувствовала. Везде, именно так, как и хотела. Чувствовать. Сейчас. В темноте.

С Натаном.

Глава 24

– Элла.

Она застонала и зарылась под одеяло.

– Элла, – Натан тряс ее за плечо.

Ее веки задрожали. В комнате было темно, но внутренние часы говорили ей, что уже утро.

Натан включил лампочку у кровати. Она снова застонала и спрятала лицо в подушку.

– Выключи!

– Просыпайся, Скай.

Она послушно открыла глаза. Натан ухмыльнулся. Он излучал энергию.

– Ну что? – пробурчала она хриплым спросонья голосом.

– Небо чистое, можно лететь. Я заказал тебе место в вертолете.

– Да? – Она села и скинула одеяло. – Что же ты мне сразу не сказал?

Натан подвинулся, освобождая ей путь. Уже одетый в лыжный костюм, он так и сиял.

– Доволен? – Она рылась в своей одежде, выбирая нужное. Вчера она сказала, что, если будет место, она хотела бы полететь с ними. Она сфотографирует для статьи, как он катается на вертольках.

Обернувшись через плечо на Натана, она увидела, что он наблюдает за ней. – Как это я не услышала, что ты встал и оделся?

– Я тебя вчера измотал.

Она закатила глаза:

– Да уж. Не иначе все дело в этом.

– Ты храпела.

– Я не храплю.

– Тихонько похрюкивала, – сказал он, показывая пальцами щепотку.

– Я не хрюкаю. – Она стегнула его по ногам рубашкой и ушла в ванную переодеваться.

За завтраком они встретили Скотта и еще одного инструктора, а потом Элле пришлось выслушать самый длинный и подробный

инструктаж по технике безопасности в ее жизни. Он продолжался целый час и включал все, от погрузки в вертолет и выгрузки, условий спуска, готовности к лавинам и важности подчинения инструктору. Его слово – закон. Неподчинение правилам ведет к немедленному удалению с горы и возвращению на базу. Деньги не возвращаются. Каждый инструктор прошел курс скорой медицинской помощи. Каждый лыжник оснащен переносным радио для связи с инструктором.

Когда они наконец сели в вертолет, Элла оказалась впереди, между Кэмом, пилотом, и Треем, одним из инструкторов. Сзади сидели Скотт, Натан и супружеская пара из Канады. Они были счастливы выше крыши, что будут кататься с самим Натаном Донованом. Натан любезно дал им сфотографировать себя возле вертолета. Скотт загрузил лыжи и палки в грузовой отсек, который был похож на корзину, висящую поверх полозьев вертолета. Он вскарабкался в кабину, и они начали подъем, все выше и выше, над белоснежным пейзажем.

Полет был неровным, но виды – потрясающими. Горы казались величественными, и Элла против воли тоже ощущала восторг лыжников. У нее билось сердце и взмокли ладони, пока они поднимались все выше над склоном горы, огибая уступы. Элла широко улыбалась, представляя, как будет следить за спуском Натана. Она помахала ему через плечо, показав большой палец.

В общем-то вертолет работал подъемником. Первая высадка была в восьми минутах от подножия, каждая следующая – с промежутком от двух до четырех минут, и вертолет возвращался на базу. В зависимости от того, как пойдет, Скотт надеялся, что у них будет семь вылетов. Это семь высадок на разных вершинах – без посадки вертолета, он просто зависает близко от поверхности – и семь подборов, с полетами в промежутке.

Лыжники будут спускаться по склону по одному, от одной безопасной зоны до другой, пока все не соберутся в зоне подбора, ЗП, как назвал ее Кэм, в конце спуска. Скотт едет первым, Натан за ним, потом канадская пара. Трей замыкает спуск.

После первой высадки Кэм включил рацию. У них с Эллой в вертолете были наушники, так что они могли переговариваться сквозь шум винта, пока остальные спускались.

– Мы зависнем над ними, и ты все увидишь.

Вертолет нырнул в ущелье, и у Эллы свело в животе. Но она помахала Кэму в благодарность и приготовила камеру.

Как Скотт объяснял во время инструктажа, лыжники едут по одному. Скотт поехал первым, рассекая нетронутый склон, втыкая палки в свежие сугробы. Он быстро мчался, набирая скорость, пока не влетел в первую зону безопасности, место примерно на трети спуска.

Натан пустился за ним. Сердце Эллы билось где-то в горле. Нервный пот покрыл щеки и шею, стекая вниз по спине, но она взвела камеру и сделала кучу снимков.

Натан присоединился к Скотту, за ним канадцы, затем Трей, и так, поочередно, все они оказались в ЗП. Скотт включил радио и дал Кэму сигнал, что они готовы к забору.

Натан забрался в вертолет первым, и они встретились глазами. Она видела, что ему хочется рассказать ей, как это потрясающе, но его слова все равно пропали бы в шуме вертолета. Вместо этого они обменялись улыбками. Он все расскажет ей, когда они вернутся на базу.

То же самое повторилось еще на трех высадках, и наконец они достигли самой высокой на сегодня вершины, где должны были спуститься с высоты пятьсот метров под углом пятьдесят градусов. Они выгрузились в зоне высадки, Скотт дал сигнал, и Кэм взлетел. Они пролетели вниз вдоль спуска и описали большой круг, чтобы Элла все увидела. Скотт поехал, и, когда он достиг первой зоны безопасности, Элла приготовила камеру.

Натан начал спуск, двигаясь по следу Скотта. Элла подняла камеру, но вдруг вертолет задрожал и резко нырнул. Кэм выругался.

Элла опустила камеру и оглянулась, думая, что что-то случилось с вертолетом. Но Кэм смотрел не на приборную доску, а наружу.

Элла взглянула туда же и ахнула. Внутри ее все сжалось, пока мозг пытался осознать увиденное. Скотт мчался, спасая свою жизнь, с Натаном по пятам. А весь горный склон как будто уходил у них из-под ног. Лавина. И снежный поток вот-вот догонял Натана.

Скотт, мчавшийся на несколько метров впереди, смог уйти вбок с пути лавины. Он тут же связался с Кэмом. – Ты видишь?

– Да. Снижаюсь. – Кэм спустился ниже, готовясь подобрать их в любой момент. – Давай, гони, сукин сын, – пробормотал он в рацию.

Ни он, ни Элла не могли ничего поделать, кроме как в слепом ужасе следить, как Натан пытается убежать от смертельного сугроба.

Элла поняла, что увидеть настоящую лавину – совсем не то, что смотреть видео в Ютьюбе, где можно перемотать вперед, чтобы не видеть самого страшного, или вообще остановить запись и уйти. Она не могла не смотреть, даже если бы попыталась. Она могла только, замерев, наблюдать, как Натан, направив лыжи вниз, яростно отталкивается палками, стараясь спастись. Но лавина догнала и закутила его, головой вниз, лыжи в стороны, снова, и снова, и снова.

Последнее, что услышала Элла перед тем, как Натан окончательно исчез в белом клубке, были слова Скотта по рации:

– Тяжелый. Быстро спускается.

– Если так будет продолжаться, нам сегодня не заснуть.

Проведя день в больнице, а добрую часть вечера внизу со Скоттом и его командой, обсуждая их сегодняшний смертельный опыт, Элла наконец оказалась наедине с Натаном в их комнате. Он был жив и цел, и она не могла от него оторваться. И его тело тоже не отказывалось реагировать на ее действия.

– Прости. – Она поправила его пижамные штаны, чтобы резинка не давила на большой синяк на бедре.

Натан выбрался из лавины практически целым, если не считать пары ушибленных ребер, небольшой контузии и вывихнутого плеча, в котором была старая травма от падения с мотоцикла. Лавина оказалась совсем маленькой – для лавины. Небольшая шапка снега, сорвавшаяся от спуска Натана. Когда она замедлилась и Натана перестало крутить, он связался со Скоттом, сообщил, что жив, и даже успел сам откопаться до того, как Скотт нашел его. А к моменту, как к ним спустились канадцы и Трей, Натан уже стоял и рассказывал, как повредил плечо.

Лавина может начаться по многим причинам, но Скотт считал, что это случилось потому, что новый снег выпал на слой уже плотно слежавшегося.

Но, большая или маленькая, лавина была не тем зрелищем, которое Элла хотела бы увидеть снова. У нее тряслись руки, когда она помогала Натану надеть рубашку, потому что его плечо было в лубке. Неудивительно, что Стефани боялась за него. Она не могла себе

представить, как это – переживать такое каждый раз, как он выходит из дому.

Элла заправила ему майку, и Натан опустился на кровать.

– У меня все болит.

И у нее тоже. В груди лежал мертвый груз.

Прикусив губу, она попыталась отвлечься, поправляя на Натане одеяло. С учетом деловых переговоров со Скоттом, нависшего развода и свежих ушибов, Натану было вполне достаточно. Последнее, что ему было нужно, – ее причитания над ним.

Но ей было тяжело. Сцена в горах стояла у нее перед глазами. Вот Натан спотыкается, утерев контроль, и исчезает, погребенный заживо под слоем снега. И не важно, что этот слой был толщиной в пару десятков сантиметров рыхлого снега, и все, что ему пришлось сделать, – это подняться и стряхнуть его. Смотреть на это было жутко. Слеза скатилась у нее по щеке и повисла на подбородке. За ней последовала другая. Натан с интересом наблюдал за ней. Смутившись, она отвернулась и вытерла лицо.

– Эй, – позвал он.

Она повернулась к нему, проведя рукавом рубашки по щеке.

– Иди сюда, – Натан протянул руку поперек подушки, зовя ее в постель.

Она скользнула под одеяло и прижалась к нему, стараясь не задеть ушибы. Он пах больницей, антисептиком и перекисью, и она неожиданно перенеслась в то утро, когда забыла Саймона, те же запахи стояли у нее в носу. Она уткнулась ему в грудь и заплакала.

– Зачем, зачем ты это делаешь?

Он поднял руку и погладил ее по голове.

– Я хочу чувствовать, что живу.

Вертолыжи, полеты в винг-сьюте, свободное падение, безумные прыжки с парашютом. Он делал столько всего и, несмотря на это, говорил ей в интервью, что хотел бы большего – например, подняться на Эверест или пойти в антарктический поход, но поклялся сам себе, что закончил. Но теперь, когда он разводится со Стефани и снова почувствовал вкус экстрима после долгого воздержания, Элла сомневалась, что он сможет устоять.

– Думаешь, оно стоит того, чтобы убиться в процессе?

Слова вырвались у нее, прежде чем она успела передумать. Натан рядом с ней напрягся. Она знала почему. То же самое наверняка говорила ему Стефани.

– Тебе больше не тридцать лет, – рискнула она продолжить. – Собственно, тебе уже ближе к сорока, чем к тридцати. – Она попыталась говорить шутливо.

– Знаю, – его выражение смягчилось, и он хихикнул. И тут же взвыл. – Оххх. – Смех и ушибленные ребра плохо сочетались. – Спасибо, Скай, что сообщила мне мой возраст.

– Всегда пожалуйста, старик. – Она положила подбородок ему на грудь и улыбнулась. В свои тридцать семь он был в исключительной форме.

– И я знаю еще кое-что, – добавил он слегка заплетающимся голосом, прикрывая глаза. Болеутоляющие начали действовать.

– Что же? – прошептала она.

– С тобой я тоже живой.

Глава 25

Эллу разбудил Натан. Он был везде. Жадно целовал ее грудь, покусывал ребра, щипал за бедро, а затем поцеловал ее шрам.

Еще в полусне, но заинтересованная его вниманием, Элла приподнялась на локтях.

– Почему тебя так тянет к моему шраму? – сонно спросила она.

Натан приподнял голову и встретился с ней глазами. Затем перекатился на спину и лег рядом с ней.

– Натан?

Он прикрыл глаза локтем здоровой руки.

Элла одернула ночную рубашку и села в постели.

– Ответь мне.

Он поглядел на нее из-под руки.

– Вот прямо сейчас? Я весь побитый, ушибленный, на лекарствах...

– Не притворяйся младенцем, – она шутливо пихнула его. Физически он был крепче всех, кого она знала. – Ты принял с утра таблетку?

– Я собирался, но что-то меня отвлекло, – он потянулся к ее груди.

Она отвела его руку.

– Сосредоточься. Ты. Я. Прошлым летом. – В ее голосе было ожидание. – Ты собирался пройти по Тихоокеанской Тропе, и после того, как за тобой месяцами гонялись разные медиа, ты вдруг решил дать эксклюзивное интервью *Люкс Авеню*. Ты позвонил Ребекке, она послала меня. Ты вернулся с дороги, подобрал меня в Долине Скво на парковке. Мы шли пять дней, а потом? Что было потом?

– Бо-о-оже, Скай! Еще рано! Можно, я хотя бы умоюсь и оденусь? И кофе тоже не помешал бы.

Элла глянула на часы. Семь утра. Если они пойдут вниз за кофе, Натан начнет разговаривать со Скоттом или с кем-то еще из гостей или инструкторов. И пройдут часы, прежде чем она снова окажется с ним вдвоем.

Она потрясла головой:

– Нет. Сейчас. Давай закончим с этим, чтобы я могла писать.
У меня дедлайн. Что мы делали на Тропе?

– Ладно. Мы шли и разговаривали.

– О чем?

Он ущипнул себя за нос и закрыл глаза.

– Не знаю. О многом мы уже вспомнили на этой неделе.

Она нахмурилась.

– Но это же не все.

Он приподнял брови и развел руками, как бы говоря: а чего ты ожидала?

Гораздо большего.

Должна быть веская причина, по которой она согласилась поехать потом к нему домой.

Натан молча смотрел на нее.

– Ну... А что было потом? – спросила она.

– Нечто неожиданное. – Он убрал руку, перекинув ее на живот, и открыл глаза. – Я влюбился в тебя. Я пригласил тебя к себе, и ты помогла мне разобраться с моей виной.

– Да, это я поняла, но мне кажется, тут есть еще что-то, чего я не понимаю. Ты отозвал статью из-за того, что у нас был роман? – спросила она, сложив руки на коленях.

Но это не объясняло бы, почему он снова предложил *Люкс Авеню* эксклюзив.

Натан тер нос, глядя куда-то в потолок.

У Эллы заныло в груди. Тут было что-то не так. Должно быть, Натан почувствовал смену ее настроения, потому что схватил ее за руку и сильно сжал.

– Не уходи, – прохрипел он.

В любой другой момент эта хрипотца в его голосе вызвала бы в ней желание немедленно раздеть его. Но не теперь.

– Пусти, пожалуйста.

– Элла, я люблю тебя. Не уходи.

Я не хочу потерять тебя снова.

Он сказал это два дня назад.

И тут ей стало все ясно.

Она не собиралась бросать Дэмьена ради Натана. Она бросила Натана.

Внезапно все встало на места. Натан влюбился в нее. Он тоже был ей небезразличен. Она сильно увлеклась им. Но ей не верилось, что она полюбила его. Она с самого начала собиралась вернуться в Сан-Франциско, написать статью и сдать ее редактору. Остаться с Дэмьеном и бросить Натана.

Натан был для нее всего лишь увлечением, верно?

Элла вспомнила, как Натан все время интересовался Дэмьеном.

Как к этому относится Дэмьен?

Это не имело отношения к ее выкидышу. Это имело отношение ко времени, что она провела с Натаном. Потому что Дэмьен знал об ее летнем романе. И Натан знал, что он знает. Откуда?

– Ты меня шантажировал. – Глаза Натана загорелись. Элла вырвала у него руку и отскочила на кровати. – Ты поставил условие, что согласишься на выход статьи, только если я соглашусь уйти от Дэмьена. Я отказалась, и ты угрожал рассказать все Дэмьену, пока я не убила статью. Так ты меня убедил.

Она помотала головой.

– Нет, и это еще не все, – подумала она вслух и ахнула, когда до нее дошло. – Ты угрожал рассказать обо всем моему начальству. Вот как ты меня убедил.

Если бы Ребекка узнала, что она переспала с Натаном во время работы, Элла потеряла бы гораздо больше, чем эксклюзивное задание. Она потеряла бы работу в *Люкс Авеню*, попала бы в черный список, и ее не взяли бы больше ни в одно приличное издание.

Тогда как вышло, что она снова получила это задание?

– Если ты не хотел, чтобы статья вышла, зачем ты снова позвонил Ребекке?

Натан негромко фыркнул. Этот тихий издевательский звук только усугубил оцепенение, охватившее Эллу минуту назад. Но тут же, скорчив гримасу от боли в ребрах, Натан медленно повернулся на бок и приподнялся, опираясь на локоть.

– Я не собирался этого делать, – он повел руками. – Так само вышло. Сказать, что я был в шоке, увидев тебя, это ничего не сказать. Клянусь богом, я не знал, что ты потеряла память.

Но тем не менее он отлично этим воспользовался. Попытался разжалобить ее, разговаривая об их общих потерях, в надежде, что она поддастся и снова влюбится в него, на этот раз оставшись с ним.

И она таки почти влюбилась.

– Зачем ты позвонил Ребекке?

– Потому что, Элла... – Он сделал долгую паузу. – Я волновался за тебя с тех пор, как ты потеряла нашего ребенка.

Глава 26

– Так, – Элла вскочила с кровати, наставив на Натана палец. – Замолчи сейчас же. Это. Не. Смешно. Саймон...

– Был от меня.

Ей показалось, что она уплывает и тонет. Она покачнулась, прижав руку к животу.

– Я говорила тебе, что он твой?

– Нет. Мы случайно встретились в октябре в Рино, – он поднялся и сел в постели, всем весом опираясь на здоровую руку и прижимая другую к больным ребрам. – Ты была заметно беременна. Ты сказала, что у тебя девятнадцать недель. Получалось, что ты в это время была со мной, вот я и спросил.

– Ты много о себе понимаешь. Вообще-то я замужем.

– А так и не скажешь.

Элла взвилась.

– Сволочь. – Уж не ему ее попрекать.

– Мой вопрос так и остался открытым. Ты мне не ответила. Я имел право знать. И имею. – Он оттолкнулся от кровати и медленно встал, шипя сквозь зубы от боли в мышцах, поврежденных во вчерашнем падении. – Но я продолжал спрашивать. Я хотел сделать тест на отцовство, но ты меня заблокировала.

– Ты преследовал меня?

– Я тебя любил. Я хотел принимать участие в жизни Саймона. Жизни *своего* сына, – ответил он, делая движение в ее сторону. – Элла, скажи мне хотя бы сейчас. Он был мой?

– Хватит! – Она рубанула рукой воздух. – Я наслушалась. – И это после всего, что она вынесла. После его потери горе вынуждало его хвататься за любую соломинку, пытаясь сделать ее своей. Но Саймон не будет этой соломинкой. Как только ему хватило совести говорить, что это его ребенок.

Элла озиралась вокруг, словно впервые увидела эту комнату. Серый утренний свет, пробивающийся сквозь щели жалюзи. Смятые простыни.

Господи! Что она наделала? Зачем она тут? С ним?

Элла кинулась к своей сумке и схватила джинсы.

– Ты позвонила мне прямо перед своей аварией.

Элла застыла.

– Я думал, ты собиралась ответить мне, но звонок прервался.

Она крепко зажмурилась, чтобы заблокировать эти слова. Безуспешно. Они были тут, они хотели быть услышаны. Впитаны. Учтены.

Элла сняла ночную рубашку и надела лифчик. Она попыталась надеть чистую майку, но руки так тряслись, что она несколько раз уронила ее.

Натан понизил голос. Она чувствовала, как он стоит позади нее, чувствовала колебания воздуха от его слов.

– Я несколько дней пытался дозвониться тебе после того звонка. Я волновался. Ребекка сказала, что ты попала в аварию. Я не мог застать тебя и позвонил ей. Я приходил к тебе в больницу.

– Что? – Наконец надев майку, Элла резко обернулась. В голове у нее пронеслись последний день в госпитале и сестра Джиллиан, говорившая ей о беспорядке накануне. Ссора с Дэмьеном, о которой упоминал Эндрю. Беспорядок, наверное, случился из-за разборок Дэмьена с Натаном. Дэмьен не пустил бы его к ней.

Засунув рубашку в сумку, Элла начала яростно укладывать вещи. Будучи достаточно жесткой, обычно она спокойно переносила истории о самых худших проявлениях человеческой природы. Но эта реальность, *ее* реальность? Что Натан сделал ей? Что *она* сделала Натану? Для нее все это было уже слишком. Она должна убраться отсюда.

– Что ты делаешь? – спросил Натан, моргая и продолжая держаться за бок.

– А на что это похоже? Я уезжаю.

– Ты не можешь, – ответил он.

– А ты погляди.

Натан помрачнел. Температура в комнате понизилась до нуля.

– Ты. Стерва.

Элла обернулась:

– Извини?

– Получила свою историю и сваливаешь?

– Я уезжаю не поэтому, и ты это знаешь. – Она застегнула сумку.

– А почему же? Не понравилось то, что услышала? Ты ожидала другого?

– Я не знаю, чего ожидала. Но точно не этого.

– Ну тогда попробуй, примерь такое, – сказал он, следуя за ней в ванную. – Трахаться и сбегать – это твой способ работы. Так ты и получаешь все свои интервью. Ты сделала так со мной прошлым летом, и так же – с актером Майклом Лидом. Заставила его проболтаться о романе с его партнером по фильму. Ты встретила сенатора Бурмейстера, у которого месяцами пыталась взять интервью, на благотворительном обеде, очаровала его и трахнула. И что же – его секретарша тут же звонит в *Люкс Авеню* с предложением эксклюзива. А Дэмьен! Конечно, с ним ты осталась, но ты трахалась с ним в первую же ночь после встречи, потому что тебе нужна была история. Ты много мне рассказала прошлым летом, Скай, и не все было так уж хорошо.

Она дала ему пощечину и замерла от звука удара ладони по щеке. Она в жизни никого не била. Но она и не злилась ни на кого так, как на Натана. Он почти не шелохнулся, но его глаза похолодели, два айсберга, выжигающие ее холодом до костей.

– Я бы сказала, что ты несешь чушь на лекарствах, но только ты не принимал их с утра.

– Я говорю правду, – прорычал он. – Я только повторяю то, что ты мне сама рассказала тем летом.

– Да с чего бы я стала тебе такое рассказывать? – Его слова обжигали.

– А я знаю, детка? Мы правда были близки. Может, тебе хотелось выплеснуть кому-то свое дерьмо.

Его обвинения били в больную точку, чего он и добивался. Но хуже всего было то, что он говорил правду, какой бы отвратной она ни была. Элла помнила эти интервью, но все они были до Дэмьена.

Что же касается Саймона, она не знала, где правда, а где ложь. Но она знала, что не может верить Натану. Поехать с ним на Аляску было ужасной ошибкой.

Сгребя из ванной свои умывальные принадлежности, она протиснулась мимо Натана и бросила их в сумку. Ее так трясло, что она едва не уронила компьютер, когда упаковывала его.

– А что, тебе ведь было легко забраться со мной в постель? Я бы сказал, никакой вины. Ты готова на что угодно, лишь бы получить свою историю.

Она засунула лэптоп в сумку.

– А я-то искренне думал, что отличаюсь от всех остальных.

В его голосе было столько злобы, что она замерла на пути к двери.

– Хочешь верь, хочешь нет, ты отличался. Мне было не наплевать на тебя. А еще я трахалась с тобой, чтобы посмотреть, не включит ли это мою память. Но, очевидно, не вышло.

Правда лишь отчасти. Но ей тоже хотелось причинить ему боль.

Отступив, Натан опустил на кровать.

Она взялась за ручку двери.

– Элла, – тихо позвал он.

Она остановилась у двери, не оборачиваясь.

Он вздохнул:

– Я позвоню в авиакомпанию. Закажу тебе место на ближайший рейс.

– Спасибо, – сказала она и вышла.

После долгого перелета до Рино с двумя пересадками, трансфером до дома Натана, где она оставила машину, и четырехчасовой дороги вниз по горам, к ярким городским огням, Элла наконец добралась до дома. Темнело. Когда она вошла, Дэмьен стоял в холле, обернувшись на звук открываемой двери. Волосы у него были взъерошены с одной стороны, где он то и дело проводил пальцами по волосам. Его одежда, темно-синяя майка и серые спортивные штаны, была мятой, как будто бы он спал в ней несколько дней. Стиснув в руке телефон, он глядел на нее залитыми кровью глазами, как будто бы вся его жизнь только что вошла в дверь перед ним.

– Это ты, ты дома, – облегченно выдохнул он.

– И ты, – отозвалась она, не в силах сдержать удивление. – Когда ты приехал?

– В субботу утром. Я полетел бы на Аляску, но... – Он осторожно сделал шаг в ее сторону. Поглядел на телефон в своей руке, затем на нее. – Я не знал, где тебя там искать.

Потому что Натан организовывал и заказывал все на свое имя и свою кредитку. Он настоял на этом, и Элла согласилась, не подумав, к

чему бы это. Иначе Дэмьен мог бы отследить и найти ее по следам покупок с кредитки.

Узел в животе затянулся туже. Она была так доверчива и наивна в своем отчаянном поиске ответов. В своем желании наконец почувствовать, что значило носить и потерять Саймона, и быть способной оплакать его вместе с Дэмьеном.

И вот он тут, дома, с ней, вместо того чтобы спасти в Лондоне свою компанию.

– А как же твое расследование?

– Ты важнее. Я уже собирался звонить в полицию, – его выражение было страдальческим. – Ты вообще не отвечала на звонки.

К ее стыду, она действительно не снимала трубку. Он бы услышал ее голос и обо всем догадался. Она предала его.

Она залилась слезами. Вина, которой она не ощущала, последовав за Натаном на Аляску, разделив с ним постель и начав испытывать к нему какие-то чувства, с силой нахлынула на нее и вцепилась в самое сердце, раздирая его на части. Что-то похожее, должно быть, чувствовал отец Грейс, когда признавался ее матери в своей измене. И в этот момент она поняла, почему он так сделал. Это было невыносимо.

– Элла, – ласково позвал ее Дэмьен.

– Я... Прости меня, – заикаясь, выдавила она, не в состоянии сделать вдох.

Она бросила сумку. Он отшвырнул телефон. И тут же Дэмьен оказался в ее объятиях, его губы на ее губах. Запустив руки ей в волосы, он прижимал к себе ее голову. Он целовал ее. Сильный, властный, отнимающий дыхание поцелуй. Никакие слова были невозможны. Ее признание захлебнулось в приглушенных стогах.

Руки Дэмьена скользнули к бедрам, пальцы впились в ее плоть. Она задыхалась, прижатая к нему, и они делали то, что делали всегда, когда им надо было слишком многое сказать друг другу, и они не знали, как это сделать. Секс. Грубый, яростный секс. У стены. Прислонившись к дивану. Поперек их огромной кровати, когда тела сливаются в любовном порыве. Пока наконец, сплетясь телами, они не провалились в забытие в золотистых лучах рассвета.

Глава 27

Три года назад

– Что за день, – сказала Элла, входя вслед за Дэмьеном в их огромный номер. В Калифорнии стоял четвертый год засухи, все горы были сухими, и Дэмьен вдруг удивил ее, купив внезапную поездку в Вэйл. Это был их первый совместный День благодарения, и Элла была страшно рада вырваться из города. Все что угодно, лишь бы не отмечать этот праздник обжорства.

– Я уже сколько лет не катался по такому снегу, – Дэмьен взял у Эллы из рук ее ботинки и поставил их на полу рядом с лыжами, которые принес в номер.

– Куда мы пойдем ужинать? – спросила Элла, стряхивая куртку и кидая ее на кровать рядом с шапкой и лыжными перчатками.

– Я думал, мы закажем сюда. – Дэмьен медленно расстегнул ее кофту и провел кончиками пальцев по горлу вниз. Элла затаила дыхание. – Знаешь, только мы с тобой, свечи, бутылка «Цинфанделя»... – его рука спустилась ниже, к груди.

– Звучит божественно, – ответила Элла, прижимаясь к нему. У них в номере была ванна на двоих. Они накатались до упаду на лыжах. Ее ноги дрожали, как желе. Она не отказалась бы от горячей ванны. И от горячего секса, осознала она, когда рука Дэмьена нырнула под резинку ее лыжных брюк.

Но стук в дверь прервал очарование момента.

– Потом, – пообещал Дэмьен, быстро целуя ее.

– Кто это?

– Доставка.

– Ужин? Уже? Когда ты успел заказать его?

Он улыбнулся и открыл дверь. Юноша в черно-белой униформе отеля вкатил в номер тележку. Элла увидела бутылку вина, бокалы и четыре блюда, накрытые высокими крышками.

– Куда прикажете, сэр? – спросил официант.

– К окну. Будем смотреть на снегопад, – ответил Дэмьен, глядя на Эллу. Заметив ее выражение, он нахмурился и подошел к ней.

– Все в порядке? – прошептал он ей на ухо, так, что она еле могла слышать его.

Элла медленно покачала головой. Она поднесла руку к горлу, туда, где уже формировался комок, мешающий ей сглотнуть. Она услышала запах пищи, донесшийся из-под крышек, когда тележка проехала мимо нее.

– Хотите, чтобы я открыл вино? – негромко спросил официант.

– Нет, я сам, – ответил Дэмьен, не отводя глаз от Эллы. – Эл, скажи что-нибудь. Ты как-то неважно выглядишь.

– Да, сэр, – официант снял крышки, и Элла заглянула туда через плечо Дэмьена. На столе стояла жареная индейка, крошечная, чуть больше курицы, и все приложения к ней, положенные для Дня благодарения в пятизвездочном курортном отеле. Картофельное пюре, густая подливка, клюквенный соус, зеленая фасоль с карамелизованным луком и полный набор овощей – морковь, пастернак, бататы. Дэмьен превзошел сам себя. От блюд подымался ароматный пар. Запах жареной индейки ошеломил Эллу. Теплый, сочный... и отвратительный.

Ее желудок скрутил спазм, и она икнула. Зажав рот рукой, Элла кинулась в ванную, еле успев добежать до унитаза. Меньше чем через минуту она услышала щелчок закрывающейся входной двери, и в ванной появился Дэмьен. Он наклонился к ней. Его руки осторожно подняли ее волосы, отводя их от лица.

С пустым желудком и ободраным изнутри горлом она чувствовала себя так, словно по ней проехала снегоуборочная машина.

– Извини, – хрипло произнесла она. Она разрушила романтический вечер, который он так планировал.

– Не за что, – он протянул ей полотенце. Она промокнула лицо. – Ты съела что-то не то?

Он думал, что она отравилась. Она покачала головой:

– Нет, я просто не люблю индейку.

Он улыбнулся:

– Неслабая реакция на нелюбимую пищу. Ты уверена, что это не аллергия? Я слышал, что неприятного запаха может быть достаточно для...

Она снова покачала головой. У нее не было аллергии, но она должна была объяснить Дэмьену. Запах индейки всегда напоминал ей о

худшем дне в ее жизни. Она не ела ее с шести лет. И с тех же пор не праздновала День благодарения.

– В День благодарения погибли мои родители.

– Господи, Эл, прости. Я же не знал.

Дэмьен знал, что ее родители умерли, когда она была маленькой, но в подробности она не вдавалась, не видя в этом смысла. Дэмьен не общался со своими родителями, а ее родители умерли. Они просто не разговаривали об этом.

Но теперь она должна была объяснить ему, почему она ненавидит этот праздник, ведь им придется проводить его вместе всю жизнь. Ужин был недешев, и ей было страшно стыдно, что она испортила его план.

Он протянул ей стакан воды.

– Спасибо, – сказала она, прополоскав рот и сплюнув в раковину. – Я ненавижу Благодарение.

– Я догадался, – засмеялся он. – погоди, мы сейчас все обсудим.

Дэмьен вышел из ванной, закрыв за собой дверь. Элла услышала звяканье посуды, скрип колесиков, открывание и закрывание двери. Минутой позже он вернулся, протягивая ей руку. Они вернулись в комнату. Тележки не было. Элла заметила, что окно немного приоткрыто, а вентилятор вертелся, разгоняя запахи. На глаза ей набежали слезы. «Извини». Она чувствовала себя глупой и тупой. Ей не верилось, что ее вырвало. Уже много лет у нее не было такой сильной реакции на этот запах.

– Да не за что. Мы потом закажем стейк. Не хочешь бокал вина? – Она кивнула, и он открыл бутылку и налил им по бокалу. Протянув ей бокал, он сказал тост: – Счастливого Неблагодарения.

У Эллы вырвался жидкий смешок:

– Счастливого Не-благодарения.

Дэмьен устроился на маленьком диванчике и похлопал по подушке, приглашая ее присоединиться к нему. Он укрыл их пледом и обнял ее за плечи. Какое-то время они просто пили вино и смотрели на снег за окном. Она понимала, что он ждет, чтобы она рассказала, почему не празднует этот день, и любила его еще больше за то, что он не настаивал. Но она была готова рассказать.

– Я не очень многое помню про своих родителей, в основном то, что мне рассказывала тетя Кейти. Но я помню, что они много

ссорились. Ну, мама кричала. Папа просто слушал. Тетя говорила, что он любил маму больше всего на свете и был готов на все, чтобы она была счастлива. Неважно. Мама забеременела в старшем классе школы. Ее родители хотели, чтобы она сделала аборт, и угрожали отдать деньги на университет, которые они скопили, на благотворительность.

– Я полагаю, судя по тому, что ты здесь, какой-то благотворительный фонд таки получил немалое пожертвование, – Дэмьен стиснул ее плечо.

– Ну да. И мама только усугубила положение, выйдя за папу замуж. Родители отказались от нее.

– Ох.

– Тетя Кейти думала, что маме без них было даже лучше. Они были несимпатичные люди. Но мама тяжело это переживала. Я думаю, даже если она и правда сначала любила отца, потом он стал ее раздражать.

– Мне было шесть. А Эндрю четыре. В тот год мы приехали на День благодарения к тете Кейти, как всегда. Она вырастила отца, когда умерли его родители. Но в тот год мои родители весь день пили, и тетюшка тоже. Она заснула еще до нашего отъезда. Иначе, я думаю, она бы уговорила родителей остаться и переночевать.

– Весь день мы играли в разные игры, и родители по крайней мере вели себя друг с другом нормально. Я помню, мы все впятером играли в шарады. Это было здорово. Но чем больше они пили, тем больше мама злилась. Когда мы сели в машину, оба были не в себе, и мама говорила про отца всякие гадости.

– Он сел за руль пьяным с двумя детьми в машине? – Дэмьен был потрясен.

Элла кивнула:

– Это было не в первый раз, но я думаю, что в ту ночь он хотел как можно быстрее доехать домой и заснуть, чтобы не слушать больше мою мать. – Она замолчала и отхлебнула вина. Жидкое мужество.

Дэмьен погладил ее по спине. Она слабо улыбнулась ему.

– Это не так-то просто.

– Можешь не рассказывать все, если не хочешь. Это подождет.

Она помотала головой.

– Нет, я хочу. – Отхлебнув еще вина, она опустила бокал. – Мама была такая гадкая, но, думаю, отец все равно верил, что она любит его. Или так, или надеялся, что потом сможет полюбить снова. Но – и я отчетливо помню это – по дороге домой она закричала, что хочет развестись с ним. Что никогда не любила его, даже с самого начала, и что вышла за него замуж только назло своим родителям. Не знаю, было ли это правдой, или она сказала так от злости, но это сломало его. Он стал плакать, и машина завиляла по дороге. Мы с Эндрю закричали. Там на шоссе были дорожные работы, и я не знаю, случайно или нарочно, но он направил машину прямо на стоящий на обочине дорожный каток. Последнее, что я помню, – это скрежет металла и осколки стекла. И валки катка. Я помню. Машина налетела на них, и они раздавили родителей.

Дэмьен в ужасе смотрел на нее.

– Черт меня побери.

– Ну да, вот и все.

Дэмьен крепко обнял ее.

– Как ужасно, что тебе пришлось это вынести.

– Да. Вот почему меня тошнит от индейки. Этот запах всегда будит воспоминания об аварии.

– Могу себе представить.

– Знаешь, я думаю, хорошо, что мы не хотим детей. Они бы хотели отмечать День благодарения. – Элла пыталась шутить, но эта шутка только сильнее огорчила ее.

– Будут у нас дети или нет, мы не обязаны отмечать то, что ты не хочешь отмечать, – решительно сказал Дэмьен.

Они посидели молча, погруженные каждый в свои мысли, и вдруг Элла нерешительно произнесла:

– Я виню мою мать.

– В чем?

– В их смерти. Я думаю, она могла бы не говорить отцу, что хочет развода. Могла бы не вдаваться во все это, насчет того, что не любит его. Она была честнее, чем нужно. Если бы не это, они до сих пор были бы живы. Ее признание убило его и в конечном счете их обоих.

Дэмьен странно посмотрел на нее.

– Что? – спросила она.

– Когда ты рассказывала про Грейс, ты сказала нечто похожее. Что ты винишь в ее самоубийстве ее отца. Если бы он не признался в своей измене, ее родители не развелись бы и Грейс не убила бы себя.

– Да, я так считаю.

– Хмм, – он потер подбородок. – А про нас ты тоже так думаешь?

– В смысле?

– Думаешь ли ты, что есть вещи, о которых лучше не говорить друг другу?

У Эллы заныло в груди, но она улыбнулась.

– Дэмьен, ты что-то скрываешь от меня?

Он смотрел на бокал в своей руке.

– Ничего существенного.

Она толкнула его плечом:

– Хочешь сказать, ты тоже ненавидишь индейку?

Он рассмеялся:

– Нет.

Элла внутренне усмехнулась. Она думала о единственной вещи, которую хотела почти так же сильно, как быть с Дэмьеном. О маленькой девочке. Подняв его руку к губам, она поцеловала его запястье, раскрыв губы. Затем поглядела ему в глаза.

– Если есть что-то, что может разрушить наш брак, то нет, я бы не хотела обсуждать это. Будет ужасно, если мы не договоримся. Дэмьен. Я хочу провести с тобой всю свою жизнь.

– Я тоже.

Глава 28

Элла проснулась в полдень с мечтой о кофе и оладьях, политых кленовым сиропом. В высоком весеннем небе сияло солнце. Если бы она встала и выглянула в окно, она увидела бы белые паруса на голубом зеркале залива. Все тело блаженно ныло после вчерашних упражнений с Дэмьеном, и, перевернувшись и зарываясь под одеяло, она подумала, что было бы прекрасно провести так весь день. Она потянулась. В теле отозвалось возбуждение. Запах Дэмьена тоже возбуждал.

Элла протянула руку через постель. Сторона Дэмьена была пустой. Зная его, можно было предположить, что он давно встал. Может быть, даже ушел на пробежку.

Она села в постели и вздрогнула, внезапно увидев, что Дэмьен сидит в угловом кресле, полностью одетый, в потертых джинсах и синей майке, с влажными после душа волосами. Он смотрел на нее с застывшим выражением лица. Под тяжестью этого взгляда ей стало неуютно, и она повыше натянула на себя одеяло.

– Ты давно встал? – спросила она.

– Несколько часов.

– И долго ты тут сидишь?

– Столько же.

Элла облизнула губы и медленно кивнула. Она не знала, что сказать и с чего начать. Но Дэмьен знал.

– Я видел фото. То самое, в интернете.

Сердце Эллы упало под грузом вины.

– Ты хоть представляешь, что я почувствовал? Увидев вас вот так? Как ты могла сделать такое с нами?

– Это не то, что ты...

– Ты смотрела на него так же, как на меня, – перебил он, повысив голос. – Что он для тебя значит?

Ничего! Хотелось закричать ей. Но она не была в этом уверена.

Она помотала головой.

– Ты любишь его? – спросил Дэмьен ровным голосом.

Она вскинула голову:

– Нет!

– Ты с ним спала?

Элла открыла рот, чтобы возразить. Но ответ застыл у нее на кончике языка. Она посмотрела на свои колени.

– Я думала, это поможет мне вспомнить. – Полуправда. Последнее, что она хотела сказать Дэмьену, это то, что ей хотелось утешить Натана. Что она не могла устоять.

Дэмьен постукивал пальцем по креслу. Элла поглядела на него, и он тяжело вздохнул.

– Это моя вина. Я должен был сказать тебе про него. Я не должен был... – Он дернул за нитку, торчащую из подлокотника.

– Не должен был что?

Он разгладил место, откуда вытащил нитку.

– Не должен был слушать тебя.

– Меня? О чем?

– Тогда, в больнице. Я обещал, что как бы часто ты ни спрашивала и как бы трудно ни было молчать, я все равно не скажу тебе, что случилось. Ты заставила меня пообещать, что, если будет надо, я буду врать. Буду запутывать тебя, если потребуется, потому что ты знала, что будешь задавать вопросы. Я согласился на все, что бы ни было, чтобы мы могли начать снова. Притвориться, что этих семи месяцев до аварии вообще не было.

– О чем ты говоришь?

– О твоей потере памяти. Она не случайна. Ты сама это сделала.

У Эллы упала челюсть. Затем она рассмеялась, откинув голову.

– Ты же это не всерьез? – спросила она, когда снова смогла говорить.

– До боли всерьез. – Он не улыбался.

Элла перестала смеяться. – Это невозможно. – После диагноза доктора Аллингтона она занялась серьезным изучением вопроса избирательной потери памяти. Даже при желании забыть направленное подавление воспоминаний на сознательном уровне очень сомнительно. В теории. Не доказано, как прочла Элла. Ученые и психологи очень многого не понимают в том, что касается памяти.

Элла встала с кровати и подошла к шкафу.

– Что ты делаешь? – спросил Дэмьен.

– Одеваюсь. – Она не собиралась сидеть тут и слушать эту чушь. Как ему хватает совести обвинять ее. Это он избегал разговоров об аварии и Саймоне. И если Дэмьен не может найти причин для своего молчания, она не собирается участвовать в этой беседе.

Она натянула трусы и штаны для йоги, надела спортивный лифчик и легкий топ. Сегодня по расписанию был дневной класс продвинутой йоги. Ей нужно выйти из дома и выработать злость.

Почистив зубы и замотав волосы в небрежный пучок, она вернулась в комнату. Дэмьен не шевельнулся.

– Я иду пить кофе. Когда я вернусь, я хочу услышать от тебя правду, а не эту чушь про намеренную потерю памяти.

Он сжал челюсть:

– Я говорю правду.

– Ты сам-то себя слышишь? Ты всерьез ожидаешь, что я поверю в то, что захотела забыть своего ребенка?

– Ты не должна была забыть Саймона.

Она похолодела. То же самое он говорил и в больнице, Элла помнила это. Она помнила его злость. Тогда он ей не поверил. Он думал, что она притворяется.

– Прошлым летом ты делала интервью с актрисой Амирой Сильверс. По каким-то причинам эта статья не вышла. Но она хотела забыть что-то, что случилось с ней в детстве, и нашла врача, который помогает подавить воспоминания. Доктор Ирвин Уайтли изучает вопросы познания и занимается сомнительными исследованиями в областях контроля памяти и намеренного забывания. Ты обратилась к нему за интервью. Хотела написать статью о его необычных исследованиях. Ты ездила к нему в Рино в прошлом августе.

Рино. Она встретила Натана в Рино. Но это было в октябре.

– Покажи мне этого доктора, – потребовала она.

Дэмьен встал и вытащил из кармана телефон. Он открыл сайт лаборатории доктора Уайтли и протянул телефон Элле.

Элла пролистывала страницы сайта, просматривая отрывки описания работ доктора Уайтли. Его лаборатория была центром нейронаучных исследований, сфокусированных на механизмах подсознательного контроля памяти. Большинство людей, особенно с возрастом, хотят усилить свою способность сохранять и пользоваться памятью. Но этот центр, использующий продвинутые технологии и

диагностические возможности, специализировался не только на развитии способностей пользоваться памятью. Он ставил целью контролировать процессы, помогающие людям осознанно и намеренно делать противоположные вещи, то есть заставлять мозг нарочно блокировать отдельные воспоминания по желанию хозяина. Лаборатория утверждала, что мозг способен вмешиваться в процесс использования воспоминаний. После нескольких занятий все, что надо будет сделать человеку, чтобы стереть из памяти определенную персону или событие, это применить определенный код, словесную формулу, которая запрограммирована в мозгу. И тот же процесс позволяет обратить эффект.

– И что, этот врач со мной что-то сделал? – спросила Элла, возвращая телефон.

– Доктор Уайтли? Ты согласилась стать одним из его испытуемых. Я не думаю, что ты специально хотела забыть что-то определенное, с твоей стороны это было просто исследование. Ты хотела лучше понять его методы. Но два с лишним месяца ты два раза в неделю ездила в Рино. Тебя научили подавлять определенные воспоминания о ком-то, кого ты знаешь, или о чем-то, что с тобой произошло. Теория состоит в том, что, когда ты буквально вытираешь кого-то из головы, ты вытираешь все, что с ним связано. Ты говорила, что он собирается применять свои исследования в терапии для людей, переживших в детстве насилие. Они смогут забыть все, что с ними случилось. После потери Саймона ты сказала мне в больнице, что доктор Уайтли дал тебе инструмент, чтобы забыть все случившееся, и что ты особенно хочешь забыть Натана. И ради нас с тобой я согласился тебе помочь.

Она действительно забыла Натана и все, что было с ним связано. Как встречалась с ним. Как брала интервью. Как спала с ним. Свою беременность.

Саймон мой.

Ее глаза налились слезами. Она крепко зажмурилась. Она забыла про свою беременность, потому что должна была забыть все, связанное с Натаном. Почему она не подумала об этом? Какой идиоткой она была, да и Дэмьен тоже, если он на это согласился.

Смахнув слезы, она прокашлялась и обернулась.

– Натан что-то сказал мне. Он говорил, что Саймон был его.

У Дэмьена упало лицо.

– Дэмьен? – Ее голос прозвучал тихо-тихо. – Это правда?

– Биологически я не был отцом Саймона.

Элла почувствовала резкую потребность побежать в ванную и вырвать.

– Я знала об этом?

Он медленно покачал головой, не поднимая глаз.

– Я не думаю. Если и знала, ты мне не говорила.

– Ты не думаешь? Тогда как ты узнал, что Саймон не был твоим?

Дэмьен вздохнул, продолжая смотреть в пол.

– Дэмьен?

Он взглянул ей в глаза.

– Я бесплоден.

Элла открыла рот и заморгала.

– Ты? Бесплоден?

Он кивнул.

– Я узнал об этом в двадцать с небольшим. Анна не могла забеременеть, и мы прошли нужные проверки. Она была в порядке. А я нет.

Сердце Эллы зашлось от жалости. Ее большой, сильный, прекрасный как жизнь Дэмьен. Так стеснялся и стыдился, что скрыл от нее эту правду. Обманывал ее.

Она поняла, что ему было проще сказать, что он вообще не хочет детей, чем признаться, что не может их иметь.

Что разозлило ее еще больше. Как он смел подумать, что она может уйти от него? Вот так он думал о ней? В отличие от Анны, она никогда бы не бросила его.

– А я знала, что ты стерилен?

– Да. Я сказал тебе об этом перед аварией. Прямо перед тем, как ты села в машину.

Нам надо поговорить.

Слова, которые она вспомнила в больнице, но не поняла их значения.

Элла отшатнулась. Конечно. Он сказал ей это из чувства вины, не в силах дольше сохранять свой секрет. Он с самого начала знал, что он не отец ребенка.

Элла представила себе всю картину. Дэмьен обвинил ее в измене. И он был прав. Но.

– Но ты дал мне поверить, что ты отец. Как ты мог? – громко возмутилась она.

– Ты так хотела ребенка, – так же резко ответил Дэмьен. – Ты даже не представляешь, каково мне было чувствовать, что я не могу дать тебе этого. Я бы не смог продолжать так жить.

– И ты собирался растить Саймона как своего?

– Да.

– И чтобы я верила в это?

– Да!

– Всю жизнь?

– Да, черт побери! – Он пнул ногой оттоманку. Она опрокинулась. – И я мог сделать это! – прокричал он, указывая на нее пальцем. – Мы с Донованом похожи. Тот же цвет волос. Тот же рост. Мы даже выглядим похоже. Никто бы не подумал, что Саймон не мой.

– Ты спятил.

– Нет! Не спятил. Я любил. Тебя. Я так безумно любил тебя, Эл. Я не хотел потерять тебя из-за чего-то, чего не мог тебе дать.

Элла опустилась на край кровати лицом к нему. Она была в ярости, но одновременно так жалела его. И то, что он столько времени хранил свой секрет, говорило о том, как стыдно ему было. Он прикусил язык.

Дэмьен поднял голову.

– Я хотел усыновить. А Анна нет. Через полгода, как только завершился наш развод, она вышла замуж за своего сотрудника. Ее первая дочь родилась через пять месяцев.

Элла хотела спросить его про его первый брак. Она осознала, что столького не знала о нем. Они не обсуждали важные моменты его жизни – людей и события, которые сделали его тем, кем он был. Все это надо было проговорить, но с этим придется подождать.

Теперь же ей надо было понять, с чего все пошло не так.

Глава 29

– Я пойду сделаю кофе. Ты хочешь? – Ей нужно было переварить услышанное. Дэмьену тоже не помешал бы перерыв. Она видела, что признание далось ему нелегко.

Человек, появлявшийся на обложках *Предпринимателя* и *Бизнес Инсайдера*, которого упоминали в бесчисленном количестве статей как эксперта по компьютерной безопасности и стратегиям бизнеса, считал себя неполноценным. Он наверняка думал, что она будет меньше любить его, или даже бросит, как первая жена, если он скажет ей. Дэмьен пошел за ней в кухню. Она вскипятила воду и залила его смолотый кофе. Дэмьен плеснул им в чашки немного виски. Они встали рядом, касаясь бедрами, опираясь на покрытый мрамором центральный кухонный остров. Элла сделала первый глоток и почувствовала, как резкое тепло виски обволакивает язык и спускается вниз по горлу.

– Помнишь, как мы первый раз увидели эту кухню? – спросил Дэмьен, проводя рукой по мрамору.

Она проследила, как его рука касается холодного камня, и почувствовала, как загорелись у нее грудь и шея. Она вспомнила холодное касание камня к голой коже и то, как впивались в ее бедра его пальцы.

– Да, – ответила она. Ей хотелось взять его за руку, но она чувствовала, что он не хочет ее прикосновения. Она обманула его. Дважды. От вины во рту было горько, и кофе не мог смыть этот вкус.

– А помнишь, что я тебе сказал?

Она кивнула. Воспоминание было четким: «Я хочу, чтобы мы всегда могли прийти сюда и найти друг друга».

– Я до сих пор так чувствую.

Элла облизнула губы, чувствуя вкус виски и кофе.

– Тогда почему ты не остановил меня, когда я сказала, что *Люкс Авеню* снова посылает меня делать эксклюзив с Донованом?

– Я остановил. – Дэмьен поставил чашку. – Вернее, я пытался. Помнишь, я просил тебя поехать со мной в Лондон?

– Ты просил меня отменить интервью. Почему ты не рассказал мне о нем?

– Ты права. Я должен был. Но я отвлекся. Внутреннее расследование было кошмаром и занимало все мое время. Я пытался остановить тебя после нашего последнего звонка.

– Какого звонка? – спросила Элла, одновременно поняв ответ. Когда они поссорились после того, как Натан позвал ее кататься на снегоходе. Когда она сказала Дэмьену, что едет на Аляску. Ясность появилась сама собой, ниоткуда, и она восстановила события.

– Ты звонил Натану в тот вечер. – Тот телефонный звонок, когда они заканчивали ужин. Натан вышел поговорить на террасу и вернулся возбужденным.

– Я не мог дозвониться до тебя.

– Я записывала интервью и отключила звук в телефоне. И, если помнишь, я была тогда зла на тебя.

– Я так и подумал и позвонил Доновану. Я хотел напомнить ему про ограничение доступа к тебе, которое обещал оформить после того, как он явился в больницу. Я думал, он тогда отменит эксклюзив и ты полетишь в Лондон.

Дэмьен звонил и угрожал ему. После этого звонка Натан решил, что его шансы уговорить Эллу остаться с ним уменьшаются.

Виски бурлил у нее в пустом желудке. Она отставила чашку и заправила за ухо свисающую прядь волос.

– Натан не звал меня на Аляску до твоего звонка. Думаю, и не позвал бы, но сразу после звонка он так и сделал, – тихо призналась она.

Она не успела моргнуть, как Дэмьен швырнул чашку в раковину. Осколки разлетелись, брызги кофе заляпали шкафчики и полки.

Он повернулся к Элле спиной и схватился обоими руками за край стола. Она не сразу поняла, что Дэмьен плачет. Его тихие всхлипывания вызвали у нее слезы. Она ласково положила руку ему на спину. Он покрылся потом. Она чувствовала, как взмокла его хлопковая майка.

– Дэмьен, любимый. Скажи мне, что не так?

– Что не так? – спросил он низким голосом, полным ненависти. – Я. Я все упустил.

– Нет, нет, нет. Это не так. Я тоже наделала ошибок. Больших. В том, что случилось с нами, виноваты мы оба. И мы вместе это исправим.

– Мы не можем, – ответил он, смахнув слезы с глаз, и поворачиваясь к ней. – Не думаю, что это возможно.

– Что ты имеешь в виду? Конечно, мы можем. Мы все обсудим и найдем решение. Мы научимся на своих ошибках. И мы будем всегда честны друг с другом. Я обещаю.

Дэмьен медленно помотал головой:

– Ты не можешь отказаться от любви.

– Я не отказываюсь. Я люблю тебя. Я очень люблю тебя, – сказала она, сжимая его руку.

– Я говорю не о себе, – он взял в ладони ее лицо.

Элла затрясла головой:

– Нет. Я не люблю его. Клянусь.

Он отпустил ее и отвернулся.

– То фото.

– Ничего не значит! Натан ничего не значит! Я не люблю его. – Она заплакала в отчаянии, что Дэмьен не верит ей.

– Я думаю, что любишь. Ты заблокировала это. А что будет, когда твоя память вернется?

– Я не хочу этого, клянусь, – сказала она, потрясенная собственным признанием. Правда о месяцах перед аварией оказалась хуже, чем она могла предположить.

– Он может дать тебе ребенка, Элла. А я нет.

Он смотрел через нее, на дверь.

Проследив его взгляд, Элла поняла, что он делал, пока она спала. Возле двери стояли чемодан и портплед с одеждой.

Он уходил от нее.

– Нет! – Она схватила его руку и прижала к груди. – Дэмьен, я люблю тебя. Ты мне нужен. Ты тот, кого я хочу.

– Но ты хочешь ребенка. Ты так сказала в тот раз.

– Какой раз?

– На Мальдивах. Ты сказала, что хочешь завести ребенка. Я не был готов сказать тебе о моем... состоянии. Я уговорил тебя отложить этот разговор до возвращения домой. Но потом...

Плечи Эллы упали.

– Я поехала писать статью о Натане. Ты улетел в Лондон. Я потом прилетела к тебе, и...

– И через несколько недель обнаружила, что беременна. Ты была так счастлива. Я знал, что ребенок не мой, но я не мог отнять у тебя твое счастье. Ты думала – в Лондоне мы помирились, – ты думала, что это от меня. – Он легко поцеловал ее в лоб. – Я не знаю, почему ты ушла от Натана прошлым летом, но ты решила остаться со мной. И в больнице ты снова выбрала меня. Ты сказала, что можешь исправить все ошибки. Что знаешь, как вычеркнуть свои воспоминания о Натане. Ты заблокируешь воспоминания о вечере перед аварией, когда мы поссорились и я сказал тебе, что стерилен. Ты не хотела ничего чувствовать к Натану. Ты не хотела помнить, что я бесплоден, и ты хотела верить, что я просто не хочу детей. Ты описывала это, как «зачистить поле». Чтобы начать все сначала. Снова стать как раньше. Но так не вышло, Элла. Ты снова оказалась в его объятиях.

Она зажмурилась.

– Мне так жаль.

– Я верил, что ты любишь меня. Может быть, его ты тоже любишь. Но я не хотел делить тебя. Думаю, Натан тоже бы не хотел. – Он заправил за ухо ее прядь, теперь мокрую от слез. – Я люблю тебя, Элла. – Поцеловав ее, он ушел.

– Нет! – Элла кинулась за ним к двери. – Ты не можешь так вот бросить меня!

Он надел мокасины, сунул в карман бумажник и взял ключи. Отцепив от связки одну из двух флешек, он вложил ее ей в руку и закрыл пальцы вокруг нее.

– Это твое. Ты найдешь тут все две тысячи восемьдесят два файла, которые я удалил из твоего компьютера.

Раскрыв ладонь, Элла уставилась на крошечную красную флешку.

– Ты вычистил мой компьютер?

– И твой телефон, и твое облако. Ты сама меня попросила. Это было частью обещания, которое я тебе дал. Ты не хотела наткнуться на то, что могло бы напомнить тебе про Натана.

– Надо думать, мы не предполагали, что он сам снова предложит нам эксклюзив, – мрачно заметила она.

Дэмьен не ответил. Он вздохнул.

– Я также стер с серверов *Люкс Авеню* всю переписку между тобой и твоим редактором на случай, если бы ты спросила о ней.

Она моргнула.

– Ты хакнул *Люкс*?

– Это моя работа, Эл. Я защищал свое.

– Тогда почему ты бросаешь меня?

Он вскинул портплед на плечо.

– Я не бросаю. Я отпускаю тебя.

Глава 30

Держа в руках чашку с остывшим горьким кофе, Элла смотрела из окна кухни в серое небо. И город, и залив были тут, но она не могла различить ничего, кроме размытых очертаний соседних домов. Издалека, с юга, из-за моста Золотые Ворота, доносились корабельные гудки, и их печальный звук отражался от холодного, сумрачного городского побережья.

Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как Дэмьен вышел из двери их квартиры. Он не бросил ее. Он ее отпустил, как поношенное платье, которое бросают в коробку для сбора пожертвований. Почему-то от этого их расставание казалось только ужаснее. Казалось, от этого испарялся даже последний лучик надежды.

Ты помнишь, как мы в первый раз увидели эту кухню? Помнишь, что я тебе сказал?

В отчаянии Элла не спала, не мылась, и ничего не ела, кроме черствого тоста прошлым вечером. Она варилась в собственной вине и осознании, что заслужила все это.

Она даже не прикоснулась к компьютеру, чтобы закончить статью, которую Ребекка ждала от нее завтра утром. Она не отвечала на звонки. А их было много. Ребекка оставила два сообщения. Одно – что она посылает в Анкоридж фотографа, чтобы сфотографировать Натана на обложку. И второе – чтобы Элла срочно ввела ее в курс дел. Если она пропустит завтрашний дедлайн, у всей команды будут неприятности.

Натан звонил четыре раза с тех пор, как она приземлилась в Рино. Первые три он вешал трубку, не дождавшись ответа. В последний раз оставил сообщение с извинением. Он не должен был говорить ей о том, как она выполняет свою работу. Это было сильным преувеличением.

А как насчет того, что она говорила ему, что любит его? Это тоже было сильным преувеличением?

Ни Натан, ни Дэмьен так не считали.

Еще звонила Дейви. В своем сообщении она напоминала Элле, что выставка ее клиента – сегодня. И наконец, Эндрю. Она

прослушала, что он записал на автоответчик, и улыбнулась в первый раз за сутки. У него завтра свидание. Он встречался кое с кем последние пару месяцев, и, похоже, это серьезно. Может Элла встретиться с ним в Вестфилд-Центре? Ему надо купить новую одежду, и при мысли об этом хочется удавиться. Но ему надо произвести впечатление. Эта девушка не такая, как другие.

Как раз когда Элла дослушала сообщение Эндрю, позвонил Дэмьен. Она ответила на первом же звонке.

Сухим, сдержанным тоном Дэмьен сообщил о своих планах. Он остановился в отеле «Хайятт Ридженси». Ему надо быть в городе из-за расследования в PDN. Он сообщит ей, когда улетит в Европу. И когда найдет себе постоянное жилье, пришлет ей свой новый адрес. И сообщит, что он собирается делать.

Не они, отметила Элла. Не мы, не нам.

Он. Один.

Элле хотелось расплакаться, но слезы не шли. Она была замужем и влюблена в своего мужа. Она не стала бы спать с Натаном, если бы на это не было серьезной причины.

Мальдивы.

Они все время всплывали у нее в голове.

Дэмьен упоминал о ссоре во время отдыха, которой Элла не помнила. Но могла представить себе. По какой-то причине она сказала ему, что хотела бы завести детей, но он от нее отмахнулся. И тогда, от злости и обиды, разочаровавшись в своем браке, она переспала с Натаном. В отчаянии, что не может убедить Дэмьена завести детей.

Она отомстила. Ей хотелось сделать Дэмьену так же больно, как он ей. Она всегда так делала. После смерти родителей она разбила мамину коллекцию, и после смерти Грейс она сделала нечто похожее. Отец Грейс попросил у нее фотографии Грейс для похорон. Вместо того чтобы сказать: «Нет», Элла разорвала все фото Грейс, которые у нее были, даже те, что были в школьных альбомах. Сложила обрывки в коробку из-под обуви и поставила под дверью дома Грейс, на террасе, где ее отец, приехавший на похороны, спал на диване. Мечь и ярость принуждали ее причинить боль Стену, потому что она винила его в смерти Грейс. Но в конечном счете она причинила боль только самой себе. У нее не осталось фотографий ее лучшей подруги.

Конечно, у нее могли быть и другие причины переспать с Натаном.

Она влюбилась.

На столе так и лежала флешка. На ней, возможно, были все ответы, ключ ко всему. Но, каждый раз, протягивая к ней руку, Элла медлила. В памяти всплывали слова Дэмьена: *Ты уверена, что хочешь вспомнить?*

Нет.

Была причина, по которой она заставила себя забыть. Потому что...

Нет воспоминаний, нет переживаний.

Путь труса.

Хватит, выругала себя Элла. Ей придется иметь с этим дело, и придется сейчас, иначе она никогда не сможет починить то, что было у них с Дэмьеном.

Элла выплеснула кофе в раковину, оставив на белом фарфоре паутину коричневых пятен, и схватила флешку. В своем кабинете она включила компьютер и вставила ее. На экране перед ней всплыли две тысячи восемьдесят два файла. Папки, файлы, расшифровки записей и фото. Забытые моменты, иногда целые дни тех семи месяцев, которые прошли с их поездки на Мальдивы до ее аварии.

Она просматривала файлы, иногда открывая тот или другой. Наброски ее первого интервью подтверждали, что она задавала те же вопросы, и Натан ей не врал. К своему удивлению, она обнаружила почти целиком написанную статью, очень похожую по смыслу и содержанию на ту, что она начала на Аляске. Это было утешительно и очень помогало в смысле дедлайна. Но фото, которое она открыла следующим, не было.

На нем был Натан, без рубашки, по пояс в воде, спиной к камере. У нее запылали щеки. Она быстро закрыла файл, и открыла следующий.

Натан сидел, скрестив ноги, прямо на земле, костер, горящий перед ним, бросал на него блики. Выражение его лица было задумчивым. Даже только по этой фотографии можно было сказать, что Натан не изменился между двумя интервью. Он так же мучился. Ненависть к себе все так же бурлила в нем. Вина заставляла его вести жизнь отшельника.

Элла рискнула открыть еще несколько фотографий. Ни одна из них не была компрометирующей или наводящей на мысль об отношениях с Натаном. Хотя они вызывали те же чувства, что и ее беременные фото, которые она рассматривала после аварии. Это было как будто не с ней.

Элла кликнула на файлы, связанные с Амирой Сильверс, знаменитостью, которую она интервьюировала в прошлом августе. Она не помнила этого интервью, но именно Амира рассказала ей про доктора Уайтли. Снова черновик статьи, которую она не послала Ребекке вместе с восемью записями. Судя по записям, Ребекка убила статью. В выпуске того месяца на нее не нашлось места. Но до этого Элла успела записать три часа интервью за один день. Восемь отдельных записей говорили о том, что во время беседы они много раз останавливались и начинали сначала после перерыва. О чем же они разговаривали не под запись?

Закрыв папку с Сильверс, Элла открыла папку с доктором Уайтли, которая была тут же. Она была большой. Элла начала читать первый документ. Несколько часов спустя она наткнулась на косвенное упоминание о коде для разблокирования воспоминаний. Следуя ему, мозг мог восстановить определенное воспоминание, идею или факт, который в нем хранился.

Элла поднялась из-за стола со стоном облегчения. Вот оно. Теперь ей осталось только найти файл с ее кодом.

Еще несколько часов она провела, зарывшись в свои записи. Вдруг на столе рядом с ней завибрировал телефон. От неожиданности Элла вздрогнула. На экране светилось лицо Дейви. Элла схватила телефон.

– Открытие через час! Ты идешь или нет? – спросила Дейви, когда Элла извинилась, что не позвонила ей раньше.

Элла взглянула на часы. Шесть вечера. Она еще не была в душе, а ее желудок считал, что хватит его казнить. Он урчал. Она взглянула на компьютер. Там оставалась куча непросмотренных файлов, за два месяца как минимум, и еще надо было до ночи закончить статью. Но ей нужно было выйти на воздух.

– Я немного опоздаю, но да, я приду.

– Здорово. Увидимся.

Глава 31

Галерея фотографии «21-й Причал» находилась прямо на променаде Эмбаркадеро, под мостом Бэй. Фотографии с видами залива, которые в ней выставлялись, были прекрасны. Но в планы Эллы не входило провести вечер за разглядыванием фотографий, особенно в ее теперешнем настроении. Тематика выставки, ретроспектива калифорнийской архитектуры, от хижин миссионеров до колониальных бунгало испанского Возрождения и загородных домов Эйхлера, казалась ей смертельно скучной. Выпив два бокала шампанского и съев несколько предлагаемых закусок, Элла уже была готова уйти. Она поставила бокал и оглянулась в поисках туалета. Она собиралась быстренько забежать туда, обновить помаду и вызвать Убер. Но заметила, как Дейви, стоящая рядом со своим клиентом, потрясающим фотографом, помахала ей.

Дейви пробралась к ней через толпу. Она, как обычно, потрясающе выглядела в блестящей темно-синей тунике и золотых римских сандалиях. Элла в своем изумрудно-зеленом платье и бежевых туфлях почувствовала себя сиротой. Но она быстро списала это чувство на свое настроение. Она была брошена и подавлена. И виновата по всем статьям.

Ей лучше было остаться дома. Статью про Натана нужно отправить Ребекке до завтра. Она обещала сделать это сегодня, и если успеет отправить все до полуночи, то еще уложится в дедлайн. Хотя, может, и хорошо, что она не писала ее прямо сейчас. Кто знает, что она написала бы, будучи усталой и в расстроенных чувствах.

Подавляя зевок и прикрываясь рукой, Элла быстро обменялась приветствиями с фотографом, Флинном Хершбергером. Его эбеново-темные кудри спадали на воротник черной водолазки, и Элла не могла не усмехнуться. Он выглядел, как молодой Стив Джобс. Флинн взял руку Эллы в свои.

– Наша исключительная подруга Дейви рассказала мне, что вы пишете для *Люкс Авеню*. – Его глаза блестели. – Не могу дождаться, чтобы прочесть ваше мнение о моих работах.

Приподняв брови, Элла взглянула на Дейви. Та пожала плечами.

Элла вытянула руку у Флинна.

– Я уверена, Дейви скажет вам, когда этого ожидать. Прекрасная выставка, Флинн. Желаю вам удачи. Извините. – Она вежливо улыбнулась и отошла.

Дейви догнала ее у входа в дамскую комнату.

– Извини. Это самая большая на сегодня выставка Флинна, и на нее пришла куча журналистов. Он просто предположил...

Элла махнула рукой, отметая ее извинения, и открыла дверь в туалет.

– Да брось ты. Я все поняла. – Она зашла в кабинку.

– Хочешь пойти в бар напротив, перехватить по коктейлю? – спросила Дейви, когда они снова встретились возле раковины.

Меньше всего Элле сейчас нужен был алкоголь.

– Не могу. Надо закончить статью про Натана.

Дейви скорчила гримаску:

– Везет тебе. Проводишь время с такими потрясными мужиками. Твой муж-полубог и теперь еще этот герой, про которого ты пишешь.

В обычной ситуации Элла посмеялась бы. Но сейчас ее всю скрутило.

– Передавай Дэмьену привет. Как он, вообще? Я сто лет его не видала.

– Не знаю. Он ушел. – Элла сунула руки в сушилку.

– В Лондон?

– Нет. От меня. – Элла провела по губам помадой и встретилась глазами в зеркале с потрясенным отражением Дейви.

Элла закрыла помаду и сунула в сумочку.

– Саймон был не от него.

У Дейви упала челюсть.

– Элла, какого черта? Когда все это случилось? Как? Господи, даже не говори. – Видно было, как у нее в голове вертятся шарики. Она выговорила одними губами, без звука: – Натан?

Элла кивнула.

– Ну ты сильна, подруга. – Глаза у Дейви были на пол-лица.

Элла оторвала бумажное полотенце, промокнула уголки глаз и несколько раз выдохнула сквозь сжатые губы:

– Он ушел вчера. Но все началось прошлым летом. Или раньше. Я не знаю. Не могу вспомнить.

– Господи, бедная. Я не могу поверить, что ты не написала мне. – Тряхнув головой, Дейви подняла вверх обе руки. – К черту твою статью. Мы идем выпить, и ты мне все расскажешь.

Они нашли бар за углом и заказали закуски. Элла рассказала все, что знала из того, что ей рассказали Натан и Дэмьен и что она успела прочесть за сегодня. Кроме новостей о бесплодии Дэмьена. Это была не ее тайна, и она не хотела его предавать.

Спустя три мартини для Дейви и два стакана воды со льдом для себя, Элла описала семь месяцев, прошедшие до аварии, и посмотрела время на экране телефона. Десять вечера. Ей предстояли бессонная ночь и необходимость написать десять тысяч слов – и ни малейшего понятия, как с этим справиться. Она едва могла соображать.

Дейви допила мартини и опустила стакан.

– Помнишь, ты только вернулась из больницы и спросила меня, не говорила ли ты мне там чего-нибудь, что показалось бы мне странным? Я тогда не думала, что это может иметь значение, но после того, что ты мне сейчас рассказала, может быть, это все-таки важно.

– Что это? – У Эллы закололо в груди.

Дейви наклонилась к ней:

– Ты сказала мне, что хотела бы никогда не говорить Дэмьену, что хочешь ребенка. Тогда я подумала, это из-за того, что ты переживала из-за аварии и Саймона, из-за всего. Но ты не думаешь, что...

Дейви продолжала говорить, но Элла ее не слушала. У нее тряслись руки. Она поняла, что она сделала. Элла хотела забыть не Натана. Она хотела забыть о том, что всегда хотела ребенка. Она хотела верить, что никогда не хотела детей. Как Дэмьен.

Глава 32

Резкая музыка ворвалась в Эллино ухо. Высунув руку из плотного кокона из одеяла и простыней, она зашарила по прикроватной тумбочке в поисках телефона.

– Алло, – простонала она в трубку, наконец найдя ее.

– Ты где? Я уже полчаса тебя жду! – раздраженно гаркнул Эндрю. Было слышно, что он расстроен. Он действительно ненавидел покупать одежду.

Элла взглянула на часы. Четверть второго. Она написала ему прошлой ночью, что встретится с ним, но забыла поставить будильник.

– Бегу. Двадцать минут. – Откинув одеяло, она потащила в ванную.

– Как, ты еще спала?

Она не просто спала, она серьезно отрубилась. Она проспала два будильника. Она с трудом вспомнила, что действительно выключала кнопку на часах.

Она рухнула в постель в пять утра, больше не в состоянии держать голову вертикально, а глаза открытыми. Какое счастье, что она нашла черновик статьи с прошлого лета, иначе ей не удалось бы уложиться в дедлайн.

Элла встретила с Эндрю в Эспрессо-баре в Вестфилд-Центре. Замотанная в толстовку, джинсы и угги, с глубоко надвинутой на мокрые волосы кепкой, Элла приподняла светоотражающие очки, и Эндрю улыбнулся.

– Что, трудная ночь?

– Писала до утра. Но сперва кофе.

Со стаканом ванильного латте с двойной дозой эспрессо в руке Элла повернулась к брату:

– Ладно. Покажи, что ты уже присмотрел.

Он протянул ей пустые ладони.

– Ничего.

– Совсем? Что же ты делал весь этот час?

– Ждал тебя.

– Ты безнадежен. Пошли.

Пихнув его в плечо, Элла повела брата к эскалатору, ведущему на верхний этаж, где продавали мужскую одежду.

– Расскажи пока про девочку, – сказала она, отхлебывая кофе.

– Кори? – Лицо Эндрю осветилось. Он ухватился за движущиеся перила эскалатора. – Она классная. Не, неверное. Она настоящая. – Его улыбка еще расплылась. – В ней нет ничего фальшивого, понимаешь? – Он пошевелил бровями.

– Стоп, – Элла стукнула его в грудь. – Нечестно.

Эндрю посерьезнел.

– Она не похожа на других девушек, с которыми я встречался.

– Хочешь сказать, у нее есть мозги? – поддела его Элла.

– Завышенные ожидания, – отрезал он. – Понимаешь, многие из тех, с кем я работал, очень много хотят за небольшую работу. А Кори – нет. Она работает на износ. – Он скривился и откашлялся. – Прости. Я хотел сказать, она въезжает. И заслуживает всего, что получает. Она искренняя с другими. В общем, классная, как ни посмотри.

– И вы уже два месяца встречаетесь? Как это ты мне раньше не рассказывал?

– Она занимается маркетингом в «Талберт и Дин».

Элла нахмурила брови.

– Это они стали твоим инвестором?

– Угу.

– А.

– Мы это не афишировали, но теперь, когда все стало всерьез, мы больше не хотим прятаться. Как там всегда говорила тетя Кейти: «Честность – лучшая политика», да? – Он пихнул Эллу в бок.

– Ну мне-то ты мог бы сказать.

– Я хотел, но... – Он пожал плечами. – Тебе самой хватало. Я не хотел добавлять.

Эскалатор привез их на мужской этаж. Элла коснулась руки брата.

– Я рада за тебя.

– Спасибо. Я хочу вас познакомить.

– Я тоже. Куда ты ее сегодня пригласишь?

Эндрю засунул руки в карманы джинсов.

– Не знаю. Куда-нибудь поужинать? А потом, может, в джаз-клуб?

– Впечатляет. Маленький братик вырос.

– Ну, когда-то это должно было случиться. – Он фыркнул. – Могу уже вести себя соответственно возрасту.

– Не, мне ты нравишься таким, как сейчас. Пошли посмотрим, что у них тут есть. – Она оглядела спортивную майку Эндрю, расстегнутую толстовку, выцветшие свободные джинсы и кеды конверс. Волосы у него были спутаны даже для серфера, а борода и усы давно не видели стрижки.

– Тебе нужна рубашка на пуговицах и темные джинсы. И я настаиваю, чтобы они были узкими. – Она указала на его обвислый зад. – И пиджак тоже будет нелишним.

При упоминании пиджака Эндрю побледнел.

– Да брось ты. Несколько приличных тряпок тебя не съедят. Но сперва надо тебя почистить, а потом уже искать одежду.

Через час Элла провела вымытого, постриженного и побритого в салоне в другом конце молла Эндрю по разным отделам магазина мужской одежды, прихватывая по пути разные джинсы и рубашки. В какой-то момент к ним присоединилась продавщица, предложившая свои варианты пиджаков. С полными охапками одежды они подошли к примерочной. Элла села на лавочку в кабинке, прихлебывая свой второй латте, который купила по пути из салона. Пока Эндрю переодевался, на нее снова нахлынули все те мысли, которых она старалась избегать после разговора с Дейви.

Она посмотрела на телефон. От Дэмьена не было ни звонков, ни сообщений. И от Натана тоже. Ему она должна звонок и правду. Но сперва Дэмьен. Ей только надо было сбросить со счетов статью про Натана.

Эндрю просунул руку в синюю клетчатую рубашку. На нем уже были хорошо сидящие темно-синие джинсы, и это было гораздо лучше, чем его всегдашние обвислые Levi's, в которых, Элла могла поклясться, он работал, ел и спал. Он кивнул на телефон в руках Эллы.

– Ждешь звонка?

– Нет. С чего? – Она сунула телефон в сумку.

– Да ни с чего, просто ты все время на него пялишься. Что, эта рубашка должна быть такой узкой? – Он помахал руками, скрестил их на груди, отвел назад локти.

– Это узкий крой. Возьми вот эту. – Элла порылась в куче рубашек. – Та же рубашка, размером больше. Как я рада, что ты нашел

девушку. А то, похоже, ты слишком много времени проводишь в качалке. – Его мускулы были больше, чем она помнила.

– Так потому я и нашел девушку, – подмигнул он.

Эндрю был похож на их отца – карие глаза, светло-песочные волосы, ямочка на подбородке и глубокие складки на щеках, когда он улыбался. Элла помнила отца в основном по фотографиям. Теперь и она, и Эндрю были старше, чем их родители в момент гибели. Она – так на целых десять лет.

– Ты много вспоминаешь маму с папой?

– Странный вопрос... – Эндрю стянул рубашку и взял ту, что протягивала Элла.

– Я посмотрела на тебя и вспомнила папу.

– А ты похожа на маму. Она была красивая.

– Это комплимент?

Эндрю подмигнул, застегивая рубашку.

Элла никогда не задумывалась об этом, но ее волосы были такими же длинными и прямыми, как у мамы. И они были похожего сложения, и цветов.

– Как ты думаешь, они так и были бы женаты?

– Я не думаю. Я знаю, что нет. Они слишком много ссорились. – Он помолчал, застегивая пуговицы. – Та авария – мое первое ясное воспоминание. Я слышал, как мама сказала отцу, что не любит его. Когда человек слышит такое от собственной жены... Не знаю. – Он опустил руки по бокам. – После такого трудно жить, как раньше, верно?

– Верно.

– Думаю, у меня еще и поэтому ни с кем не было всерьез до встречи с Кори. Я не хотел влюбиться по уши, а в один прекрасный день услышать, что она меня никогда не любила. Спорить – это одно. Потом всегда можно поцеловаться и помириться. Все ошибаются и все прощают. Но когда ты перестал любить человека, которому обещал свою жизнь? Что делать после такого? Я так не могу.

Он повернулся и посмотрел через плечо в зеркало, изучая рубашку.

– Когда ты поняла, что любишь Дэмьена?

– В тот вечер, когда мы встретились.

– А как ты узнала?

Элла постучала себя по груди.

– Почувствовала вот тут. – И так было до сих пор.

– Вот и я так чувствую с Кори. У нее было типа трудное детство, но она не скрывает своего прошлого. И я тоже от нее не скрываю, я старался быть во всем честным. Я не люблю хранить что-то в тайне.

– В отличие от мамы с папой.

– Нет, правда. Они не умели договариваться. А что происходит у вас с Дэмьеном?

Элла почувствовала, что бледнеет.

– Да все нормально. Почему ты спрашиваешь? – Она не была готова посвящать брата в свои семейные проблемы. Что Эндрю подумает, если узнает, что Дэмьен ушел от нее, потому что она ему изменила? И не один, а два раза. Она не хотела делиться этим секретом.

– Да нипочему, просто ты редко вспоминаешь маму с папой.

– Последнее время они часто приходят на ум. – Трудно не думать о них, когда ее собственный брак летит к чертям. Она сделала точно то же самое, что ее мать. И то же самое относится к отцу Грейс. У нее был секрет, и когда она призналась, что на самом деле искренне хочет ребенка, этой правды хватило, чтобы они с Дэмьеном оказались там, где оказались. Каждому из них больно, каждый чувствует, что его предали, и оба они живут врозь.

А поженились бы они вообще, если бы она сказала правду с самого начала? Тогда, на футбольном поле, когда он спросил, хочет ли она детей? Что бы он сделал, скажи она «да»? Был бы он тоже честен с ней? Сказал бы о своем бесплодии?

Она подумала: может быть, Эндрю прав? Может быть, у них с Дэмьеном есть еще один шанс, если начать сначала, на этот раз честно, безо всяких умышленно забытых воспоминаний?

– А как насчет детей? – спросила она.

– А что с ними? – Эндрю протянул ей руку, чтобы она застегнула манжет.

– Ты хочешь детей?

– Оспидя, Элла. Мы только недавно начали встречаться.

Элла застегнула другой манжет.

– Я не про Кори. Я вообще.

– Я об этом особо не думал. Ну да, наверное.

– А если ты узнаешь, что у твоей жены не может быть детей?

Эндрю повернулся к ней от зеркала.

– А ты все еще можешь... – Он не договорил вопроса.

– Да, я могу иметь детей, по крайней мере так мне сказали. –

Линн так и сказала.

Эндрю облегченно выдохнул.

– Иметь племянника или племянницу было бы круто.

От его слов Элле стало тоскливо. Она оглядела кучу еще не примеренных рубаш. Надо надеяться, когда-нибудь у него будут племянники. Если повезет, то и мальчик, и девочка.

– Ну а ты все-таки? Ты согласишься усыновить, если окажется, что твоя жена не может иметь детей? Или что-то случится с тобой?

– Да, – без колебания ответил он.

– Почему?

– Очень просто. Я хочу прожить с любимой женщиной все, включая вырастить ребенка. Даже если он не будет мой по крови, это не значит, что я буду меньше его любить.

У Эллы забилось сердце.

– Эндрю, ты хороший человек.

– Может, и так, но брат я так себе. Мне не нравится эта рубашка.

– Ой, – Элла удивленно моргнула. – Но она тебе так идет.

Он покачал головой.

Она указала на кучу.

– Ну померяй другие.

– Нет. Не люблю я все эти пуговицы. Прости, но это не я. Минутку... – Эндрю выбежал из примерочной и меньше чем через пять минут вернулся. Быстро расстегнув, он стащил рубашку и надел вместо нее черную майку с рисунком и лого AC/DC.

Элла сморщилась.

– Вот так, да?

– Да, – Эндрю сиял.

Он скинул коричневые мокасины, которые Элла велела ему надеть, чтобы мерить дизайнерские джинсы не с его потрепанными кедами. К счастью, темно-синие джинсы он оставил. Порывшись в куче пиджаков, он вытащил один из черного твида, снял его с вешалки и примерил. Повернувшись к Элле с поднятыми руками, он спросил:

– Ну, что скажешь?

– Неплохо. Разве что слишком повседневно для ужина и джаз-клуба.

– Да, но это я. Кори ничего из себя не изображает, и я тоже не хочу. Никаких претензий, никаких секретов. Что она видит, то и получит, а если ей не понравится, ну что ж, это ее проблемы.

Элла откинулась на стенку кабинки.

– Ей понравится. И ты, и то, что вы будете делать вместе. Это правильно, что ты с самого начала не притворяешься.

– Знаешь, я передумал насчет ужина и джаза. Я думаю, мы ходим в «Лаки Страйк», а потом в «Метроном».

Элла ухмыльнулась.

– Боулинг и киношка. – Свидание в стиле Эндрю. – Вы с Кори отлично развлечетесь.

– Думаешь?

– Знаю. Она же будет с тобой.

– Элла поднялась и похлопала брата по плечу. – Иди заплати за все это, и ты готов к своему свиданию. Когда захочешь нас познакомить, мы с Дэмьеном будем очень рады пригласить вас с Кори на ужин.

– Спасибо за помощь. Я знаю, что у тебя полно дел с этим дедлайном.

– Нет, это тебе спасибо.

Эндрю научил ее, как ей надо было с самого начала вести себя с Дэмьеном. Но сперва ей надо быть честной с кем-то еще.

Глава 33

Неделей позже

Середина апреля 2019 года

Сперва она хотела встретиться с ним в каком-нибудь кафе возле Юнион-сквер. Потом обдумывала ресторан на 80-м шоссе, где-нибудь в Розвилле, на полпути между ними. Он не любит толпы, а ей не хотелось привлекать внимание и вызывать спекуляции в прессе. Их с Натаном фото в спортивном магазине уже стало позавчерашними новостями, но все еще ходило по Сети. Она сама видела его в ленте только вчера утром. В конце концов Элла согласилась приехать к нему.

Редкие снежинки лежали на земле вокруг дома, словно зимнее стеганое покрывало. Холодный воздух пах хвоей, грязью и немного дымом. Натан встретил ее, стоя на террасе в своей обычной униформе – джинсы, ботинки и фланелевая рубашка.

– Привет, – сказал он, когда она поднялась по ступенькам.

– Привет. – Она осторожно улыбнулась, сохраняя вежливую дистанцию. И, несмотря на то, как они расстались на Аляске, ей снова захотелось оказаться в его руках. Но она была здесь не за этим.

– Насчет Аляски, – начала она, желая скорее покончить с этим. Ей надо было успеть на самолет. Кроме того, она не слишком доверяла себе в его присутствии.

– Ты прости меня, – искренне сказал он.

– Ты меня тоже.

Ветер взлохматил ей волосы. Натан протянул руку и отвел их ей от лица. Прикосновение было легким и неожиданным, и ее тело тут же отозвалось. Он улыбнулся, точно зная, как действует на нее.

– Хочешь зайти в дом? – предложил он, указывая на дверь.

– Конечно. Я обещаю не отнимать у тебя много времени.

Она прошла за ним в дом. Фред и Бинг встретили ее высунутыми языками и виляющими хвостами. После того как Элла поздоровалась с ними, они пошли и улеглись на свои матрасики у огня, продолжать дневной сон.

– Кофе? – спросил Натан.

– Нет, спасибо.

Он указал на диван, а сам сел в кресло напротив. Видно было, как неумная энергия прямо распирает его.

– Ну, и... Почему ты приехала? – спросил он.

– Я закончила статью. Она у редактора. Пока мы говорим, номер ушел в печать. Ты будешь на обложке. – Она вытащила из сумки большой конверт, который привезла с собой. Приподнявшись, протянула его Натану. – Я хотела, чтобы ты прочел это до того, как номер появится в магазинах.

– Могла бы послать по почте, – заметил он, беря конверт.

Это было так, но она писала эту статью не для Стефани, как хотелось Натану. Она написала ее для него и хотела, чтобы он узнал это до того, как выйдет журнал.

Натан открыл конверт и поглядел на титульную страницу. Конец Приключения: Скорбящий Отец Отдает Сыну Последний Долг. Он закрыл конверт и отложил в сторону.

– Ты не хочешь прочесть?

– Потом. – Он посмотрел на нее с холодком. – Я бы хотел поговорить о нас.

– О нас? Нет никаких нас. – Заметив, что он раскрыл рот, она остановила его жестом руки, чтобы он не смог ее перебить. – Я прошу прощения за все, что было на Аляске, и за то, что я позволила этому случиться. Но мы женаты на других.

– Я развожусь с женой. Я хочу быть с тобой.

– Не знаю, что я могла пообещать тебе раньше, но я не брошу своего мужа. Я люблю его.

– А меня? Ты... – Он сбился и опустил глаза, прежде чем продолжить. – Меня ты любишь?

– Я... – Она остановилась, не дав себе сказать: *Я не люблю тебя*. Почти те же слова, что ее мать кричала ее отцу в тот проклятый День благодарения.

Элла, прикуси язык.

Натан смотрел на нее с ожиданием. Элла поняла, что сказать ему это будет непросто. С сердечными делами никогда не бывает просто, особенно если кто-то носит свое сердце на бело-голубом клетчатом фланелевом рукаве, как Натан.

Элла решила осторожно выбирать слова и быть честной.

– Ты мне нравишься. Очень нравишься, Натан. Больше, чем я должна была бы себе позволить.

У него вырвался глубокий гортанный стон.

– Тогда почему нам не быть вместе?

– Я не могу. В смысле, не смогу. Я верю, когда ты говоришь, что я раньше любила тебя. Но я этого не помню. И не чувствую этого сейчас, – прошептала она свое признание.

Он тихо смотрел на нее. Похоже было, что он ей не верит. Она неловко поежилась под его взглядом и поглядела на свои руки, лежащие на коленях.

– Саймон был твоим.

Не услышав ответа, она подняла глаза, чтобы убедиться, что он расслышал ее. Он расслышал. Его лицо побледнело. Он сжал руки так крепко, что Элла со своего места видела, как побелели костяшки его пальцев.

Внезапно он вскочил, подошел к окну и, сложив руки на груди, встал к ней спиной.

– Помнишь, ты говорил мне, что мы встретились в Рино? Тогда я еще не знала, что он твой. – Элла попыталась объяснить свои выводы, сделанные на основе того, что ей удалось узнать, не выдавая секрета Дэмьена. Натану незачем было знать о его стерильности. – В день аварии Дэмьен сказал мне, что отец ребенка не он. Должно быть, поэтому я и звонила тебе.

Натан снова подошел к ней.

– Ты позвонила мне за секунду до аварии. Разговор прервался. Я был на телефоне, когда... Господи, это я виноват. Я не знал, что ты за рулем. Я должен был сказать тебе, чтобы ты перезвонила, когда найдешь место, чтобы остановиться. Если бы я просто повесил трубку, Саймон был бы сегодня с нами. Понимаешь, Элла? Это я виноват в его смерти.

Он заплакал. Потянувшись к ней, он обнял ее.

– Я так виноват. Во всем. Ты сможешь простить меня?

В первую секунду Элла хотела оттолкнуть его. Ей хотелось обвинить его. Во всем. Но это была не его вина. Это она сама ему позвонила. Она говорила по телефону за рулем и не смотрела на дорогу на перекрестке.

Натан винит себя в смерти обоих своих сыновей. Но вина за потерю Саймона не его ноша. Она принадлежит Элле и Дэмьену. Это их ложь привела всех туда, где они сейчас находились.

Элла отступила из его объятий и поглядела ему в глаза.

– В аварии нет твоей вины. Я не должна была звонить тебе, будучи расстроенной и за рулем. Я прощаю тебя, но я никогда и не винила и не буду винить тебя. Постарайся сам себя простить.

Он смахнул пальцем ее слезы и вытер свои.

– Я стараюсь.

– Хорошо, – Элла кивнула и всхлипнула. – Это хорошо. – Оглянувшись, она подхватила свою сумку и закинула ее на плечо.

Он откашлялся.

– Ты уезжаешь?

– Да. Мне надо на самолет.

– Мы еще увидимся?

Она покачала головой.

– Не думаю.

Закрыв глаза, он кивнул. Ему не понравился ее ответ, но он не стал спорить. Она была права, он понимал это. Наклонившись, он легко коснулся ее губ.

– Прощай, Эл.

– Счастливо, Натан. – Она обернулась, чтобы идти, но остановилась. Кивнув на конверт, она сказала: – Прочти. И увидишь, каким я видела тебя. – Человеком, любившим свою жену, и отцом, старавшимся дать сыну все самое лучшее. Она не могла дать Натану свою любовь, но она отдала ему свои слова. Может быть, они помогут ему найти необходимый покой. И силу, чтобы помириться с самим собой.

Глава 34

На следующий день Элла сидела на высоком стуле с самым лучшим видом на Лобби-бар в ARIA Resort отеле. Она прилетела сюда вчера поздним вечером прямо от Натана и поселилась в том же самом номере, который Дэмьен снимал при их первой встрече. Сперва она думала, не встретиться ли им в «Луне», но в кафе обычно было слишком шумно. Потом она хотела позвать Дэмьена домой, где они могли бы «снова найти друг друга», но в конце концов решила, что пусть это будет Лас-Вегас. Если они действительно хотят начать все снова, по-настоящему, честно и открыто, то ей хотелось быть там, где все когда-то началось.

На этот раз на ней не было платья в облик и коктейльных нарядов. Черный креповый комбинезон и туфли коньячного цвета были классическими и сдержанными, и лучше отражали ее вкус. стакан минеральной воды был более разумным выбором, чем бурбон со льдом. Ей нужна была трезвая голова.

Полчаса назад Дэмьен прислал сообщение, что приземлился. Она не видела его больше недели и не могла перестать искать его в толпе. За столами сидели игроки, звенели жетоны. Позвякивали игральные автоматы. По всему этажу разносилась музыка в стиле техно, ударные отбивали пульсирующий ритм. Она ощущала это же биение у себя в грудной клетке. Когда она подносила стакан к губам, ее руки тряслись. В ближайший час должно было решиться их с Дэмьеном будущее и судьба их брака.

Она до боли скучала по нему, по его объятиям. Ей хотелось видеть его улыбку и слышать его голос. Она столько хотела пережить вместе с ним.

И он появился.

Элла увидела, как он пробирается между креслами, и у нее забилось сердце. Он снял галстук и расстегнул верхние пуговицы на рубашке. Костюм сидел на нем безупречно, и он был точно таким же, каким она впервые увидела его четыре года назад. Она почувствовала, что влюбляется в него снова и снова.

Соскочив со стула, она обхватила его руками, как только он подошел. «Я так скучала по тебе», – сказала она, прижимаясь щекой к его груди. Ощувив его запах, хрустящую накрахмаленность рубашки и одеколон «Армани», который она подарила ему на годовщину свадьбы, она немного успокоилась.

Немного помедлив, Дэмьен тоже наконец обнял ее и прижался щекой к ее голове.

– Эл, – выдохнул он.

Ей хотелось простоять так весь день, в этой теплой безопасности его рук, но она позвала его сюда не просто так. У нее была причина. Она выбралась из его объятий, и Дэмьен обеспокоенно поглядел на нее.

– Что случилось?

Она ничего не объяснила ему при звонке. Сказала только, что хочет поговорить с ним и чтобы он встретился с ней в Вегасе.

– Что желаете выпить, сэр?

Бармен со своим вопросом оказался некстати, и Дэмьен раздраженно посмотрел на него, прежде чем кивнуть на Эллин стакан.

– Я буду то же, что и она.

– Принесите стакан воды.

– Воды? – Дэмьен приподнял брови, и Элла слабо улыбнулась ему.

– Мне столько нужно тебе сказать, – дрожащей рукой она разгладила его белую рубашку. Он остановил ее руку, прижав ее к груди.

– Да ты волнуешься.

Она кивнула.

– Я тоже, – признался он с намеком на улыбку.

– Ты никогда не волнуешься.

– А сейчас да, – он отпустил ее руку и выпил свою воду. – Почему ты позвала меня сюда? Мы могли встретиться дома.

Дома. Ее сердце затрепетало в надежде.

– Я знаю, что это немного слишком, но у меня есть резон. Я сняла тут номер. Пойдем со мной?

– Элла, я... – Он отвернулся и постучал пальцем по стойке бара, прежде чем продолжить. – Я бы ничего не хотел больше, чем подняться с тобой в номер и заняться любовью, но я... – Он помотал головой. Его глаза были грустными. – Я не могу.

– Да нет же! Я не это имела в виду, – взволнованно воскликнула она. – Я хочу только поговорить с тобой, и все. Без всяких ожиданий. Я решила встретиться здесь, надеясь, что мы сможем начать заново, в этот раз по-настоящему. Без всяких манипуляций с памятью.

– Ладно, – ответил он, медленно кивнув.

– Отлично, – улыбнулась Элла. Подхватив свою сумочку и карточку от номера, она повела его к лифтам. По пути Дэмьен прикоснулся кончиками пальцев к изгибу ее спины, и по ней пробежала волна возбуждения. Но едва они зашли в лифт, и двери закрылись, он засунул руки в карманы. Он даже отступил от нее подальше, и Элле пришлось подавить в себе стремление подойти к нему.

Она нажала кнопку их этажа и, когда они добрались, приложила карточку к двери.

– Тот же самый номер, – заметил Дэмьен, входя в съют.

– Ты помнишь.

Он снял пиджак, сложил его, бросил на край огромной кровати и посмотрел на Эллу, ловя ее взгляд.

– Я помню *все*, что было той ночью, когда мы встретились.

У Эллы загорелось все тело.

– Я тоже, – прошептала она.

– Я... эмм... – Он взглянул на часы. – У меня в семь самолет.

– В семь? – Она тоже посмотрела на часы. Он дал ей только три часа. Два, с учетом того, что ему надо ехать в аэропорт. А она надеялась, что он проведет с ней весь вечер.

– Встреча рано утром, – сказал он извиняющимся тоном.

– Да, конечно. Ну и... Как на работе? – спросила она, ненавидя себя за эту неловкость при общении с собственным мужем.

Он отошел и выглянул в окно.

– Нормально.

– А расследование?

– Закончилось, – сказал он, поворачиваясь к ней спиной. – Слава богу.

– О! Здорово! – Она хотела бы знать об этом. Хотела бы быть в этот момент с ним, отпраздновать вместе. – И что вы обнаружили? Но

если ты не можешь сказать, ничего. Я понимаю. Корпоративная солидарность и все такое. – Она сложила руки на груди.

Он потер рукой затылок.

– Я бы хотел тебе сказать, но...

– А ты можешь сказать, почему твой отец хотел вытеснить тебя из дела? – вырвалось у нее. – Можешь сказать, почему не пригласил их на нашу свадьбу и не поздравляешь с Рождеством? Почему они даже не звонят на твой день рождения?

– Элла, – сказал он слегка раздраженно.

– Извини, – она резко выдохнула. – Я не так хотела начать этот разговор. – Сделав глубокий вдох, она сосредоточилась. – Я хотела рассказать тебе две вещи о себе. Одну из них я должна была сказать, как только мы начали встречаться.

– А почему не сказала? – спросил он с любопытством.

– Видя, как моя мать обращалась с моим отцом – она была чересчур честной насчет того, что думала, и это их погубило, – я боялась. Я думала, что, если буду честной с тобой, это нас разлучит. Но теперь, я надеюсь, моя честность сделает обратное. Вернет нас друг другу.

Дэмьен засунул руки в карманы.

– Хорошо. Я слушаю.

– Я не была правдива, когда ты спросил в первый раз, хочу ли я детей. Я сказала, что нет, потому что боялась, что если я скажу «да», ты не захочешь быть со мной. А я уже любила тебя. Я решила, что смогу отказаться от мечты иметь детей, если взамен смогу прожить свою жизнь с тобой.

– Но ты не отказалась. Ты до сих пор хочешь детей.

– Да, и я должна сказать тебе почему. Помнишь, я рассказывала тебе про Грейс?

– Которая покончила с собой?

– Да. Возможно, это прозвучит глупо. Когда мы были маленькими, мы играли в семью. И мы договорились, что, когда вырастем, назовем дочек в честь друг друга. Я никому не говорила об этом, но Грейс оставила мне записку. Я нашла ее под подушкой. Она спрашивала, помню ли я наш договор. И потом написала: «Пожалуйста, назови свою старшую дочку в честь меня, чтобы я знала, что ты меня не забудешь».

– Я никогда не смогу забыть Грейс. Но я чувствую себя виноватой в ее смерти и я всегда хотела исполнить ее желание.

Дрожа, Элла перевела дыхание и почувствовала, что по ее щекам бегут слезы.

– Эл, – сказал Дэмьен сочувственно. Подойдя к ней, он положил ладонь ей на щеку и вытер ей слезы. Она прижалась к его руке. Было так хорошо вновь ощутить его прикосновение. Он открыл рот, и она предупреждающе подняла палец.

– Мне нужно признаться еще в одном.

Дэмьен опустил руку.

– Я не просто хотела забыть Натана. Я пыталась забыть, что хотела иметь детей.

Дэмьен отступил на шаг и нахмурился.

– Как ты это выяснила?

– Мне сказала Дейви. Наверное, я упомянула что-то такое в больнице. Думаю, я считала, что могу решить наши проблемы, если не буду хотеть детей, как ты. Но вместо этого я все испортила и все смешала у себя в голове. Я забыла не то, вот как Саймона. Я никогда не захотела бы забыть его. Я страшно жалею, что устроила нам все это. И я жалею, что изменила тебе. Я не хотела причинить тебе боль. Но я клянусь, что этого больше не случится.

Дэмьен помолчал несколько минут, и Элла уже боялась худшего. Она хотела детей. Он хотел их с Анной. Захочет ли он детей с ней? А если нет, то какой смысл оставаться вместе, если им нужно разное?

Но Дэмьен сказал нечто, чего она не могла ожидать.

– У меня был брат-близнец.

– Что? – Она изумленно моргнула.

Он кивнул.

– Я давно должен был тебе рассказать. Бродерик родился первым. Он был любимцем моих родителей. Нам было по четыре года, когда он умер во сне от порока сердца, о котором никто не знал. И всегда, когда я получал за любую контрольную что-то кроме пятерки или не приходил первым в школьных соревнованиях, родители, не скрываясь, поминали моего брата. Они задавались вопросом: не прибежал ли бы Бродерик быстрее, не получил бы отметку выше? Я никогда не мог состязаться с этим воображаемым Бродериком. Я провел все детство, борясь с мертвым братом за родительское признание.

– Как они могли так с тобой обращаться?

– Когда родители нашли Бродерика, я спал в его кровати. Я думаю, им было проще обвинить меня, чем признать, что у их идеального ребенка был врожденный дефект.

– Они же не думали, что это ты его убил?

– Нет, ничего такого. Но иногда они вели себя так, что мне казалось, будто думают. Но я помню своего брата. Я видел фотографии. Я его любил и никогда бы не причинил ему зла. – Его голос дрогнул.

– Ну конечно, нет. Ты был ребенком.

– Родители мечтали о внуках и были в восторге, когда я женился на Анне. Они надеялись, что у нас будут близнецы. Но когда этого не случилось и я сказал им почему, отец отказался от своей идеи передать мне CyberSeal, выйдя на пенсию. Это было наказание за обрыв фамильного рода. Как будто это я выбрал бесплодие!

Я не ожидал такого. После всей моей работы на него, моего образования, практики в компании. Все было зря. Он списал меня, а потом сообщил мне, что компания выходит на биржевой рынок. Я ушел, не дожидаясь этого.

Эллу наполнила ярость.

– Вот козел. Я не понимаю, как родители могут отказываться от своих детей! – воскликнула она, думая о родителях своей матери.

– Да это происходит сплошь и рядом.

– Но это не должно было произойти с тобой. Я в жизни не хочу с ними встречаться.

Дэмьен подавил смешок:

– Можешь не волноваться на этот счет. На той неделе я обедал со своим отцом. Я показал ему те доказательства, которые мы собрали против CyberSeal. Он утверждал, что понятия ни о чем не имеет.

– И ты ему поверил?

– Нет. Но он согласился компенсировать наши потери в обмен на то, что мы не будем обращаться в суд. Его совет директоров не хочет публичного скандала. Если бы он не согласился, я устроил бы представление в прессе и медиа, и его акции упали бы до нуля. Моя фирма частная, и может вынести удар. А CyberSeal нет, потому что это публичная компания.

– Я рада, что вы договорились. Наверняка встреча была непростой.

– Да уж, – он запустил руку в волосы, ероша безупречно лежащие волны.

– Ты наверняка чувствовал, что он снова отверг тебя. Спасибо, что рассказал мне об этом.

Он плотно сжал губы и кивнул. Затем подошел к столу и не глядя начал листать лежащие там журналы.

– Я поняла, почему ты не сказал мне про свою стерильность. Тебе было проще сказать, что ты не хочешь детей, чем объяснить правду. И мне жаль, что так вышло с твоим братом. Я не могу представить себе, что у меня не было бы Эндрю.

Он снова кивнул, не поднимая глаз и не переставая листать журнал. Мелькали страницы. Больше всего на свете Элле хотелось обнять его. Но она хотя бы попытается облегчить его ношу.

– Дэмьен, я люблю тебя. Ты не обязан давать мне детей. Дай мне себя.

– Но ты хочешь детей, Элла, – твердо ответил он. – Я не могу отнять этого у тебя.

– И что же? Ты собираешься вот так взять и разрушить то, что у нас есть?

– Это не все наши проблемы. Ты мне изменила. Дважды. – Он поднял два пальца.

С упавшим сердцем Элла закрыла глаза.

– Я буду жалеть об этом каждый день до конца своей жизни. Мне ужасно жаль, – ответила она, глядя ему в глаза.

– Мне тоже, – сказал он, барабанив пальцами по столу. – Я должен был сказать тебе, что не могу иметь детей.

– А если бы мог, хотел бы?

– Элла.

Она подошла к нему и схватила за руку.

– Просто ответь мне. Хотел бы ты иметь со мной детей?

Его лицо сморщилось. Он был на грани слез.

– Если бы я мог иметь детей, я ничего в жизни так бы не хотел, как иметь их с тобой, – хрипло признался он.

Элла сжала его руку.

– И я тоже. Я хочу создать с тобой семью. Необязательно иметь своего ребенка. Давай усыновим. Мы можем усыновить или обратиться за помощью в банк спермы. У нас масса возможностей, Дэмьен. Мне все равно, что мы выберем, если мы выберем это вместе и будем жить вместе.

– Ты бы согласилась... усыновить?

Она слегка нахмурилась.

– Я не Анна. Любой ребенок, который окажется в нашей семье, будет нашим. – Она медленно улыбнулась, прижав руку к мокрой щеке. – Так что да, Дэмьен. Я сделаю это с тобой. Я сделаю это для нас.

Он закрыл глаза.

– Я не могу передать, что это для меня значит.

– Я надеюсь, это значит, что ты прощаешь меня. За измену и за то, что я попала в аварию. За то, что потеряла Саймона и что забыла о нем.

Она не была уверена в этом, но ей так нужно было услышать это от него. – Пожалуйста, прости меня, – прошептала она.

– Да, – ответил он, не раздумывая. – А ты простишь меня? Я должен был сказать тебе о бесплодии. Я столько раз хотел это сделать, но думал, что ты... – Он замялся.

– Я бы не передумала выйти за тебя замуж и остаться с тобой.

– Кстати. Ты все еще хочешь вернуть свою память? На той неделе ты говорила, что нет.

Элла задумалась, постукивая пальцами по губам.

– Давай посмотрим, верно ли я понимаю. Мы поехали на Мальдивы, и я сказала, что хочу завести детей. Но ты не сказал мне, что бесплоден, а сказал, что не хочешь детей. Так? – Она подождала, пока Дэмьен подтвердит это, и после его кивка продолжила: – Мы вернулись домой, я получила задание с Натаном, а ты улетел в Лондон. Я прилетела к тебе спустя две недели, а еще через несколько недель обнаружила, что беременна. Я считала, что Саймон твой, и ты не разубеждал меня. Затем по какой-то причине – может быть, из-за вины? – ты сказал мне, что стерилен, что ты не отец Саймона и что ты знаешь, что у меня был роман. Это случилось в день аварии. После ужина, да? Пока все так? – Он снова кивнул. – Мы поссорились. Расстроенная, я выбежала из дома и позвонила Натану, наверное,

чтобы сказать ему про Саймона, но не успела. В меня врезался грузовик. Ну, и... Мы знаем, что было потом.

У Дэмьена дернулась челюсть.

– Я правильно все понимаю? – Она выжидательно взглянула на него. У него было напряженное лицо, а в глазах отражалась боль. Но он кивнул.

– Да, все так и было.

– Тогда нет. Я не хочу своих воспоминаний. – Ей будет не хватать возможности испытать материнские чувства к Саймону, но она не хотела вспоминать первый роман с Натаном или боль, которую причинила Дэмьену.

Боль в его глазах уменьшилась, и он улыбнулся широкой довольной улыбкой. Элле на какой-то миг показалось, что эта улыбка была удовлетворенной, как будто он что-то вычислял, но это не имело смысла. Слезы застили ей глаза и искажали предметы вокруг. Дэмьен просто был счастлив. Рад, что они справились со всем, потому что обнял ее и крепко поцеловал.

– Я люблю тебя, – прошептал он. – Я так тебя люблю.

Когда он поднял голову и улыбнулся ей с обожанием, она взглянула на часы. Было почти шесть.

– Тебе пора ехать в аэропорт.

– О, – он поймал ее за руку, когда она направилась к двери. – Я могу отменить полет. И завтрашнюю встречу. А у нас тут большая кровать, и она ждет. – Он улыбнулся своей широкой, сексуальной улыбкой, от которой у нее всегда перехватывало дыхание.

– Ты сделаешь это ради меня? Отменишь встречу?

Дэмьен прижал ее к себе, и их тела вспыхнули. Он прижался губами к ее губам.

– Элла, я сделаю *все*, чтобы ты была счастлива.

Глава 35

Выдержки из записи интервью

18 августа 2018

Отель «Фармонт», Сан-Франциско, Калифорния

Интервьюер: Элла Скай, журнал Люкс Авеню, ведущий журналист

Интервьюируемый: Амира Сильверс, актриса, обладатель премии «Оскар»

(Продолжение записи)

Элла: Под запись. Вы согласились поделиться с читателями *Люкс Авеню* тем, что вы мне только что рассказали. Вы сказали, что знаете, как забыть своего мужа. Давайте продолжим с этого места. Что вы имели в виду? Как вы забудете Гарри? Вы утверждаете, что можете совершенно стереть его из вашей памяти? Разве это возможно?

Амира: Вы когда-нибудь слышали о докторе Ирвине Уайтли?

Элла: Нет.

Амира: Это ученый, изучающий сознание и подсознание. Он занимается исследованием подавления и восстановления памяти. В особенности мотивированным забвением.

Элла: Что это?

Амира: Это намеренное подавление воспоминаний. Об этом размышлял Зигмунд Фрейд. Доктор Уайтли обнаружил, как это сделать.

Элла: Правда? Звучит захватывающе.

Амира: Очень. Он набирает себе испытуемых. Я встречалась с ним на прошлой неделе. Он предложил поработать со мной.

Элла: И вы согласились?

Амира: Думаю, да. А что насчет вас, Элла? Если бы вы могли намеренно забыть кого-то, вы бы согласились?

Элла: Хммм... Не уверена.

(Пауза)

Амира: Я перефразирую. Допустим, вы сделали что-то, причинившее боль кому-то другому, что-то, о чем вы сожалеете?

Представьте себе свою вину. И представьте, что от этой вины можно избавиться, вот так (звук щелчка пальцами). Согласились бы вы стереть это из своей памяти?

(Пауза)

Элла: Я беременна.

Амира: Мои поздравления. И давно?

Элла: Пять недель. Я только недавно узнала.

Амира: А ваш муж уже знает?

Элла: Конечно. Он в восторге. Мы оба в восторге, но...

Амира: Но?

Элла: Не важно. Я не должна была говорить это.

Амира: Но почему? С ребенком что-то не так?

Элла: Нет, дело не в этом. Это...

(Пауза)

Амира: Что – это? Элла, милая, вы можете сказать мне, тут нет никого, кроме нас с вами. Ничего из того, что вы мне скажете, не выйдет за эту дверь. Ну разве что вы сами это не напечатаете.

(Пауза)

Элла: Мой муж – не отец ребенка.

Амира: А он знает об этом?

Элла: Да. Он не возражает. Как ни странно, он согласен.

Амира: Как интересно. А как насчет биологического отца? Он в курсе?

Элла: Нет.

(Пауза)

Амира: И вы не собираетесь ему говорить.

Элла: Муж не хочет этого. И я сперва согласилась с ним, но теперь... Я не знаю.

Амира: Вам стыдно скрывать беременность от настоящего отца.

Элла: Да. Как вы это сказали? Вина. Это сам дьявол.

Амира: Хм-м-мм. Да. Разве вы не хотели бы забыть, как сказали мужу, что ребенок не его?

Элла: Нет. Не это. Наоборот.

(Пауза)

Амира *(ахает)*: Вы хотели бы забыть, что ваш ребенок не от мужа.

Элла: Да.

Амира (*смеется*): Ну и ну. Это что-то.

Элла: И это вы еще половины всего не знаете.

Амира: Половины? Расскажите.

Элла (*выругалась*)

Амира: Что такое?

Элла: Мы все это записывали.

[*Конец записи*]

Глава 36

Шестью неделями позже

Конец мая 2019 году

Дэмьен сидел в своем офисе в Сан-Франциско лицом к окну, выходящему на мутную серую воду. Под ним простирался мост Бэй, вцепившийся в берега, как олимпийский гимнаст на растяжке. Видно было, как с другой стороны моста взлетают самолеты из аэропорта Окленд. Взмыв вверх, они быстро исчезали в низких тучах.

Дэмьен крутил в руках флешку. На ней была копия тех записей, что он отдал Элле. Дэмьен всегда делал вторую копию. Это было основой его бизнеса. Записи могут стереться, а данные исчезнуть в одно мгновение. Одна строчка неверного кода может уничтожить работу всей жизни. Намеренная забывчивость Эллы не была частью их изначального плана, который они придумали прошлым летом, когда ее только направили взять интервью у Натана Донована по возвращении с Мальдив.

Если Дэмьен и жалел о чем-то в этой поездке, так это о том, что рассказал Элле о своем бесплодии. На самом деле он рассказал ей об этом именно на Мальдивах, хотя в их разговоре после Аляски говорил другое. Он сказал ей об этом, рассердившись в ответ на ее признание в том, что она хочет детей. Она забыла взять противозачаточные таблетки и решила, что это доброе предзнаменование к тому, чтобы попытаться завести ребенка. Они уже были женаты достаточно времени. Она решила, что, может, он уже готов к тому, чтобы завести настоящую семью.

Элла обманула его. Он и понятия не имел, что она хочет детей.

Он должен был признаться ей, что бесплоден, до свадьбы. Или уже должен был настаивать на первой версии – он не хочет никаких детей. Потому что, едва только признание в бесплодии вырвалось у него изо рта, он немедленно пожалел об этом. Теперь Элла бросит его, как и Анна.

Но, к его удивлению, этого не случилось. Да, она рассердилась, что он не сказал ей раньше – она чувствовала себя обманутой. Она не разговаривала с ним два дня, и это были самые долгие два дня в его

жизни. Но она свыклась с этой мыслью, и более того – она поняла его. Она была готова усыновить или взять приемного ребенка. Они могли подумать о доноре. Она сказала, что есть миллион разных способов завести ребенка.

Миллион способов.

И самый лучший из них явился им в виде Натана Донована.

План Дэмьена был внезапным, но жена поддержала его, и все сработало. Просто отлично сработало. Пока Элла не начала чувствовать вину в том, что они сделали. Потому что во время задания случилось то, чего ни он, ни Элла предугадать не могли: она влюбилась в этого Натана. И, после того, что он только что пережил с Карсоном, она, узнав, что беременна от него, не могла больше скрывать от него это. Натан имел право знать, что он скоро снова станет отцом.

Дэмьен отказался наотрез. Натан никогда не должен узнать правду. Если он узнает, Саймон больше не будет принадлежать только Элле с Дэмьеном. Натан тоже станет членом их семьи. Они спорили месяцами, пока все не кончилось в тот ноябрьский вечер. Дэмьен отчетливо помнил, как после ужина со свинными отбивными и рисовым пилавом Элла заявила, что собирается позвонить Натану, схватила свои ключи и захлопнула дверь ему в лицо. И потом все изменилось.

Авария. Экстренное кесарево сечение. Гибель Саймона. Натан, явившийся в госпиталь через несколько дней с требованием сказать ему правду. Был ли Саймон его биологическим сыном?

Той ночью, после того как Натана увела больничная охрана, Элла, измотанная и разбитая чувством вины, призналась в том, чего Дэмьен никак не мог ожидать услышать от нее. Она все еще любила его, но она любила и Натана.

Элла понимала, что должна сделать выбор, и, слава богу, она выбрала его. И предложила собственный план. Она сознательно забудет Натана и все, что она к нему чувствует, и она знает, как это можно сделать. Она верила, что для них это единственный способ начать все снова.

Дэмьен сделал все, что мог сделать любящий муж, чтобы помочь жене. Он согласился на ее план и сделал все, что она просила. Он не будет отвечать на ее вопросы о семи месяцах до аварии, как бы она ни настаивала. Он будет уводить ее в сторону и запутывать, если она

будет подходить близко к правде. Он зачистит ее телефон, компьютер и облако. Он даже сделал больше: и стер с серверов Ребекки и Натана все следы их с Эллой переписки.

Сперва он не мог поверить Элле, когда та говорила, что не помнит беременности и аварии. Ему было трудно поверить, что методы доктора Уайтли работают. Но когда выяснилось, что она не помнит о его бесплодии, о ссоре на Мальдивах и о плане, который они придумали прошлым летом, он увидел в этом новую возможность, особенно когда заметил, что после выкидыша она больше не принимает противозачаточные таблетки. Его жена хотела ребенка, и он собирался дать ей его. Этот новый план был его подарком.

Мужчины типа Натана Донована очень предсказуемы. Дэмьен знал, что Натан не отступит, пока Элла не признается ему, чей был Саймон. Он будет возвращаться снова и снова. Все, что нужно было сделать, – это зайти на сервер Люкс Авеню и послать Натану письмо от ассистента Ребекки с просьбой вернуться к идее интервью. Натану понадобился месяц, чтобы ответить, но, когда он наконец ответил, Дэмьену осталось только отправить свою ничего не подозревающую жену к Натану в постель. Элла наконец получит то, чего хочет больше всего на свете, а он, Дэмьен, – ее пожизненную любовь и благодарность. Он сделает ее счастливой.

В этот раз, однако, они сделают по-другому. Заставив Эллу предпочесть его Натану и сыграв на ее чувстве вины в том, что она изменила ему, причем не один раз, а дважды, как он дал ей понять, он мог быть уверен, что больше никогда, ни при каких обстоятельствах, Элла не рискнет предать его в третий раз.

Дэмьен мог практически гарантировать, что Натан Донован – раз и навсегда – исчез с радаров. Потому что Дэмьен Расселл ни с кем не делится.

Дэмьен повернул кресло лицом к столу и воткнул флешку в компьютер. На мониторе открылось новое окно, в котором было 2084 файла, на два больше, чем было на флешке, которую он дал Элле. Дэмьен позаботился, чтобы на ее флешку не попал один файл из записи ее интервью с Амирой Сильверс, где Элла рассказала ей об их плане. С ее стороны это было так некрасиво. И еще там не было файла с кодом, который мог разблокировать ее память. Этот код, как ему

объяснила Элла, был уникальным, как мозг, для которого он был разработан.

Он не хотел, чтобы она вспомнила их план прошлым летом и вину, которую она испытывала, иначе она бы захотела признаться Натану – *снова!* – и вернуть его в их жизнь. Особенно ему не хотелось, чтобы она помнила, как любила Натана. Вот почему в этот раз Элла должна была думать, что не обманывала Натана. А наоборот, изменила с ним Дэмьену. Она должна была верить, что это ее вина. Она предала его, дважды. Вина заставит ее быть на его стороне.

Ясно? Верность и обожание.

Еще он не хотел, чтобы она заподозрила, что он использовал ее потерю памяти. Это внутреннее расследование вмешательства CyberSeal в секреты работы и клиентский список PDN не могло случиться более кстати. Из-за него он должен был улетать и был очень занят. Элле пришлось искать ответы где-то еще. И она отправилась за ними к Натану. Потому что Элла так же безжалостна в погоне за историей, даже своей собственной, как Дэмьен в своей работе. Поэтому они так и подходят друг другу.

Чувствовал ли он себя виноватым в том, что вынудил ее поверить в такой ход событий? Ничуть. Если бы он раскаивался в своих решениях или стратегиях, которые придумал и воплотил, он бы не стал тем, кем был сегодня: главой компании по кибербезопасности, входящей в десятку лучших в мире. Мужем великолепной, умной и страстной женщины. И скоро счастливым отцом.

Дэмьен стер файлы с флешки и выключил компьютер. Надел пиджак, вытащил наружу манжеты рубашки и поправил галстук. Взял свой портфель с биометрической защитой и отправился домой. Его ждала беременная жена.

Глава 37

Прошлым летом

План

Дэмьен зашел в кабинет Эллы с двумя дымящимися кружками эфиопского кофе. Поставив одну возле нее, он присел на стол и внимательно поглядел на жену. С тех пор как они вернулись из отпуска, он часто так делал, словно пытаясь предсказать ее следующий поступок, чтобы успеть предотвратить его. Она знала – он все еще думает, что она уйдет от него. Как Анна.

– Над чем работаешь? – спросил он как бы между делом.

Элла просматривала фотографии Натана Донована, сделанные во время съемок его сериала.

– Ребекка дала мне новое задание.

– Натан Донован? Тот самый специалист по выживанию?

– Да и да. Эта история наверняка пойдет на обложку. Ребекка хочет, чтобы я провела с ним пять дней.

– Пять дней, – безразличным тоном повторил Дэмьен.

Ему не хотелось, чтобы она уезжала, пока они не выяснили отношения.

– Я думаю, нам будет полезно отдохнуть друг от друга, – тихо сказала Элла. Им обоим нужно было отвлечься от той неразберихи, в которую превратился их брак. И ей, и Дэмьену было бы полезно разъехаться, чтобы подумать и разобраться в себе. Решить, хотят ли они усыновить, взять приемного ребенка, или обратиться в банк спермы. Или же их брак так и останется бездетным.

Плотно сжав губы, Элла быстро просматривала фото. Даже если бы им и не нужно было разъезжаться, она все равно ни за что не отказалась бы от этой работы. Это интервью может стать вершиной ее карьеры.

Она взглянула на очередное фото. Она соврала бы, если бы сказала, что Натан ей не нравится. Светло-голубые глаза смотрели с экрана прямо на нее. – Смотри, он похож на тебя, – сказала она мужу.

– Думаешь?

Дэмьен подошел, встал возле Эллы, положил руку ей на плечо и наклонился к экрану.

Элла открыла следующее фото. Натан в строгом костюме на каком-то благотворительном аукционе.

– Вы могли бы сойти за братьев.

Издав странный горловой звук, Дэмьен выпрямился.

– Что? – спросила Элла.

Он ответил не сразу. Продолжая рассматривать Натана, он задумчиво водил пальцем по крылу носа. Элла отвернулась к экрану и открыла еще несколько фотографий.

– Ты все еще принимаешь противозачаточные?

Глубокий вдох едва не разорвал Элле легкие. Ей не надо было спрашивать, зачем ему это знать. Она знала, как думает ее муж, и поняла ход его мыслей. Смысл вопроса был ясен.

Он хотел, чтобы Натан Донован стал для них донором спермы.

Потрясенная, она повернулась к нему, раскрыв рот.

– Ты же не всерьез... Ты хочешь, чтобы я попросила его... – Но пока она запиналась, задавая свой вопрос, идея пустила корни в ее голове. И это была великолепная идея.

Они могли избежать ненужной возни с поиском подходящего донора в банке спермы, потому что Натан уже был таким. Он не только был похож на Дэмьена, но был еще и умен, и атлетически сложен. Предприимчив. Черты, которые вызывали уважение и восхищение у такого человека, как Дэмьен. Черты, которые были у него самого.

Но сомнения оставались.

– Я же не могу попросить у него пожертвовать сперму. Он только что потерял сына. Он никогда не согласится.

– А ты его не спрашивай.

Резко обернувшись, Элла потрясенно взглянула на мужа.

– Ты же не серьезно? Ты не можешь предлагать мне, чтобы я... – Она не могла закончить фразу. Потому что ее муж, проживший с ней три года, только что предложил ей переспать с другим.

– Он не обязан знать. Никто не узнает, что это не мой ребенок, если мы сами не скажем.

У Эллы дрожали руки. Она сжала их, сложив на коленях. Ложиться в постель с теми, у кого она брала интервью, было ей не новинку. Она так поступила и с Дэмьеном, когда думала, что будет

писать про него. Но с тех пор она так не делала, и никто из тех, с кем она спала, в тот момент еще не был ее официальным заданием. Делая так, она рисковала своей работой. И браком.

И было еще одно обстоятельство. Важное.

– Он женат, – заметила Элла. Чувствуя при этом, что, к собственному удивлению, она не была так уж против идеи переспать с Натаном. Это было странное ощущение. Натан был не первым, кто понравился ей даже после свадьбы с Дэмьеном. Но переспать с ним? Получается, что она изменит Дэмьену?

Но если Дэмьен сам это предложил и у них будет желанный обоими ребенок, то какая же это измена?

Дэмьен указал на экран:

– Тут написано, что они разъехались. Его жена ушла от него прошлым летом.

– Это не значит, что он станет со мной спать.

Вместо возражения Дэмьен фыркнул. Он схватил Эллу за руки. Она представила в этих руках ребенка, почти почувствовав нежный младенческий запах и услышав тихое гульканье. Она была бы так счастлива. Возбуждение от того, что они задумали, охватило ее. Она хотела держать в руках ребенка. Своего ребенка.

Дэмьен сел на стол, заставил ее встать, поставил себе между колен и крепко поцеловал в губы.

– Я нечасто ошибаюсь, – пробормотал он. – Но самая большая моя ошибка в том, что я не сказал тебе правду. Я должен был сказать тебе о себе до того, как мы поженились, и я буду жалеть об этом до самой смерти. Я страшно жалею об этом, Элла.

– Я знаю, – прошептала она. Она чувствовала, что он говорит от всего сердца.

Он снова поцеловал ее, и в этом поцелуе она ощутила его любовь, и стыд, и сожаление – вся, до кончиков пальцев. Она испытала облегчение, поняв, как сильно он любит ее. Родители Грейс не так любили друг друга. У ее собственных родителей не было такой любви.

Подняв голову, Дэмьен взял ее лицо в руки.

– Дай я расскажу тебе про таких, как Натан Донован. Он одинок. Он несчастен. Ты станешь лучом света в его жизни. Так же, как стала для меня. Я тоже был одинок и несчастен, когда мы встретились. Да он не сможет удержаться, чтобы не коснуться тебя. Я не смог.

Элла прикусила нижнюю губу.

– Элла, мы с тобой команда. И в этом, и во всем остальном. И не важно что, мы всегда будем команда. – уговаривал ее Дэмьен. – Ты сделаешь это для нас. И я никогда не вспомню тебе этого.

Она медленно покачала головой.

– Ну что? – он дотронулся до ее губ.

– Я подумала, – она нахмурилась, глядя перед собой. – Я ведь должна буду не только понравиться ему и убедить, что это взаимно. Я еще должна взять у него интервью. Это бизнес. Он захочет остаться в профессиональных отношениях, если только... – Она крутила в руках верхнюю пуговицу на рубашке мужа.

– Если только что? – спросил Дэмьен.

– Если только он не поверит, что я влюбилась в него. Я готова сделать все, чтобы понравиться ему. И я должна свериться с циклом. Может быть, мне придется остаться дольше. Пяти дней может оказаться слишком мало.

Дэмьен ничего не сказал, но кивнул.

Обняв его, Элла прижалась щекой к его груди.

– Пожалуйста, скажи, что все получится и мы вдвоем справимся со всем этим.

Он запустил пальцы в ее волосы и прижался губами к ее уху.

– Все получится, и мы вместе справимся с этим. Я уверен.

Эпилог

– Она с каждым днем все красивее, – сказала Элла про свою трехмесячную дочку, Грейс Элли, которую кормила грудью.

– Потому что она пошла в свою маму, – Дэмьен склонился к Элле, сидящей в кресле-качалке, и поцеловал ее в висок. Затем погладил Грейс по макушке, покрытой темно-каштановыми волосами.

Закончив утреннее кормление, Элла подняла Грейс на плечо и ласково похлопала по спинке, чувствуя под рукой мягкий комбинезончик из органического хлопка с рисунком корги. Дейви купила его и множество других в самом дорогом магазине в Марине.

– Только самое лучшее для моей любимой малышки, – объявила она.

Элла собиралась встретиться сегодня с Дейви в кафе. И ее лучшая подруга обожала, когда на Грейс были выбранные ею наряды.

Уткнувшись носом в волосы Грейс, Элла вдыхала влажный детский запах. Ее сердце трепетало от любви. Грейс срыгнула.

– Ой, – тихо засмеялась Элла. – Кажется, она пошла и в папочку тоже. – Она улыбнулась Дэмьену. Он только покачал головой и поднял глаза к потолку.

Что же до биологического отца Грейс, Элла особо не думала о нем в последние месяцы. Вина за то, что она родила его ребенка и не собиралась сообщать ему об этом, заглушалась раскаянием в двойной измене Дэмьену, и ей было достаточно этого. Она была полностью поглощена их идеальной маленькой семьей и не могла допустить даже мысли о том, чтобы снова огорчить мужа, вернув Натана в их жизнь. Что, если он узнает и попытается отнять у них Грейс? При мысли об этом у нее физически болело сердце. Потерять Грейс было бы невообразимо. Она крепче прижала малышку к себе.

Грейс гулькала и повизгивала. Она сучила ножками, выпуская следующий пузырь воздуха. Элла потерла ей спинку, думая, кого видит Дэмьен, глядя на серо-голубые глаза Грейс, которые, как она подозревала, потом посветлеют и станут льдисто-голубыми. Человека, с которым его жена предала его? Или же есть надежда, что он хотя бы

отчасти видит в ней себя благодаря их с Натаном необычному сходству.

Дэмьен ни разу не упоминал имени Натана с тех пор, как она призналась в своей беременности. Сперва он был в ярости. Чувствовал, что его снова предали. Но она поклялась ему, что это будет только их ребенок. Она хотела, чтобы Дэмьен растил его как своего, точно так же, как они планировали с Саймоном. И он согласился.

– Дай ее мне, – Дэмьен прижал Грейс к груди и похлопал по спинке.

– Тебе разве не надо на работу? – Элла подняла руки над головой и потянулась.

– Работа подождет, – Дэмьен шел через комнату к колыбельке. Элла готова была поклясться, что Грейс улыбнулась ей через его плечо, и ее сердце счастливо забилося. Одним из лучших последствий появления Грейс было то, что Элла наконец примирилась с самоубийством тетки своей дочери. С рождением дочери, названной Грейс Эллой, Элла выполнила свое обещание другу детства и позволила себе простить ее. Простить Грейс за то, что она убила себя. И отца Грейс за то, что он начал все это. Она также нашла в себе силы простить собственную мать. Возможно, потому, что сама стала матерью. Материнство расширяет взгляды, давая возможность рассмотреть другие точки зрения и не тратить силы попусту. И, наконец, Элла простила сама себя. То, как и когда Грейс совершила свой поступок, не было виной Эллы.

Элла пошевелила пальцами, привлекая внимание Грейс. Та радостно заверещала прямо в ухо Дэмьену. Тот отдернул голову.

– Если я оглохну, виновата будет эта мелкая бандитка. – Грейс зевнула, положила головку на плечо Дэмьену и мгновенно заснула. Он осторожно положил ее в колыбельку. Глядя на дочку с нежностью и обожанием, он сказал:

– Я не могу поверить, что она у нас есть. Клянусь, я с каждым днем люблю ее все больше.

– Запомни это. Не успеешь оглянуться, как она станет противным подростком, и ты не сможешь дождаться, чтобы она уехала в колледж.

Дэмьен застонал.

– И ее внимание переключится с тебя на косметику, музыку и мальчиков.

Дэмьен схватился за сердце.

– Ты меня убиваешь.

Элла чмокнула его в щеку.

– Не волнуйся. Она всегда останется твоей девочкой.

– Будем надеяться. – Он взглянул на часы. – Надо бежать. Я опаздываю на рабочее совещание. Увидимся вечером, любимая.

Он поцеловал Эллу, и она ушла в свой кабинет. Хотя она и была в отпуске по уходу за ребенком, но все равно часто проверяла свою почту. Как она и ожидала, наверху в ее почтовом ящике было письмо от доктора Уайтли – он ответил на ее письмо, которое она послала в три часа ночи, после ночного кормления Грейс.

Две недели назад доктор написал ей. Он получил новый грант и начинал новую стадию исследований. Не хочет ли Элла принять в них участие? И, если она все еще планирует написать статью о нем *для Люкс Авеню*, это принесло бы его команде большую пользу.

Элла размышляла две недели, прежде чем ответить. Она сказала Дэмьену, что не хочет возвращать свою память, потому что верила его рассказу о тех днях и часах, которые выпали для нее из предыдущих месяцев. А еще она боялась, что на самом деле любила Натана. И как бы это повлияло на ее брак? Кого бы она выбрала? Ей хотелось думать, что она все равно осталась бы с Дэмьеном, но кто может сказать это наверняка? Элла никогда не думала, что сможет забыть важные моменты своей жизни. И не могла себе представить, что изменит мужу. Все это заставляло задуматься, насколько хорошо она знает сама себя.

И, кроме этого, насколько хорошо она знает собственного мужа?

Она обещала Дэмьену быть честной. И после Лас-Вегаса она была с ним честной во всем. Во всем, кроме этого письма доктору Уайтли. Потому что где-то глубоко в голове у нее сидело это мелкое зудящее чувство.

Элла все вспоминала их разговор с Дэмьеном в отеле в Лас-Вегасе и то, как он улыбнулся, когда она сказала, что не хочет возвращать память. Эта улыбка была какой-то расчетливой. А его выражение – удовлетворенным. Она списала это на его счастье, но, может быть, она обманывала себя. Эта улыбка никогда ей не нравилась.

И то, как Дэмьен наблюдал за ней в первые месяцы после аварии. Изучал, словно пытаясь предугадать ее следующее действие. О чем он тогда думал?

И телефон, который он купил и настроил для нее после аварии. Она не отключала приложений, определяющих ее местонахождение все то время, что она провела с Натаном, и там, среди данных в отделе «показать положение», был незнакомый телефонный номер. Элла подозревала, что Дэмьен отлично знал, где именно на Аляске она была.

Все, что касалось этих воспоминаний, беспокоило ее все сильнее. Но именно то, что она обнаружила в телефоне на прошлой неделе, наконец заставило ее включить среди ночи компьютер. Накинув на плечи одеяло, спасающее от ночного холода, Элла написала свой ответ доктору. Она написала, что его метод работает. И что она нечаянно заблокировала слишком много воспоминаний.

Элла поглядела на время, когда доктор отправил ей ответ. Это было почти сразу после ее письма. Должно быть, он работал всю ночь. Она открыла и прочла письмо. Он хотел, чтобы она приехала к нему как можно скорее, чтобы он мог осмотреть ее. Он хотел провести новые тесты. И прилагал ее уникальный код на случай, если она потеряла файл с ним. Судя по тому, что она пыталась восстановить память самостоятельно, он предполагал, что она потеряла его. Но, может быть, будет лучше, если она подождет с этим до визита к нему. На случай, если что-нибудь опять пойдет не так.

Элла провела курсором по экрану, подведя его к приложенному файлу. Она не была уверена, что ей надо открывать его. Даже если она откроет, не факт, что она использует код. Она даже не была уверена, что знает, как это сделать. И она обещала Дэмьену. Ей не нужны ее воспоминания. Он сам все скажет ей, и, она полагает, уже сказал.

Но с другой стороны...

Это зудящее чувство...

Был ли Дэмьен с ней честен?

Она кликнула по письму.

Примечание автора

Идея намеренного забывания началась с работ Фридриха Ницше, немецкого философа, и была продолжена Зигмундом Фрейдом в его работах о подавлении памяти. На сегодняшний день исследовательские лаборатории изучают вопросы контроля памяти: процесс извлечения и подавления определенных воспоминаний. Какой фантастической ни казалась бы ситуация Эллы, реальность намеренного забывания может оказаться ближе, чем мы думаем. Спасибо вам, что вы прочли историю Эллы. Описывать ее было приключением.

Благодарности

В тот же момент, когда у меня появилась концепция романа, я поняла, что эта история будет моим самым смелым проектом на сегодняшний день. Мне придется иметь дело с героями, ведущими себя в противоречии с моим собственным моральным компасом. И мне придется подталкивать себя так же, как их. Но я не из тех, кто отступает, и я решила написать книгу, от которой невозможно оторваться, потому что она так же интересна, как и непредсказуема. И сейчас вы держите ее в руках благодаря моему агенту Гордону Варнок, его постоянной поддержке и вере в мои способности. Спасибо, Гордон, за то, что верил в эту книгу так же, как я, – и иногда даже больше. Твоя поддержка заставляла меня писать, править и полировать текст, даже когда история стала более мрачной, чем изначально предполагалась.

За все, от редактуры и печати до маркетинга и рекламы, и все, что находится между ними в Amazon Publishing, я благодарю вас, Крис Вернер, Даниэль Маршалл, Николь Помрой, Хай-Ин Мурей, Деннель Кэтлетт, Эшли Вэничек, Майкила Брудер, Кристин Кинг и Габриэлла Дампит. Спасибо, что вы верили в меня и заставили *Прошлым летом* сиять. Вы лучшая команда!

Хизер Лазейр, моему выпускающему редактору, я благодарна за четкие указания, где нужно уплотнить, поднять и усилить сюжет, темп и героев. Спасибо за то, что помогла мне найти подлинную форму этой истории.

Спасибо, Чери Мэдисон, мой прекрасный корректор, за все черточки и точки и понимание моих сложных отношений с запятыми. *Запятыя замедляют темп!* Это моя мантра, и я ее держусь.

Спасибо, мои великолепные друзья и первые читатели Барбара Коейпол Уайт и Орли Кониг, за ваши честные мысли насчет истории и ее героев. Удивительно, на что вы готовы для меня за бутылку вина и джина.

Ни одна книга невозможна без исследований. Спасибо, Крис Гриффин и Маура Мак, за ваши идеи про вертолыжи и Аляску. Вы убедили одну девушку добавить похожее приключение в свой виш-

лист. Я также хочу упомянуть Биар Гриллс. Информация, которую я почерпнула из его книг *Mud, Sweat and Tears*, *Living Wild* и серии *Running Wild*, вдохновила меня на создание героя Натана Донована и его сериала *Ближе к Природе!*

Я не хвастаюсь, но у меня лучшие читатели. Я не могу выразить свою благодарность членам моей Tiki Lounge, которые не только прочли мою книгу, но и рассказали о ней в соцсетях, рекомендуя ее всем знакомым. Специальная благодарность Дженни Белк, которая придумала название сериала Натана Донована *Ближе к Природе!* И Мишель Стак, которая придумала название стартапа Эндрю, Кам Овер Ровер.

Всем блогерам, букстаграмерам и авторам книжных обзоров: спасибо за то, что прочли и поместили у себя прекрасные картинки и честные отзывы о моей книге на своих платформах.

Спасибо моему мужу, Генри, который всегда мог похлопать меня по плечу, если я была несчастна, запутавшись в ожиданиях от книги или с дыркой в сюжете. Моему сыну, Эвану, чья страсть к лыжам нашла свое отражение в этой книге. И моей дочери, Бренне, которая подкрепляла мой истощенный мозг своей прекрасной выпечкой.

И, наконец, всем моим читателям: спасибо за то, что вышли вместе со мной за пределы серии Все обо Всем. Я надеюсь, что мой новый роман понравился вам, и не могу дождаться, когда вы прочтете мою следующую книгу, которая должна выйти летом 2020 года. Я люблю объединять читателей. Можете написать мне на вебсайте (www.kerrylonsdale.com) и отметить меня в Инстаграме (@[kerrylonsdale](https://www.instagram.com/kerrylonsdale)), если будете писать о моих книгах, – я очень люблю вам отвечать. А если вы хотите узнавать последние новости, подписывайтесь на рассылку (www.kerrylonsdale.com/for-readers).